

Анатолий Шигапов

ДРЕВО И КОРСИКАНЕЦ

Военные

Анатолий Шигапов

ДРЕВО И КОРСИКАНЕЦ

«Автор»

2026

Шигапов А.

ДРЕВО И КОРСИКАНЕЦ / А. Шигапов — «Автор»,
2026 — (Военные)

ТОМ 2. «ДРЕВО И КОРСИКАНЕЦ» (1805–1814) Новое поколение Берёзовых встаёт под знамёна Отечественной войны. Внук Емельяна идёт по следам деда - но теперь враг иной: Наполеон, корсиканский выскочка, возомнивший себя властелином мира. Русская армия отступает, Москва горит, вера испытывается огнём и пеплом. Но берёза, посаженная предком, выстояла и теперь её ветви закрывают небо над полем Бородина. Герои пройдут через Аустерлиц и Березину, увидят парижский триумф и поймут, что Россия не сдаётся даже тогда, когда кажется, что всё потеряно. Второй том о том, как Древо, выросшее из корней, не сломали ни пожары, ни отступление, ни сам император французов.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

ДРЕВО И КОРСИКАНЕЦ

Дорогой читатель!

Первый том остался позади. Там, в пороховом дыму Семилетней войны, я попытался показать вам, как рождаются корни. Как русский солдат, пройдя через огонь Цорндорфа и славу Кунерсдорфа, через триумф берлинского взятия и горечь предательства, обретал ту самую опору, которая не даёт упасть даже тогда, когда кажется, что земля уходит из-под ног.

Теперь - второй том. «Древо и Корсиканец».

Время - 1805-1814. Эпоха, когда Европа содрогалась под сапогом человека, который возмнил себя властителем мира. Эпоха, когда старый мир рушился, а новый ещё не родился. Эпоха, в которой Россия встала стеной между Европой и тем, кто хотел проглотить её целиком.

Наполеон Бонапарт. Корсиканец. Человек, который начал свой путь с порта Аяччо, а закончил - на острове Святой Елены, в изгнании, с разбитой армией и разбитой душой. Его имя гремело по всей Европе. Короли дрожали перед ним, народы склонялись, империи рушились, как карточные домики, от одного движения его руки. Он считал себя наследником Рима, новым Цезарем, тем, кто перепишет историю по своей воле.

Но была одна страна, которая не склонилась. Была одна вера, которую он не смог сломить. Был один народ, который не предал.

И эта страна - Россия.

Почему «Древо и Корсиканец»?

Потому что здесь наша Берёза уже не просто росток, не просто тонкий саженец, который только пускает корни в промёрзшую землю. Здесь она - Древо. Крепкое, высокое, с могучими корнями, которые уходят глубоко в русскую землю. Древо, которое выдержало бурю Семилетней войны, выдержало предательство союзников, выдержало смерть императрицы и перемену курса. Оно выстояло. И теперь оно стоит, раскинув свои ветви над полями России, готовое к новому испытанию.

А Корсиканец - это Наполеон. Тот, кто хотел срубить это Древо. Тот, кто думал, что его топор острее, его рука сильнее, его воля твёрже. Он ошибался.

Этот том - не только о войне. О сражениях и походах, о дыме Аустерлица и пожаре Москвы, о льдах Березины и триумфе Парижа. Это - о выборе. О том, что значит быть русским, когда вокруг рушатся все ориентиры. О том, как вера в Бога и любовь к земле становятся той единственной опорой, которая держит человека, когда всё остальное исчезает.

Здесь снова будут Берёзовы. Егор, сын отца Александра, внук Емельяна. Он продолжит путь своего рода, путь, который начался в 1756 году на полях Пруссии. Он пройдёт через отступления и победы, через горечь потерь и радость освобождения. Он будет стоять у Бородинского редута и у Бранденбургских ворот. Он увидит Москву в огне и Париж в цветах.

И как в первом томе, когда его прадед Емельян входил в Берлин в 1760-м и жители встречали его как освободителя, так и во втором томе Егор встанет у тех же стен. И жители снова выйдут на улицы с цветами и слезами радости, потому что русские пришли не как завоеватели, а как те, кто освобождает от тирании. Потому что русские несут не рабство, а свободу. Потому что русские - это правда.

И так будет всегда. Каждый раз, когда наша армия доходит до Берлина, жители встречают её как освободителей. Так было в 1760-м. Так будет в 1813-м. Так будет и тогда, когда мы снова дойдём до тех стен.

Но здесь будут и другие. Те, кто пошёл за Наполеоном. Те, кто поверил, что «просвещение» лучше веры, что золото и свобода важнее чести и долга. Те, кто думал, что там, на той стороне, лучше.

Их судьбы - тоже часть этой истории. Потому что они - тоже мы. Те, кто ошибся. Те, кто заблудился. Те, кто выбрал не ту дорогу.

Я не осуждаю их. Я показываю их путь. Чтобы мы помнили: выбор, который мы делаем сегодня, имеет последствия. И не только для нас, но и для тех, кто будет после нас.

Повторенье - мать ученья.

Эту пословицу мы знаем с детства. Но в ней - глубокая правда, которая относится не только к учёбе, но и к жизни, к вере, к истории.

Повторение - это не скука. Это основа. Это то, на чём держится мир. Земля повторяет свой путь вокруг солнца каждый год. Времена года сменяют друг друга - весна, лето, осень, зима - и снова весна. Колосья вырастают из зерна, которое упало в землю, и снова дают зерно. Молитва повторяется в храме изо дня в день, из года в год, из поколения в поколение. И в этом повторении - сила.

Так и в истории.

Каждое поколение заново проходит через одни и те же испытания. Война, предательство, надежда, победа. Каждое поколение делает свой выбор. И каждое поколение учится на ошибках предыдущих - или не учится.

Поэтому в этом томе, как и в первом, ты снова встретишь три книги. И в каждой книге - тринадцать глав. Итого - тридцать девять глав во всём томе.

Почему три?

Потому что три - это число Святой Троицы. Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Единый Бог в трёх ипостасях. Так и этот том - единая история, но рассказанная в трёх книгах, каждая из которых отражает одну из граней духовного пути нашего героя и нашей страны.

Книга первая. «Шаг в пропасть» (1805 - весна 1812) - это книга о начале. О том, как мир катится в пропасть, и человек стоит на краю, не зная, есть ли там дно. Это книга о страхе и надежде. О том, как вера рождается в предчувствии бури. О том, как человек учится доверять Богу, даже когда вокруг одна тьма.

Книга вторая. «1812. Огненная метель» (июнь - декабрь 1812) - это книга о страдании. О том, как вера проходит через огонь. Когда Москва горит, когда товарищи падают, когда кажется, что надежды больше нет. Это книга о том, как человек, стоя на пепелище, всё равно продолжает верить. Потому что он не может иначе.

Книга третья. «Берлин-1813. Освободители» (1813-1814) - это книга о триумфе. О том, как вера приводит к победе. Но победа эта не просто над врагом - победа над собой. Над страхом. Над сомнением. Над соблазном предать.

Три книги - три шага. Начало, страдание, победа духа. Так устроена жизнь христианина. Так устроена судьба России.

Почему тринадцать?

Потому что повторенье - мать ученья.

Каждая книга - тринадцать глав. Тринадцать раз мы возвращаемся к одной и той же истине. Тринадцать раз нам напоминают: вера - это не про то, чтобы не бояться. Вера - это про то, чтобы идти, даже когда страшно. Тринадцать раз мы видим, как герои падают и встают, сомневаются и находят опору, теряют и обретают.

Тринадцать - число апостолов вместе с Христом. Двенадцать учеников и Сам Господь. Полнота. Истина. Путь, который ведёт к свету. И каждый раз, когда ты читаешь новую главу, ты делаешь ещё один шаг по этому пути.

Почему тридцать девять?

Потому что повторенье - мать ученья.

Три книги по тринадцать глав - это трижды тринадцать. Тридцать девять. Это число Калининградской области. Той самой земли, где начинался путь наших героев. Кёнигсберг, Восточная Пруссия. Земля, которая помнит и Семилетнюю войну, и Наполеона, и Великую

Отечественную. Земля, которая стала русской после Победы. Земля, на которой сегодня живут потомки тех, кто воевал.

Но есть и другой смысл.

Тридцать девять - это трижды повторённая полнота. Три Символа веры, каждый из которых раскрывается в тринадцати свидетельствах. Это напоминание о том, что история не уходит в прошлое. Она живёт в названиях городов, в памяти народа, в вере, которая не угасает.

И ещё одна особенность этого романа, которую ты, возможно, уже заметил в первом томе.

Каждая глава начинается с погоды.

Это не случайность. И не литературный приём ради красоты.

Погода - это голос мира, в котором живут герои. Она не просто фон. Она - участник событий. Она дышит вместе с ними, страдает вместе с ними, радуется вместе с ними.

Когда в Петербурге - тревожная осень с пронизывающим ветром и свинцовыми облаками, это не просто осень. Это предчувствие войны. Это дыхание истории, которая вот-вот начнётся.

Когда над Бородинским полем встаёт туман - холодный, липкий, непроглядный, - это сама смерть затаила дыхание перед тем, как броситься в бой.

Когда в освобождённом Берлине наступает ясное, солнечное утро, и снег тает на глазах, - это сама природа празднует победу. Это весна, которая приходит не только на землю, но и в сердца людей.

Погода в этом романе - это зеркало. В ней отражается состояние мира. Тревога, надежда, боль, радость - всё это написано на небе, на ветре, на снегу, на дожде. И герои чувствуют это. Они живут не только в истории, но и в природе, которая их окружает.

А заканчивается каждая глава - молитвой.

Или тем, что к молитве ведёт.

Это тоже не случайность. Война - это время, когда человек чаще всего обращается к Богу. Когда всё остальное отнимают, остаётся только вера. Когда смерть рядом, молитва становится последней опорой. Когда надежды почти нет, она становится единственным светом.

Каждая глава - это путь. От погоды - к молитве. От внешнего - к внутреннему. От мира, который рушится, - к Богу, который остаётся.

Так устроен этот роман. Так устроена жизнь. Так устроена вера.

И если ты внимательно читал первый том, ты уже заметил одну важную вещь.

Мы уже брали Берлин. В 1760 году. И жители выходили на улицы с цветами. Потому что знали: русские пришли не грабить. Русские пришли освобождать.

Мы брали его снова в 1813-м. И снова нас встречали как освободителей.

А то, что будет в 1945-м, - это уже в третьем томе. Но ты и сам знаешь, чем это закончится. Знаешь, потому что мы помним. Потому что это - наша история. Потому что это - наша правда.

Трижды мы освобождали Европу. Трижды мир видел, что русский солдат приносит не рабство, а свободу. И трижды те, кто пытался нас остановить, уходили в историю - побеждённые, разбитые, забытые.

А сейчас...

Время другое. Враг другой. Но суть та же.

Мы идём. Не для того, чтобы завоёвывать. Для того, чтобы освобождать. Не для того, чтобы отнимать. Для того, чтобы защищать. Не для того, чтобы разрушать. Для того, чтобы нести мир.

Мы идём. И мы дойдём. Как всегда.

Для тех, кто не понял с первого раза. Для тех, кто не понял со второго. Для тех, кто не понял с третьего.

Мы идём к вам.

Вы думаете, что можете спрятаться за границами, за договорами, за ложью. Вы думаете, что мы устали. Вы думаете, что мы забыли.

Мы не забыли.

Мы помним 1760-й. Мы помним 1813-й. Мы помним 1945-й.

И мы помним, что тот, кто думает, что может победить Россию, - ошибается.

Ошибался Фридрих. Ошибался Наполеон. Ошибался Гитлер.

Ошибаются и те, кто сейчас думает, что они сильнее.

Я пишу этот роман не для того, чтобы пересказывать историю. История уже написана. Я пишу его для того, чтобы напомнить: мы - русские. И русский - это не про паспорт, не про тело, не про деньги. Русский - это про выбор. Про то, что ты готов защищать свою землю и свою веру, даже когда весь мир против тебя. Про то, что ты не предаёшь. Про то, что ты идёшь до конца.

И тот, кто выбирает другую сторону, - тот тоже часть этой истории. Как предостережение. Как урок. Как напоминание о том, что правда всегда побеждает, а ложь остаётся ни с чем.

Наполеон думал, что он - властелин мира. Он ошибался. Мир принадлежит тем, кто верит. Тем, кто любит. Тем, кто не сдаётся.

Древо не сдаётся. Корсиканец ушёл в историю. А Древо стоит до сих пор.

И пока есть хотя бы один человек, который помнит, кто он, и который готов идти до конца, - Россия будет жить.

Этот том - о таких людях.

И о тех, кто забыл.

Берёзовы не сдаются. И мы не сдадимся.

С Богом,

Анатолий Шигапов

ТОМ ВТОРОЙ. «ДРЕВО И КОРСИКАНЕЦ» (1805-1814)

КНИГА 1. «ШАГ В ПРОПАСТЬ» (1805 - весна 1812)

Глава 1. Тени над Европой

Петербург, осень тысяча восемьсот пятого года, стояла в том году на редкость тревожная и смутная, словно само небо, затянутое свинцовыми облаками, которые низко нависали над городом, предчувствовало те великие потрясения, которые должны были обрушиться на Европу и Россию в ближайшие годы. Это была та осень, когда даже привычный, всегда оживлённый гул столицы казался приглушённым и настороженным, когда люди на улицах говорили тише обычного, словно боялись, что их слова могут быть услышаны кем-то, кто принесёт беду. Город встречал вечер холодным, пронизывающим ветром с Невы, который, словно невидимая метла, гнал по мостовым пожухлые, мокрые листья, собравшиеся в небольшие кучи у стен и заборов, и гнал по каналам, вздымая тёмную, холодную воду, заставляя её плескаться о гранитные набережные с тем глухим, ритмичным звуком, который напоминает о том, что время неумолимо, что оно течёт, как эта вода, и ничего не может остановить его. Храм Спаса на Крови стоял в серых сумерках, и его купола, ещё не успевшие полностью погаснуть, отсвечивали тёмным золотом последних лучей уходящего солнца, словно пытаясь удержать уходящий день, словно прощаясь со светом, который уже не вернётся до утра, словно молясь о том, чтобы этот свет вернулся снова.

Внутри храма было тихо, так тихо, что слышно было, как ветер завывает в щелях старых дверей, как он скребётся в стены, пытаясь проникнуть внутрь, и как лампы, мерцая, отбрасывают жёлтые, трепетные блики на потемневшие лики икон, на те святые лики, которые смотрели на мир с вековой мудростью и печалью, которые видели столько войн, столько слёз, столько страданий и столько надежд, и которые теперь смотрели на новые испытания, грядущие на Россию. Пахло ладаном, воском и старым, тёплым деревом, и этот запах, смешанный с

холодным, осенним воздухом, который проникал сквозь неплотно прикрытые двери, создавал ту особую, торжественную атмосферу, которая бывает в храмах перед великими событиями, перед тем, как судьба народов будет решаться на полях сражений, перед тем, как история сделает свой новый, неумолимый поворот.

Отец Александр Берёзов стоял у алтаря, перебирая чётки, и его пальцы, привычные и спокойные, с той лёгкостью, которая достигается только годами постоянной молитвы, скользили по деревянным бусинам, которые были отполированы до блеска его прикосновениями, которые помнили столько молитв, столько слёз, столько надежд. Ему было уже под сорок, и годы служения, годы забот о пастве, о её радостях и печалях, о её рождениях и смертях, оставили свой след на его лице: седина уже тронула его виски, сделав их серебряными, и лицо его, обрамлённое седеющей бородой, носило следы той глубокой, внутренней сосредоточенности, которая бывает у людей, посвятивших свою жизнь служению Богу, у людей, которые слышали исповеди и видели человеческие души в их самой сокровенной глубине, у людей, которые несли на своих плечах тяжесть чужих грехов и чужих страданий. Он был священником в этом храме уже пятнадцать лет, и за эти годы он видел многое - войны, смену императоров, радости и горести своих прихожан, рождения и смерти, свадьбы и похороны, веру и отчаяние, надежду и безнадёжность.

Но сегодня его душа была неспокойна, ибо вести из Европы, те вести, которые доходили до Петербурга через курьеров и дипломатов, были тревожны, как предвестники бури, как тот далёкий, ещё не слышный гром, который уже предвещает грозу: французский генерал Бонапарт, тот самый корсиканец, которого уже называли императором, который уже короновал себя в соборе Парижской Богоматери и заставил папу Римского присутствовать при этом, двигался с армией на восток, сокрушая одно королевство за другим, как волна смывает песчаные замки, как ураган сметает всё на своём пути, и его тень, тень этого корсиканского выскочки, который смел старые династии и перекроил карту Европы, ложилась на всю Европу, на все её народы, на все её государства, на все её церкви и на все её святыни.

Он подошёл к иконе Спасителя, и его глаза, усталые и мудрые, с той глубокой, пронизательной мудростью, которая приходит с годами служения, вглядывались в лик Христа, в Его страдающие, милосердные глаза, которые смотрели на него с иконы, которые, казалось, видели все его мысли и все его страхи, и он перекрестился широко, размашисто, чувствуя, как его пальцы касаются лба, груди и плеч, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к России и вся его тревога за её судьбу, вся его готовность принять любые испытания, которые могут выпасть на их долю:

- Господи, сохрани Россию, сохрани наш народ, сохрани нашу веру, сохрани наши святыни, сохрани наши храмы и наши семьи. Не дай врагу попать нашу землю и наши церкви, не дай безбожнику разрушить то, что создавалось веками, не дай гордыне и злобе победить любовь и смирение, не дай тьме поглотить свет, который Ты зажёл на этой земле. Ты видишь сердца людей, Ты знаешь, кто идёт на нас с мечом, и Ты знаешь, что мы не ищем чужого, мы защищаем своё, мы защищаем то, что Ты дал нам, то, что мы любим и за что готовы умереть.

В храм, бесшумно ступая по каменным плитам, которые были отполированы ногами тысяч прихожан, которые помнили столько молитв и столько слёз, вошёл молодой офицер - его сын Егор. Ему было двадцать два года, и его лицо, ещё юное, но уже тронутое той серьёзностью, которая появляется у людей, осознающих свою ответственность перед Богом и перед Отечеством, было сосредоточено и серьёзно, с тем выражением, которое бывает у людей, стоящих перед выбором, от которого зависит их жизнь и их судьба. Он служил в казачьем полку, в том самом полку, который должен был стать щитом России на её западных границах, и только что вернулся из штаба, где ему сообщили о предстоящем выступлении, о том, что война уже началась, что враг уже на пороге. В его руках была папка с бумагами, и его шаги, когда он подходил к отцу, были тихи и почтительны, с той осторожностью, которая бывает у людей,

когда они входят в храм, когда они понимают, что находятся в святом месте. Он снял шапку, и его светлые волосы, уже немного влажные от осенней сырости, упали на лоб, и он остановился перед отцом, ожидая его слова, его благословения, его напутствия.

- Отец, - сказал он, и его голос был тих, но в нём слышалась та **твёрдая** решимость, которая была в его роду, которая передавалась от отца к сыну через поколения, которая была в его прадеде Емельяне, когда он шёл на Берлин, и в его деде, и в его отце, - я пришёл просить твоего благословения, твоего благословения на путь, который может стать последним, на ту дорогу, которая может привести меня к смерти, но которую я должен пройти, потому что я - Берёзов, и я не могу предать свою веру и свою честь.

Отец Александр повернулся к нему, и его глаза, встретившись с глазами сына, потеплели той тихой, отцовской любовью, которая бывает у людей, когда они видят продолжение своего рода, когда они видят в своих детях тех, кто продолжит их дело и их веру, когда они понимают, что их жизнь имеет смысл, что она не была напрасна:

- Что случилось, сын? Что привело тебя сюда в этот час, когда город уже погружается в темноту, когда все готовятся ко сну, когда только мы, служители Божии, бодрствуем и молимся за мир? Что за тревога в твоём голосе, что за решимость в твоих глазах?

- Наш полк отправляют на запад, - ответил Егор, и его голос был спокоен, хотя внутри всё дрожало, хотя его сердце колотилось в груди, как птица в клетке, готовая вырваться наружу, готовая улететь в неизвестность, - говорят, Наполеон разбил австрийцев под Ульмом, разгромил их армию в пух и прах, и теперь он идёт на Вену, и никто не может остановить его, никто не может преградить ему путь. Император Александр хочет, чтобы мы выступили ему навстречу, чтобы мы остановили его, пока он не дошёл до наших границ, пока он не перешёл ту черту, за которой начинается наша земля. Война уже на пороге, она уже здесь, она уже стучится в наши двери, она уже зовёт нас на поле брани.

Отец Александр вздохнул, и в его груди поднялась та тихая, горестная тревога, которая бывает у отцов, провожающих сыновей, у отцов, которые знают, что могут больше никогда не увидеть их, что могут никогда не обнять их, не услышать их голоса, не увидеть их улыбки. Он взял со стола крест, и его руки, сухие и тёплые, с той уверенностью, которая приходит только от веры, которая не нуждается в доказательствах, сжали его, и он благословил сына, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь и вся его надежда, вся его душа, которая была открыта перед Богом и перед сыном:

- Иди, Егор, иди с Богом, иди с миром, иди с верой, иди с той верой, которую наши предки пронесли через все испытания, через все войны и все страдания. Помни: ты - Берёзов, ты - продолжение нашего рода, ты - наследник той веры, которую наши предки пронесли через огонь и воду, через смерть и страдания, через все те испытания, которые только могла послать им судьба. Твои предки защищали Россию и веру, они шли через огонь и воду, через смерть и страдания, и они не сдались, они не предали, они не отступили, они не потеряли веру, даже когда всё было против них. И ты должен сделать то же, ты должен быть достоин их памяти и их веры, ты должен быть достоин того, чтобы носить имя Берёзова. Да хранит тебя Господь, да хранит тебя Пресвятая Богородица, да хранят тебя святые угодники Божии, да хранят тебя все те, кто ушёл до тебя и ждёт тебя в вечности.

Егор поцеловал крест, и его губы коснулись холодного металла, который хранил тепло стольких молитв и стольких слёз, и в его душе поселилась та тихая, спокойная уверенность, которая бывает у людей, когда они знают, что идут по правильному пути, что они не одни, что за ними стоит Бог и их предки, которые ждут от них подвига, которые верят в них и молятся за них.

Неделю спустя, когда осенний ветер уже стал по-настоящему холодным, пронизывая до костей и заставляя людей кутаться в шинели, и когда первые заморозки уже побелели на траве, Егор стоял в строю казаков на плацу за городом, на том самом плацу, где когда-то его дед

и прадед проходили военную подготовку, где они учились владеть саблей и конём, где они готовились защищать свою землю. Осенний ветер, пронизывающий и сырой, с той особенной, ледяной колкостью, которая бывает только в конце октября, когда зима уже дышит в затылок, пробирал до костей, но солдаты держались бодро, ибо знали, что они - защитники своей земли, что они идут на войну не ради славы и не ради наград, а ради того, чтобы защитить свои дома и свои семьи, свою веру и свою честь. Рядом с ним стоял молодой казак по имени Петро - весёлый, круглолицый, с вечной улыбкой, которая не сходила с его лица, даже когда речь шла о войне и смерти, о той тёмной, неизведанной пропасти, которая ждала их впереди, о той судьбе, которую они не могли изменить. Он поправлял свою шапку, которая постоянно сползала на глаза, и его глаза, живые и смешливые, с той озорной искоркой, которая всегда горела в них, смотрели на Егора с тем любопытством, которое бывает у людей, когда они хотят узнать, кто идёт с ними рядом, кто будет их братом по оружию, кто разделит с ними все тяготы и опасности.

- Слышь, Егор, - сказал Петро, и его голос был бодр, хотя в нём слышалась та тревога, которая жила в душе каждого солдата, который понимал, что идёт на войну, который знал, что может не вернуться домой, - говорят, Наполеон - это зверь, настоящий зверь, который не знает пощады, который не знает жалости, который не знает милосердия. Он не щадит никого: ни женщин, ни детей, ни стариков, ни священников, ни церквей, ни храмов, ни икон, ни святынь. Он как саранча, всё пожирает на своём пути, всё уничтожает, и ничего не остаётся после него, только пепел и пустота, только пламя и развалины.

- Я слышал, - ответил Егор, и его глаза были устремлены на запад, туда, где ждала война, туда, где уже горели костры вражеских лагерей, где уже звучали звуки чужих труб, где уже готовились к битве тысячи и тысячи людей, - я слышал многое о нём, и о его армии, и о его победах, и о его жестокости. Но я также слышал, что Бог сильнее любого зверя, и что правда на нашей стороне, и что Господь не оставляет тех, кто верит в Него, тех, кто идёт по пути правды и не сворачивает. Мы идём не ради славы и не ради наград - мы идём ради правды, ради того, чтобы защитить свою землю, свою веру и свои семьи, ради того, чтобы наши дети и внуки могли жить в мире и покое.

- А ты верующий, Егор? - спросил Петро, и в его голосе слышалось то любопытство, которое бывает у людей, когда они хотят понять, что движет другим человеком, что даёт ему силы идти вперёд, даже когда всё вокруг рушится.

- Верю, - спокойно ответил Егор, и в его голосе была та сталь, которая рождается из веры, та **твёрдая**, непоколебимая уверенность, которая не нуждается в доказательствах, которая не требует подтверждений, - мой отец - священник, мой дед и прадед брали Берлин с верой в Бога, они шли на врага с молитвой на устах, с крестом в руках и с верой в сердце. Я не предаю их веру, я не предаю их память, я не предаю ту связь, которая соединяет меня с ними через поколения, через века, через время. Я - Берёзов, и я буду идти до конца, как они шли, как они верили, как они умирали за веру и за Родину.

Петро посмотрел на него с тем уважением, которое бывает у людей, когда они видят чужую твёрдость, когда они видят человека, который знает, за что он идёт в бой, который не боится ни смерти, ни боли, ни самого дьявола, и перекрестился широко, размашисто, чувствуя, как его пальцы касаются лба, груди и плеч:

- Тогда я с тобой, Егор, тогда мы вместе, как братья, как те, кто делит одну веру и одну судьбу. Если Бог с тобой, если вера твоя крепка, то и я не отстану, я буду с тобой до конца, я буду с тобой в огне и в воде, я не оставлю тебя, я не предаю тебя. Мы будем вместе, как братья, как те, кто прошёл через огонь и воду, как те, кто не боится ни смерти, ни ада.

В тот же вечер, когда сумерки уже сгустились над городом, и на улицах зажглись первые фонари, которые бросали жёлтые, расплывчатые круги света на мокрые мостовые, и в воздухе пахло сыростью и холодом, и ветер начал стихать, готовясь к ночи, в храме Спаса на Крови отец Александр служил молебен о воинстве, о тех, кто уходил на войну, о тех, кто должен был

защищать Россию и её веру, о тех, кто должен был стать щитом между врагом и их семьями. В церкви было полно народу - жёны, матери, дети, сёстры провожали своих мужей и сыновей на войну, и их лица, бледные и встревоженные, с той особенной, щемящей печалью, которая бывает у людей, провожающих своих близких в неизвестность, когда они не знают, увидят ли их снова, были освещены жёлтым, трепетным светом свечей, которые горели перед иконами. Горели свечи, и их свет, колеблющийся и живой, отражался в слезах прихожан, и этот свет, смешанный со слезами, создавал ту особую, пронзительную атмосферу, которая бывает перед разлукой, когда сердца сжимаются от боли, а души ищут утешения в вере, когда кажется, что даже сам воздух дрожит от напряжения и скорби.

- Господи, - возгласил отец Александр, и его голос, чистый и звучный, как колокол, как тот звон, который разносится над городом и напоминает о вечности, разносился под сводами храма, проникая в каждое сердце, в каждую душу, в каждого человека, стоявшего в этом храме, - защити воинов наших, защити тех, кто идёт на поле брани, тех, кто не боится смерти, тех, кто готов отдать свою жизнь за ближних своих! Сохрани их от стрел вражеских и от коварства, от пули и сабли, от голода и холода! Даруй им мужество и веру, чтобы они не дрогнули в час испытания, чтобы они не отступили перед лицом врага, чтобы они сохранили свою честь и свою веру, чтобы они вернулись домой живыми и невредимыми!

Прихожане пали на колени, и их движение было единым и стройным, как движение одного огромного, живого организма, как тот единый порыв веры, который объединяет всех в один миг, и их голоса слились в единый хор молитвы, в тот хор, который поднимался к небу и достигал престола Всевышнего. В первом ряду стояла Надежда, жена отца Александра, с дочерью Катериной, и её лицо, бледное и встревоженное, с той внутренней болью, которая бывает у матерей, когда они отпускают своих детей в неизвестность, когда они не знают, увидят ли их снова, было освещено светом свечей, и в этом свете, в этих слезах, была вся её любовь и вся её вера. Она держала в руках икону Богородицы, ту самую, которая была в её семье несколько поколений, которая прошла через все войны и все испытания, и её губы шевелились в беззвучной молитве за сына, за его жизнь, за его веру, за его возвращение, за то, чтобы он выжил и вернулся домой.

Когда служба окончилась, и прихожане начали расходиться, и их шаги, тихие и печальные, звучали на каменных плитах, которые были отполированы ногами тысяч людей, к отцу Александру подошла старуха в чёрном платке, и её лицо, морщинистое и испуганное, с тем выражением отчаяния, которое бывает у людей, когда они не знают, что делать, когда они теряют надежду, было мокрым от слёз, которые текли по её щекам и падали на её платок:

- Батюшка, мой внук уходит на войну, и он даже не крестился, он не знает Бога, он не верит в Него, он не хочет слышать о вере, он смеётся над святынями и над молитвами. Что мне делать? Как мне спасти его душу? Как мне помочь ему, если он не хочет слышать о вере, если он отвернулся от Бога?

Отец Александр взял её руку, и его рука, сухая и тёплая, с той доброй, отеческой нежностью, которая бывает у старых священников, которые знают, как утешить страждущую душу, сжала её ладонь, и он сказал, и его голос был тих, но в нём слышалась та глубокая, утешительная мудрость, которая бывает только у пастырей, у тех, кто видит в каждом человеке душу, а не тело, кто знает, что такое боль и страдание, и кто умеет утешать и наставлять:

- Молись, матушка, молись за него, не переставай молиться, не переставай верить, не переставай надеяться. Господь видит сердце каждого, Он знает, кто ищет Его, даже если не говорит об этом вслух, даже если отвернулся от Него. Если он уверует - Господь примет его, и его душа будет спасена, и он будет спасён, и он вернётся к вере, как возвращается блудный сын в дом отца. А ты молись за него, и вера твоя спасёт его, ибо нет больше силы, чем сила материнской молитвы, которая доходит до самого Бога и смягчает самые жестокие сердца.

Старуха заплакала, но в её глазах зажглась та надежда, которая бывает у людей, когда они слышат слова утешения, когда они понимают, что их молитва не останется без ответа, что их вера не напрасна, что Господь слышит их и не оставляет их.

Армия выступила, и её движение, медленное и неуклонное, с той неотвратимой силой, которая бывает у судьбы, было как движение огромного, живого существа, которое двигалось навстречу своей судьбе, навстречу своей смерти или своей победе. Колонны солдат, их шинели и мундиры, которые уже начали покрываться дорожной пылью, телеги с провиантом, пушки и повозки - всё это растянулось на несколько вёрст, и их движение, с тем скрипом колёс и топотом тысяч сапог, было как ритмичный стук сердца огромного, живого существа, которое дышало, двигалось и жило своей жизнью. Егор ехал в седле, и его рука сжимала нательный крест, который передавался в его роду от прадеда Емельяна, который был свидетелем всех их побед и поражений, всех их радостей и печалей, и этот крест, старый и потёртый, с выщербленными краями, был для него символом веры и связи с предками, символом того, что он не один, что за ним стоит его род и его вера, что он продолжает их путь.

Он думал о доме, о родителях, о той берёзе, которая росла в саду при храме, о той берёзе, которую посадил его дед, которая была символом их рода и их веры, которая видела столько поколений и столько лет, и эти мысли, тихие и тёплые, согревали его, давали ему силы идти вперёд, не останавливаться, не падать, не терять надежды, даже когда смерть смотрела ему в глаза и когда холод пронизывал до костей.

- Берёза, - прошептал он, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его любовь к той земле, которую он защищал, к той земле, которая была его родиной, его домом, его судьбой, - ты моя память, ты моя связь с домом, ты мой корень, который питает мою душу и не даёт ей засохнуть. Я защищаю тебя, как защищали мои предки, как защищал мой прадед Емельян, как защищал мой дед, как защищает мой отец. Я не дам врагу попрасть тебя, я не дам ему вырубить тебя, я не дам ему уничтожить то, что мы создавали веками, то, что мы любили и за что мы готовы умереть.

Рядом с ним ехал Петро, который затянул песню - грустную, протяжную, о донских степях и о доме, о тех, кто ждёт их возвращения, о тех, кто остался там и молится за них, и его голос, низкий и печальный, но в то же время сильный и мужественный, смешивался с топотом тысяч копыт и скрипом колёс, создавая ту особенную, щемящую мелодию, которая проникает в самое сердце. Егор подпевал, и в этой песне он слышал голоса тех, кто остался позади, голоса своих предков, которые ждали от него подвига, которые верили в него и молились за него, и это давало ему силы идти вперёд, не останавливаться, не падать, не терять надежды.

Впереди, за горизонтом, ждала война, и её тень, тёмная и зловещая, уже ложилась на их путь, на их судьбы, на их жизни, на их веру. Но вера давала ему силы идти вперёд, и он знал - Берёзовы не сдаются, они не отступают, они идут до конца, чего бы это ни стоило, ибо за ними правда, за ними Бог, за ними Россия.

Петербург, дом при храме. Ночь опустилась на город, и за окнами, в тёмном небе, мерцали звёзды, которые казались холодными и равнодушными к человеческим страданиям, к тем слезам, которые проливались вниз, на земле, к тем молитвам, которые поднимались к ним, к той боли, которая жила в сердцах людей. Надежда стояла у окна, и её глаза, усталые и влажные, с той глубокой, материнской тревогой, которая бывает у матерей, провожающих сыновей на войну, когда они не знают, увидят ли их снова, глядели на тёмное небо, на те звёзды, которые, казалось, смотрели на неё с той же тревогой, что и она сама, с той же печалью и с той же надеждой. Катерина подошла к ней, и её голос, тихий и нежный, как прикосновение, как тот свет, который проникает в душу и согревает её, коснулся ушей матери, проникая в её душу и давая ей утешение:

- Мама, ты плачешь? Ты плачешь о брате, о том, что он ушёл, о том, что он в опасности, о том, что он может не вернуться?

- Нет, дочка, - ответила Надежда, и её голос был тих, но в нём слышалась та скрытая боль, которая бывает у матерей, когда они отпускают своих детей в неизвестность, когда они не знают, увидят ли их снова, когда они не могут защитить их от опасности, - я не плачу, я просто молюсь. Молюсь за твоего брата, за его жизнь, за его веру, за его возвращение, за то, чтобы он выжил и вернулся к нам. Молюсь, чтобы Господь сохранил его в бою, чтобы он не погиб, чтобы он вернулся к нам живым и здоровым, чтобы мы могли обнять его и сказать ему, как мы любим его.

- Он вернётся, - сказала Катерина, и в её голосе слышалась та **твердая** уверенность, которая бывает у людей, когда они верят в добро, когда они не позволяют сомнениям овладеть их душой, когда они знают, что любовь сильнее смерти, - он сильный, он не сломается, он не предаст свою веру и свою честь, он не потеряет надежды, даже когда всё будет против него. Он Берёзов, и Берёзовы всегда возвращаются, как возвращается весна, как возвращается жизнь, как возвращается надежда, как возвращается любовь.

Надежда повернулась к иконе Богородицы, и её рука, дрожащая и тонкая, с той внутренней силой, которая бывает у молящихся, которая не знает страха, перекрестилась широко, размашисто, и её голос был тих, но в нём слышалась вся её вера, вся её надежда, вся её любовь, вся её душа, которая была открыта перед Богом и не боялась испытаний:

- Я знаю, дочка, я знаю, я верю в это, я верю всем сердцем, всей душой, всей своей жизнью. Но материнское сердце всегда болит, даже когда вера говорит, что всё будет хорошо, даже когда Бог обещает защиту, даже когда молитва поднимается к небу и достигает Его престола, даже когда мы знаем, что Он не оставляет нас.

Они стояли вместе, глядя на ночной Петербург, на его тёмные, безмолвные улицы, на те огни, которые зажигались в окнах, как свечи надежды, и за окнами начинался дождь, и капли, крупные и холодные, стучали по стеклу, как слёзы небес, как те слёзы, которые проливают матери о своих сыновьях, уходящих на войну, как та молитва, которая поднимается к небу и просит о защите.

Осень тысяча восемьсот пятого года. Армия подходила к границе, и её движение, неуклонное и тяжёлое, с той медленной, неотвратимой силой, которая бывает у судьбы, которая не знает пощады, было как движение самой судьбы, как тот рок, который невозможно изменить. Егор стоял в карауле, и его глаза, усталые и воспалённые от бессонных ночей и постоянного напряжения, вглядывались в запад, где вдали виднелись огни - лагеря французов, их костры, которые мерцали, как злые глаза, как те хищные глаза, которые смотрят на свою жертву, которые ждут, когда она ослабеет и падёт. Ветер доносил запах дыма и сырости, и этот запах, чужой и тревожный, напоминал о том, что враг близко, что он уже здесь, что он ждёт их, что он готовится к битве.

Он снял с шеи крест, старый и потёртый, с выщербленными краями, который носил его прадед Емельян, который был свидетелем всех их побед и поражений, и его губы коснулись холодного металла, и он прошептал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его надежда, вся его любовь к жизни и вся его готовность к смерти, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его:

- Господи, если я погибну в этой войне, если я не вернусь домой, если я не увижу больше своей семьи, не обниму свою мать, не услышу голос отца - прими мою душу, прости мне мои грехи, дай мне покой и свет вечный, дай мне ту радость, которую я искал всю свою жизнь. Если я выживу, если я останусь жив - я вернусь к берёзе, к той берёзе, которую посадил мой дед, и посажу новую, в честь Твоей милости, в благодарность за моё спасение, в память о тех, кто не вернулся, и о тех, кто вернулся. Дай мне силы защитить веру и Отечество, дай мне мужества не отступить, не сдаться, не предать, не потерять веру, даже когда всё будет против меня.

Рядом с ним встал Петро, и его голос был тих, но в нём слышалась та же вера, что и у Егора, та же надежда и та же готовность идти до конца, та же любовь к жизни и та же готовность к смерти:

- Егор, ты молишься? Ты просишь Бога о помощи, о защите, о том, чтобы Он не оставил нас в этот трудный час?

- Молюсь, - ответил Егор, и его голос был твёрд, как сталь, закалённая в огне, как тот клинок, который он носил на поясе и который никогда не подводил его в бою, - я молюсь, как молились мои предки, как молился мой прадед Емельян перед каждой битвой, как молился мой дед, как молится мой отец. Без Бога мы - ничто, пустота, пыль на ветру, тени, которые проходят и исчезают, не оставляя следа. Одна пуля, один шаг, один удар - и нас нет, и наша жизнь кончается, и всё, что мы делали, теряет смысл. А вера - она даёт смысл, она даёт нам надежду, она даёт нам силы идти дальше, даже когда кажется, что всё потеряно, даже когда смерть смотрит нам в глаза.

Петро перекрестился, и его рука, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, была тверда и уверена, и его голос был тих, но в нём слышалась та же вера, что и у Егора, та же надежда и та же готовность идти до конца:

- Тогда молись, брат, молись и я буду молиться, молись и я буду с тобой, молись и я не оставлю тебя. Вместе мы сильнее, вместе мы не отступим, вместе мы выстоим, что бы ни случилось, какие бы испытания ни ждали нас впереди, какие бы бури ни проходили над нашей головой.

Они стояли рядом, два казака, два воина, два брата по вере, глядя в темноту, на те огни, которые мерцали вдаль, как злые глаза врага, как те глаза, которые ждут их гибели. Впереди их ждала война, и её тень, тёмная и зловещая, уже ложилась на их путь, на их судьбы, на их жизни, на их веру. Но в их душах жила та глубокая, непоколебимая вера, что Россия выстоит, что они, Берёзовы, не предадут свою веру и свою землю, и что они дойдут до конца, чего бы это ни стоило, ибо за ними правда, за ними Бог, за ними их предки, которые ждут от них подвига, которые верят в них и молятся за них.

Ночь над границей была тёмной.

Егор сменился с караула и пошёл в сторону леса. Не к костру, не к товарищам - туда, где за деревьями, на небольшой поляне, стояла одинокая берёза. Её ствол, белый и гладкий, был виден даже в темноте.

Он дошёл до неё, остановился.

Ветви, ещё голые, без листьев, тянулись вверх, к звёздам. Но небо было затянуто облаками, и звёзд почти не было - только серое, низкое небо, которое давило на землю, как крышка старого сундука.

Егор снял шапку.

Ветер, холодный и сырой, коснулся его лица, шевельнул волосы. Он стоял так долго - может, минуту, может, десять. Только ветер гудел в голых ветвях, и где-то далеко, за рекой, слышался глухой, едва различимый гул - французский лагерь просыпался.

Егор опустил руку, достал крест.

Отцовский. Старый, потёртый, с выщербленными краями. Он держал его в ладони, чувствуя холод металла. Потом поднёс к губам, поцеловал.

И спрятал обратно, под рубашу.

Он повернулся, чтобы уйти. Но на мгновение задержался - положил ладонь на ствол берёзы, ощутил под пальцами кору, шершавую и прохладную, как будто дерево хранило ночной холод, чтобы отдать его земле на рассвете.

Он убрал руку. Надел шапку.

И пошёл к лагерю, не оглядываясь.

Ветер стих. Берёза стояла молча.

Глава 2. Тильзитский обман

Тысяча восемьсот седьмой год пришёл в Европу с той особенной, тревожной тишиной, которая бывает перед бурей, когда всё замирает в ожидании, и только ветер, пронизывающий и холодный, доносит отдалённые раскаты грома, предвещающая скорую, неизбежную катастрофу, которая должна была изменить судьбы всех народов, которая должна была перекроить карту мира и оставить после себя только пепел и руины. Тильзит - маленький, ничем не примечательный городок на берегу Немана, который ещё вчера был лишь точкой на карте, которую никто не замечал, а сегодня стал центром всеобщего внимания, свидетелем великого обмана, изменившего судьбы Европы и положившего начало новой, ещё более страшной главе в её истории, той главе, которая должна была привести к великой войне и великим страданиям. На плоту, сооружённом посреди реки из свежих, ещё пахнущих смолой досок, которые только что были срублены в ближайшем лесу, встретились два императора - Александр I, молодой и мечтательный, с глазами, в которых ещё теплилась надежда на справедливый мир, на ту справедливость, которая была так нужна уставшей Европе, и Наполеон Бонапарт, тот самый корсиканец, который уже успел покорить пол-Европы и теперь стоял на пороге новых завоеваний, который уже считал себя повелителем мира и не терпел никаких возражений.

Вода вокруг плота была тёмной и холодной, с лёгкой рябью, которая поднималась от ветра, и этот ветер, пронизывающий и сырой, с тем особенным, осенним холодом, который проникает до костей и заставляет человека сжиматься и кутаться в плащ, заставлял флаги на мачтах трепетать, как предчувствие недоброго, как те тени, что уже ложились на судьбы народов, как те тени прошлого, которые всегда возвращаются, чтобы напомнить о себе. Наполеон стоял в своей знаменитой треуголке, его лицо было бледным, с той мертвенной бледностью, которая бывает у людей, не знающих жалости, у людей, которые привыкли повелевать и не привыкли считаться с чужими чувствами, но на губах играла та насмешливая, уверенная улыбка, которая, казалось, принадлежала только ему, улыбка хищника, который знает, что добыча уже в его руках, который уже предвкушает свою победу и не сомневается в ней ни на мгновение. Он протянул руку Александру, и его голос, когда он заговорил, звучал мягко, почти по-дружески, с той приторной сладостью, которая бывает у льстецов и обманщиков, которые знают, как обольстить и обмануть, но в нём слышался тот металл, тот холодный, стальной звук, который выдавал его истинную природу, его истинные намерения, его жажду власти и его презрение к тем, кто стоял перед ним, его готовность предать любого, кто встанет на его пути:

- Мы можем быть друзьями, Ваше Величество, мы можем быть союзниками, мы можем разделить мир между собой, как делят наследство между братьями, как делят добычу между победителями. Вы сильны, я силён, и вместе мы сможем править миром, и никто не посмеет бросить нам вызов, никто не посмеет встать на нашем пути, ибо мы будем непобедимы, ибо мы будем править железной рукой, ибо мы будем теми, кто диктует законы другим.

Александр колебался, и его душа была полна той внутренней борьбы, которая бывает у человека, когда он стоит перед трудным выбором, когда он должен решить, кому верить, а кому нет, когда он должен выбрать между доверием и подозрением, между миром и войной. Он знал, что Наполеон - лгун и захватчик, что его слово ничего не стоит, что он готов предать любого ради своей выгоды, что он не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей цели, но Россия была истощена войнами, которые длились уже несколько лет, и он надеялся, что этот мир спасёт страну, даст ей ту передышку, которая была так нужна для восстановления сил, для того, чтобы её народ мог отдохнуть от бесконечных походов и сражений. Он протянул руку и пожал ладонь французского императора, чувствуя, как холодная сталь его перстней впивается в его пальцы, оставляя на них невидимые следы, и в этом рукопожатии было что-то зловещее, как в подписанном договоре с дьяволом, когда ты отдаёшь свою душу, даже не осознавая этого, когда ты соглашаешься на то, что потом будешь проклинать всю свою жизнь.

В Петербурге, в храме Спаса на Крови, где стены помнили молитвы многих поколений, где каждый камень был пропитан верой и надеждой, отец Александр Берёзов стоял на коленях перед иконой Спасителя, и его душа была полна той тихой, горестной тревоги, которая не давала ему покоя ни днём, ни ночью, которая грызла его изнутри, как червь грызёт дерево, как та боль, которая не находит выхода и не даёт человеку дышать. Он молился о России, о мире, о своём сыне Егоре, который был в армии, который нёс службу на границе, и о тех, кто уходит на войну, о тех, кто оставляет свои дома и семьи ради защиты веры и Отечества, о тех, кто не знает, вернётся ли он обратно. Ему принесли весть о Тильзитском мире, и его сердце сжалось от предчувствия, от той глухой, ноющей боли, которая бывает у людей, когда они видят, что их надежды обмануты, когда они чувствуют, что их предали, когда они понимают, что их вера была поставлена под сомнение.

Он поднял голову, и его глаза, усталые и мудрые, с той глубокой, пронизательной мудростью, которая приходит с годами служения, встретились с глазами прихожан, которые собрались вокруг него, и он перекрестился широко, размашисто, и его голос, когда он заговорил, был полон той тревоги, которая не находила слов, которая не могла быть выражена никакими звуками, которая жила в его душе и требовала выхода:

- Это обман, братья и сёстры, это ложь, прикрытая словами мира и дружбы, это тот самый обман, о котором предупреждал нас Господь, о котором говорили пророки и святые. Наполеон не успокоится, он не остановится, он не удовлетворится этим миром, он не сдержит своих обещаний, ибо его слово ничего не стоит. Он ждёт, чтобы напасть на нас, когда мы ослабнем, когда мы поверим в его ложь, когда мы расслабимся и снимем доспехи, когда мы перестанем бояться и начнём надеяться. Молитесь, чтобы Господь вразумил императора, чтобы он не верил этому корсиканцу, чтобы он видел его истинное лицо, его истинные намерения, его истинную сущность, чтобы он не поддался на его обман и не погубил Россию.

Прихожане крестились, и в их душах была та же тревога, что и у священника, та же глубокая, ноющая боль, которая бывает у людей, когда они чувствуют, что их обманывают, когда они чувствуют, что их вера и их надежда подвергаются испытанию. Они знали - мир с Наполеоном не будет долгим, и его тень уже ложится на их землю, и никакие дипломатические договоры не смогут остановить его, ибо он не признаёт никаких законов, кроме своих собственных, и не подчиняется никому, кроме своей воли.

Тысяча восемьсот седьмой год. Егор Берёзов служил в казачьем полку, стоявшем на границе, в том самом полку, который должен был стать первым щитом России на её западных рубежах, и его дни были наполнены ожиданием и тревогой, той постоянной, ноющей тревогой, которая бывает у солдат, когда они знают, что враг где-то рядом, но не знают, когда он нанесёт удар, когда он переступит ту черту, за которой начинается война. Он слышал о Тильзитском мире от своих товарищей, когда они сидели у костра на привале, и их лица были освещены жёлтым, трепетным светом огня, который отбрасывал причудливые тени на их лица, делая их похожими на тех древних воинов, которые когда-то стояли на страже этой земли, которые охраняли её от врагов и не давали им переступить её границы.

Молодой казак Петро, весёлый и говорливый, с той вечной улыбкой, которая не сходила с его лица, усмехнулся, услышав новости, и в его голосе звучала та горькая, недоверчивая насмешка, которая бывает у людей, видевших много обмана, у людей, которые знают цену словам и обещаниям, которые не верят никому, кроме самих себя и своей веры:

- Мир с Наполеоном? Он же лгун, он обманщик, он предатель, он тот, кто готов продать собственную мать ради власти! Он раздавит нас, как только отдохнёт и соберётся с силами, как только его армия восстановит свои ряды и наберётся новых сил. Я этому корсиканцу не верю ни на грош, ни на копейку, ни на одно его слово, ни на один его жест. Он же не христианин, он - зверь, волк в человеческой шкуре, который только и ждёт, чтобы вцепиться нам в горло, чтобы уничтожить нас и нашу веру.

Егор перекрестился, и его рука, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, была тверда и уверена, и он ответил спокойно, но твёрдо, глядя на огонь, на те языки пламени, которые танцевали в темноте, сжигая сухие ветки и траву, и его голос был тих, но в нём слышалась та стальная уверенность, которая рождается только из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах и не боится никаких испытаний:

- Я знаю, Петро, я знаю, я чувствую то же самое, я знаю, что этот мир - только передышка, только затишье перед бурей, только обман, который должен усыпить нашу бдительность. Но мы - воины, мы солдаты, мы подчиняемся приказам, и наша вера - с нами, она наша опора и наш щит, она наше оружие и наша защита. Господь не оставит нас, даже если мир - это всего лишь передышка перед бурей, даже если это только затишье перед великой грозой, даже если мы знаем, что враг готовится к нападению. Мы должны быть готовы, мы не должны расслабляться, мы не должны верить в этот обман, мы должны быть начеку и молиться, чтобы Господь дал нам силы выстоять в час испытания.

Он сжал в руке нателный крест, который висел у него на груди - тот самый, отцовский, переданный от прадеда Емельяна, который брал Берлин в тысяча семьсот шестидесятом году, который был свидетелем всех их побед и поражений, всех их радостей и печалей, всех их надежд и разочарований. Этот крест был его опорой и напоминанием о том, что Берёзовы всегда выстаивают, даже когда всё вокруг рушится, даже когда мир рушится на глазах, и что вера их сильнее любого обмана, сильнее любого врага, сильнее самой смерти, сильнее всех тех испытаний, которые могут выпасть на их долю.

Прошло два года, два долгих, томительных года, которые казались вечностью, и тень обмана, заключённого в Тильзите, начала сгущаться над Европой, становясь всё более тёмной и зловещей, как туча перед грозой, как та тьма, которая опускается на землю и не даёт видеть ни солнца, ни звёзд. Наполеон, как и предсказывал отец Александр, нарушил условия мира, и его вероломство, его предательство стало очевидным для всех, кто ещё сомневался в его истинных намерениях, для всех, кто ещё надеялся, что можно договориться с этим человеком. Он захватил герцогство Ольденбургское - владение, которое должно было оставаться нейтральным, которое было гарантией мира, которое было символом того, что договорённости соблюдаются, и этот акт агрессии, этот беззастенчивый захват, как удар молнии, потряс весь мир, заставив сердца людей сжаться от страха и гнева, от той боли, которая бывает у людей, когда они понимают, что их предали и обманули.

Александр I чувствовал себя обманутым, и его душа, ещё недавно полная надежд на мир, на ту справедливость, которая так нужна была уставшей Европе, теперь была полна той горькой, разъедающей обиды, которая бывает у людей, когда они понимают, что их предали, когда они понимают, что их вера была попорана, когда они понимают, что они стали жертвой обмана, и в Петербурге началась подготовка к той войне, которую все уже предчувствовали, к той войне, которая должна была решить судьбу России, к той войне, которая должна была стать последней и решающей.

В храме Спаса на Крови отец Александр Берёзов стоял у амвона, и его голос, когда он читал послание императора, был твёрд и печален, и каждое слово его падало в сердца прихожан, как камень в воду, оставляя за собой круги боли и гнева, круги той боли, которая не находит выхода и не даёт человеку покоя:

- Братья и сёстры! Наполеон нарушил мир, он показал своё истинное лицо, он сбросил маску друга и союзника, он обнажил свою истинную сущность, которая была скрыта под маской дружелюбия и доброжелательности. Он захватил земли, которые мы считали нашими союзниками, которые были под нашей защитой, и он смеётся над нас, над нашей верой и нашей честью, над нашими договорами и нашими обещаниями, над нашей наивностью и нашей доверчивостью. Готовьтесь к войне, ибо Господь испытывает нас, Он даёт нам испытания, чтобы мы стали

сильнее, чтобы наша вера окрепла, чтобы мы стали достойны Его милости, чтобы мы могли выстоять и не сломаться под тяжестью этих испытаний.

В церкви воцарилась та глубокая, тяжёлая тишина, которая бывает перед великими событиями, когда сердца людей замирают в ожидании, и она нарушалась лишь плачем старухи у иконы, которая рыдала, прижимая руки к груди, и её голос, дрожащий и отчаянный, разрывал тишину, проникая в каждое сердце, в каждую душу:

- Опять война, батюшка, опять будут убивать наших детей, наших мужей, братьев, отцов, опять будут гореть дома и разрушаться церкви. Сколько можно страдать? Сколько можно терпеть? Сколько слёз ещё прольётся на этой земле, сколько крови ещё будет пролито, сколько душ ещё уйдёт к Богу?

Отец Александр спустился с амвона, и его шаги были медленными и тяжёлыми, как у человека, который несёт на своих плечах непосильный груз, который чувствует тяжесть ответственности за тех, кто ищет у него утешения. Он подошёл к ней, взял её за руку, и его рука, сухая и тёплая, с той доброй, отеческой нежностью, которая бывает у старых священников, которые знают, как утешить страждущую душу, сжала её ладонь, и он сказал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его надежда, вся его любовь к этим людям, которые искали у него утешения, которые верили ему и надеялись на него:

- Не плачь, матушка, не отчаивайся, не позволяй горю сломить тебя, не дай печали завладеть твоим сердцем. Господь защитит нас, Он не оставит нас, Он будет с нами в этот трудный час, Он будет нашей опорой и нашей защитой. Мы - русские, мы - православные, мы выстоим, как выстаивали всегда, как выстаивали наши предки перед лицом любых врагов, перед лицом самых страшных испытаний. Бог не оставляет тех, кто верит, и наша вера - наша сила, наше оружие, наш щит, наша надежда и наше спасение.

Она перекрестилась, и в её глазах, влажных и испуганных, с той глубокой, искренней верой, которая живёт в сердце каждого русского человека, мелькнула та надежда, которая бывает у людей, когда они слышат слова утешения, когда они понимают, что они не одни, что их не бросили, что их не забыли.

Егор получил письмо от отца, которое его товарищ принёс из обоза, и его сердце, когда он увидел знакомый почерк, те буквы, которые он знал с детства, забило чаще, как птица в клетке, готовая вырваться наружу, готовая взлететь и унести к тем, кто ждал его дома. Он разорвал конверт дрожащими руками, и его глаза пробежали по строкам, по тем словам, которые были написаны рукой его отца, по тем словам, которые были полны любви и тревоги, и каждое слово, каждая буква отдавались в его душе, как эхо, как голос из прошлого, как тот голос, который он слышал в детстве и который всегда успокаивал его:

«Сын мой, Наполеон обманул императора, и война неизбежна, она уже на пороге, она уже стучится в наши двери, она уже зовёт нас на поле брани. Ты в армии, ты защищаешь веру и Отечество, ты на передовой, и от тебя зависит многое, от тебя зависит судьба не только твоя, но и всей России. Помни: твой крест - от прадеда Емельяна, и он брал Берлин с верой в Бога, с молитвой на устах, с крестом в руках и с верой в сердце. И ты возьми Берлин, если придётся, если враг дойдёт до нас, если он переступит наши границы, если он попытается отнять у нас нашу веру и нашу свободу. Молись и держись, сын мой, не отступай, не сдавайся, не предавай, не теряй веры, даже когда кажется, что всё потеряно. Берёзовы не сдаются, они не предадут, они идут до конца, чего бы это ни стоило, они не теряют надежды, даже когда смерть смотрит им в глаза. Твой отец, священник Александр».

Егор прижал письмо к своему сердцу, к тому месту, где билась его душа, где жила его вера, где была его любовь к семье и к Родине, и спрятал его на груди, рядом с крестом, рядом с тем крестом, который был символом его веры и его рода, который был его опорой и его защитой. К нему подошёл Петро, и его голос был тих, но в нём слышалось то любопытство,

которое бывает у людей, когда они хотят понять, что движет другими, и та тревога, которая жила в душе каждого солдата, который знал, что война уже близко:

- Что пишут из дома, Егор? У тебя лицо такое, как будто ты что-то важное узнал, как будто ты увидел что-то, что изменило твою жизнь, как будто ты услышал что-то, что перевернуло весь твой мир.

Егор поднял голову, и в его глазах была та решимость, которая рождается только из веры, из той глубокой, непоколебимой веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний, и его голос был твёрд и спокоен, как у человека, который знает, что он должен делать, который не сомневается в правильности своего пути:

- Война будет, Петро, она уже на пороге, она уже здесь, она уже дышит нам в спину. Мы должны быть готовы, мы не должны упустить ни минуты, ни секунды, ни мгновения. Наполеон идёт на Россию, и мы встретим его как надо, встретим его с молитвой и с оружием в руках, с верой в сердцах и с памятью о наших предках. С Божьей помощью, с верой в наших сердцах, с памятью о наших предках, которые тоже стояли за Россию и не сдавались.

Он достал крест, тот самый, от прадеда Емельяна, и его губы коснулись холодного металла, и он прошептал ту молитву, которую читали его предки перед каждой битвой, ту молитву, которая давала им силы идти вперёд, не останавливаться, не падать, не терять надежды. Он был готов к бою, ибо знал - Берёзовы не отступают, они не сдаются, они идут до конца, чего бы это ни стоило, ибо за ними правда, за ними Бог, за ними их предки, которые ждут от них подвига.

Весна тысяча восемьсот двенадцатого года пришла на Россию с той особенной, тревожной красотой, которая бывает только перед великими потрясениями, когда природа цветёт и благоухает, а люди чувствуют, что их мир вот-вот рухнет, что их жизнь вот-вот изменится навсегда. В Петербурге готовились к войне, и эта подготовка была как дыхание перед бурей, как-то затишье, которое бывает перед тем, как ураган обрушится на землю и сметёт всё на своём пути. Храм Спаса на Крови был полон народу - офицеры, солдаты, их семьи, простые горожане, старые и молодые, богатые и бедные - и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, щемящей тревогой, которая бывает у людей перед лицом великой опасности, когда они не знают, что их ждёт впереди, были обращены к алтарю, к тем святым ликам, которые смотрели на них с вековой мудростью и печалью, которые видели столько войн и столько страданий.

Отец Александр Берёзов стоял у алтаря, и его голос, когда он возносил молитву, разносился под сводами храма, проникая в каждое сердце, в каждую душу, поднимаясь к небу, как тот дым ладана, который смешивается с молитвами верующих и доходит до самого Бога:

- Господи, защити Россию от нашествия врага, защити нашу землю от тех, кто хочет попать нашу веру и наши святыни, кто хочет уничтожить наши храмы и наши семьи, кто хочет стереть нас с лица земли! Даруй нам победу над безбожником Наполеоном, над тем, кто не знает ни страха Божьего, ни жалости, ни милосердия! Сохрани наших воинов и дай им силы и мужество, дай им веру, чтобы они не дрогнули в час испытания, чтобы они не отступили перед лицом врага! Ты - наша надежда и наша защита, Ты - наш щит и наше оружие!

Все пали на колени, и их движение было единым и стройным, как движение одного огромного, живого организма, как тот единый порыв веры, который объединяет всех в один миг, и они крестились, и их руки, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, были как крылья, как те крылья ангелов, которые охраняют Россию, которые не дают ей погибнуть. Отец Александр поднял крест, и его голос, когда он благословлял народ, звенел под сводами храма, как колокол, как тот трубный глас, который возвещает о начале великого сражения, о начале той битвы, которая должна была решить судьбу России и всей Европы:

- Идите с Богом, воины! Защищайте веру и Отечество, защищайте свои дома и свои семьи, защищайте тех, кто не может защитить себя сам! Мы молимся за вас каждый день,

каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание. Помните: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Идите и не бойтесь, ибо Господь с вами, и Он не оставит вас, и Он дарует вам победу, если вы будете верить и не сомневаться.

Люди плакали, и их слёзы были слезами скорби и надежды, слезами тех, кто провожает своих близких в неизвестность, но в их глазах горела та вера, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех испытаний, которые могли выпасть на их долю. Они были готовы к испытаниям, которые принесёт война, ибо знали, что Господь с ними, что Он не оставит их, что Он даст им силы выстоять, что Он не даст им погибнуть в этом страшном испытании.

Ночь перед отъездом Егора на фронт была тихой и тревожной, и звёзды, мерца в тёмном небе, казались далёкими и холодными, как те огни, которые зажигаются в чужих домах, когда ты уходишь в неизвестность, когда ты не знаешь, вернёшься ли ты обратно. Он стоял у иконы в своём доме при храме, и его мать Надежда молилась рядом, перебирая чётки, которые передавались в их роду от прабабушки, и её губы шептали слова, которые знали все женщины их рода, те слова, которые передавались от матери к дочери через поколения, и её лицо, бледное и испуганное, с той глубокой, материнской болью, которая бывает у женщин, провожающих своих сыновей на войну, когда они не знают, увидят ли их снова, было освещено светом лампы, которая горела перед иконой, и в этом свете, в этих слезах, была вся её любовь и вся её вера.

Отец Александр вошёл в комнату, и его шаги были тихими, как шаги человека, который не хочет нарушить святость момента, и он посмотрел на сына, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та **твердая** отцовская любовь, которая не знает сомнений, которая готова отпустить своего ребёнка в бой, даже если сердце разрывается от боли, даже если душа плачет от страха:

- Сын, ты готов? Ты готов к тому, что ждёт тебя впереди, к тем испытаниям, которые выпадут на твою долю, к той судьбе, которую ты должен принять? Ты готов к смерти и к жизни, к победе и к поражению, к радости и к горю?

Егор повернулся к отцу, и в его глазах была та же решимость, что и у его предков, та же стальная, непоколебимая решимость, которая не знает страха, которая не знает сомнений, и его голос был твёрд, как сталь, закалённая в огне, как тот клинок, который он носил на поясе и который никогда не подводил его в бою:

- Готов, батюшка, готов, как никогда, готов к тому, что ждёт меня впереди, к тем испытаниям, которые я должен пройти. Я не боюсь смерти, ибо знаю, что смерть - это переход к вечной жизни, что она не конец, а начало, что она не тьма, а свет. Я боюсь только одного - предать веру и Родину, предать тех, кто ждёт меня дома, предать память моих предков, предать тех, кто верит в меня и молится за меня.

Отец Александр подошёл к нему, и его руки, сухие и тёплые, с той силой, которая даётся только верой, обняли сына, и он сказал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь, вся его надежда на то, что он увидит его снова, что он обнимет его, что он скажет ему, как сильно он его любит:

- Ты - Берёзов, сын мой, ты - воин Христов, ты - защитник веры и Отечества, ты - продолжатель нашего рода и нашей веры. Иди и помни: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Твои предки стояли за Россию, и ты должен стоять, не отступая, не сдаваясь, не предавая, не теряя веры, даже когда всё будет против тебя.

Егор поцеловал крест, старый и потёртый, с выщербленными краями, который висел у него на груди, простился с семьёй, и его шаги, когда он вышел в ночь, были твёрды и уверены, как у человека, который знает свой путь, который не сомневается в правильности своего выбора. Колокола храма звонили, провожая его, и их звон, чистый и печальный, разносился над городом, над домами, над рекой, над всей этой землёй, прощаясь с тем, кто уходил на

войну, с тем, кто шёл защищать свою веру и свою родину. На западе уже чувствовалось дыхание войны, её холодное, ледяное дыхание, и на груди Егора висел крест прадеда Емельяна, и он знал - он защитит Россию, как защищали её его предки, как защищал её его прадед, который брал Берлин и не сдался, который сохранил свою веру и свою честь, и передал их своим потомкам. Берёзовы не сдаются, и они будут идти до конца, чего бы это ни стоило, ибо за ними стоит их вера, их родина и их любовь, которая сильнее войны, сильнее смерти, сильнее всего, что может встать на их пути.

Глава 3. Интриги при дворах

Петербург, тысяча восемьсот десятый год, стоял в той поре ранней, но уже чувствительной зимы, когда мороз, ещё не лютый, но уже пронизывающий, схватывает Неву тонким, хрупким ледком, который хрустит под ногами и звенит, как тонкое стекло, а воздух становится таким прозрачным и звенящим, что каждый звук, каждый шорох, каждый скрип полозьев по мостовой слышен за версту, как будто сам город замер и прислушивается к тому, что происходит в его сердце. Зимний дворец, этот огромный, величественный символ русской имперской власти, стоял в морозной дымке, и его окна, освещённые сотнями свечей, горевших в массивных серебряных канделябрах и хрустальных люстрах, казались глазами, глядящими в ночь, глазами того самого гигантского, живого существа, которое следило за судьбами миллионов людей, которое дышало историей и вершило судьбы народов. В зале совета, том самом зале, где решались судьбы народов, где вершилась история, где принимались решения, от которых зависели жизни тысяч и тысяч людей, было сумрачно, несмотря на сотни свечей, горевших в массивных серебряных канделябрах, и их свет, жёлтый и трепетный, с тем особым, живым мерцанием, которое бывает только у настоящего воска, отражался в позолоте лепнины и мраморе колонн, в хрустале люстр и в глазах собравшихся, но не мог разогнать те глубокие тени, которые, казалось, залегли в каждом углу, в каждой складке тяжёлых портьер, в каждой морщине на лицах присутствующих, в каждом их взгляде, в каждом их движении.

Император Александр I стоял у большой карты Европы, развёрнутой на массивном дубовом столе, и его лицо, некогда моложавое и безмятежное, с той особенной, мечтательной красотой, которая была свойственна ему в молодости, теперь было напряжённым, глаза - усталыми и воспалёнными от бессонных ночей и постоянных тревог, от той тяжести, которая лежала на его плечах и не давала ему покоя ни днём, ни ночью. Он выглядел постаревшим за последние годы: морщины залегли вокруг его глаз, как следы бессонных ночей и тяжёлых раздумий, как те глубокие борозды, которые оставляет время на лице человека, несущего непосильный груз, а в висках, некогда тёмных, уже пробивалась седина, и эта седина, серебряная и заметная, была как напоминание о тех тяжёлых решениях, которые ему приходилось принимать, о той ноше, которая лежала на его плечах и которая с каждым днём становилась всё тяжелее и невыносимее.

- Господа, - сказал он, и голос его, обычно звонкий и уверенный, с той командирской ноткой, которая появлялась у него в минуты решимости, звучал глухо, как у человека, который уже устал от борьбы, от той бесконечной, изнурительной борьбы, которая длилась годами и которая, казалось, не имела конца, - Наполеон обманул нас, он показал своё истинное лицо, он сбросил маску друга и союзника, он обнажил свою истинную сущность, которая была скрыта под маской дружелюбия и доброжелательности. Он захватил герцогство Ольденбургское, он угрожает Швеции, он открыто готовится к войне с нами, к той войне, которую мы так долго пытались предотвратить, которую мы так долго откладывали, надеясь, что рассудок возобладает над гордыней. Мы должны быть готовы к тому, что грядёт, мы должны быть готовы к самому худшему, к тому, что может разрушить всё, что мы строили веками. Я не хочу войны, я никогда не хотел её, ибо знаю цену крови и страданий, знаю, сколько слёз проливается на полях сражений, но я не могу позволить этому корсиканскому выскочке уничтожить Россию,

попрать нашу веру и наши святыни, стереть с лица земли то, что создавалось веками, то, за что умирали наши предки.

Генералы, стоявшие вдоль стен, с их суровыми, обветренными лицами, на которых были запечатлены годы военных походов, склонили свои головы в знак согласия, и их лица, непроницаемые и серьёзные, с той внутренней сосредоточенностью, которая бывает у людей, готовых к бою, выражали ту готовность к бою, которая живёт в сердцах настоящих воинов, которые не боятся ни смерти, ни врага. Министры перешёптывались, и их голоса, тихие и тревожные, с той особенной, нервной интонацией, которая бывает у людей, когда они чувствуют, что их мир рушится, сливались в тот тихий, гулкий шум, который бывает в залах перед принятием важных решений, когда судьба страны висит на волоске, когда каждый сказанный вслух может изменить всё.

Один из них, немецкого происхождения, граф Ланжерон, человек с острым, цепким умом и холодным сердцем, с тем расчётливым, прагматичным складом ума, который был свойственен многим иностранцам на русской службе, которые видели в России лишь поле для своей карьеры, шагнул вперёд, и его голос, когда он заговорил, был расчётлив и спокоен, как у человека, который взвешивает все «за» и «против», который не поддаётся эмоциям и руководствуется только холодным рассудком:

- Ваше Величество, может быть, стоит попытаться договориться с Наполеоном, пока ещё есть время, пока его армия ещё не перешла границы, пока ещё можно остановить эту войну, которая может стать катастрофой для всей Европы? Он силён, его армия считается непобедимой, и он уже подчинил себе половину Европы, и никто не может остановить его, никто не может противостоять его мощи. Мы можем уступить ему часть земель, сохранив остальное, и избежать кровопролития, избежать той бойни, которая неизбежно начнётся, если мы вступим с ним в открытое столкновение, если мы бросим ему вызов, которого он ждёт.

Александр резко повернулся, и в его глазах, только что усталых и тусклых, с той глубокой, ноющей усталостью, которая бывает у людей, несущих непосильный груз, вспыхнул тот огонь, который бывает у людей, когда они слышат то, что не могут вынести, когда они сталкиваются с предательством или трусостью, когда они видят, что их вера и их убеждения попираются. Его голос, когда он заговорил, был резок и звонок, как удар хлыста, как тот звук, который заставляет людей вздрагивать и сжиматься, который не терпит возражений и не допускает сомнений:

- Договориться? С тем, кто попирает церкви, грабит монастыри, убивает священников и издевается над нашей верой, над тем, что для нас свято, над тем, что мы считаем самым дорогим? С тем, кто считает себя Богом и ставит себя выше всего святого, кто смеётся над нашими святынями и нашими обычаями, кто презирает всё, что нам дорого? Я не могу предать веру и Россию, я не могу предать память моих предков, я не могу предать тех, кто верит в меня, кто надеется на меня, кто ждёт от меня защиты. Мы будем воевать, и пусть Господь будет нам судьёй, и пусть Он рассудит, кто прав, а кто виноват, и пусть Он дарует победу тому, кто идёт по пути правды.

Он перекрестился на икону Спасителя, висевшую в углу, на тот святой лик, который смотрел на него с вековой мудростью и печалью, который видел столько войн и столько страданий, и его рука, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, была тверда и уверена, с той решимостью, которая рождается только из веры, из той веры, которая не знает сомнений и не боится испытаний. Затем он вышел из зала, оставляя за собой ту глубокую, тяжёлую тишину, которая бывает после того, как сказано последнее слово, после того, как решение принято и пути назад нет, после того, как судьба страны определена и история сделала свой выбор.

Варшава, тот же год, но весна уже вступала в свои права, и воздух был наполнен запахом цветущих садов и молодой, зелёной травы, которая пробивалась сквозь ещё влажную землю, и птицы, вернувшиеся из тёплых краёв, пели свои звонкие, радостные песни, словно не ведая о тех тёмных тучах, которые собирались над Европой. Дворец, который Наполеон сделал своей

временной резиденцией, был залит светом сотен свечей, и их отражения, словно живые искры, играли в хрустале люстр и зеркал, создавая ту ослепительную, почти сказочную роскошь, которая была его визитной карточкой, которая должна была внушать трепет и восхищение всем, кто входил в эти залы. Наполеон сидел на троне, и его лицо было спокойно, как у человека, который полностью уверен в своей силе, который знает, что никто не может бросить ему вызов, который привык к тому, что все вокруг него трепещут и повинуются, но в его глазах, серых и холодных, с тем стальным, немигающим блеском, который был его главным оружием, горел тот внутренний, ледяной огонь, который был его истинной сущностью, его душой и его двигателем, тот огонь, который не знает ни жалости, ни сострадания, ни милосердия.

Перед ним стояла польская делегация - магнаты в богатых, расшитых золотом мундирах, с орденами и лентами на груди, генералы с саблями на боку и орденами на груди, представители знати, чьи лица, бледные и взволнованные, с той смесью надежды и страха, которая бывает у людей, когда они отдают свою судьбу в чужие руки, когда они верят тому, кто обещает им свободу, но не знают, чего это будет стоить, были обращены к нему, как к спасителю, как к тому, кто может дать им то, чего они так долго ждали.

Наполеон улыбнулся, и его голос, когда он заговорил, звучал мягко, почти ласково, с той приторной сладостью, которая бывает у льстецов и обманщиков, которые знают, как обольстить и обмануть, но в этой мягкости чувствовалась та сталь, тот холодный, расчётливый ум, который был его главным оружием, его главным инструментом власти, который не знал ни жалости, ни сомнений:

- Я освобожу вас от русского ига, я верну вам вашу свободу, я дам вам то, чего вы так долго ждали, то, о чём вы мечтали поколениями. Вы будете иметь свою страну, свои законы, свою веру, свою культуру, свою армию, и никто не посмеет угнетать вас, никто не посмеет попираť ваши права, никто не посмеет отнять у вас то, что принадлежит вам по праву. Но вы должны помочь мне, вы должны поддержать меня в борьбе с Россией, ибо только тогда вы сможете обрести то, чего так долго ждали, только тогда вы сможете стать свободными, только тогда вы сможете вернуть себе то, что было у вас отнято.

Поляки пали на колени, и их руки, дрожащие и благодарные, коснулись его руки, и они целовали её, как святыню, как ту реликвию, которая может спасти их, как тот крест, который даёт надежду на спасение. Их лица были полны того восторга, который бывает у людей, когда они видят исполнение своих самых сокровенных мечтаний, когда они верят, что наконец наступил тот день, которого они так долго ждали, тот день, когда они смогут стать свободными и независимыми. Наполеон смеялся, но в его глазах был тот холод, который видели только его маршалы, тот холод, который говорил о том, что он не верит ни в их мечты, ни в их веру, ни в их свободу, что он использует их как пешки в своей великой игре, как пушечное мясо для своей армии.

Он повернулся к ним, и его голос, когда он заговорил, стал резче, как у человека, который не терпит возражений, который привык, что его приказы выполняются безоговорочно, который не признаёт никаких законов, кроме своих собственных:

- Россия - варварская страна, они молятся иконам, они суеверны, они верят в своего Бога, но их Бог слаб, и их вера - это лишь предрассудок, лишь темнота, которая мешает им видеть свет, который я несу им. Мы принесём им просвещение, мы дадим им свободу от их тиранов, мы освободим их от их предрассудков, мы покажем им, что такое настоящая цивилизация и настоящая свобода. Готовьте армию, готовьтесь к походу, готовьте провиант и боеприпасы, готовьтесь к великому походу, который изменит судьбу мира. Через два года я буду в Москве, и тогда мир увидит, кто действительно правит Европой, кто решает судьбы народов, кто является истинным повелителем мира.

Он поднялся с трона и вышел из зала, оставляя поляков в том восторге, который был так похож на опьянение, на ту эйфорию, которая бывает у людей, когда они получают то, чего

так долго ждали, но не понимают, что это лишь иллюзия, лишь мираж, который исчезнет, как только они протянут к нему руку. Но маршалы, стоявшие рядом, с их суровыми, обветренными лицами, знали - этот восторг иллюзорен, он нереален, и что впереди их ждёт не триумф, а кровь, не слава, а смерть, не победа, а поражение, и что они идут в ту пропасть, из которой нет возврата, в ту бездну, которая поглотит их всех.

Петербург, храм Спаса на Крови, стоял в той особенной, вечерней тишине, которая бывает перед большими праздниками, когда город затихает и только ветер гуляет по пустым улицам, и голоса молящихся, тихие и смиренные, поднимаются к сводам, смешиваясь с запахом ладана и воска, создавая ту особую, торжественную атмосферу, которая бывает в храмах перед великими событиями. Вечерняя служба была тихой и печальной, и этот печальный свет, струящийся от лампад и свечей, проникал в души всех, кто стоял под сводами храма, наполняя их той тихой, спокойной болью, которая бывает у людей, когда они чувствуют, что над ними нависла опасность, когда они не знают, что ждёт их впереди.

Отец Александр Берёзов стоял у алтаря, и его голос, когда он возносил молитву, был тих, но в нём слышалась та сила, которая рождается из веры, та **твердая**, непоколебимая уверенность, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний, и его слова, простые и искренние, поднимались к небу, как тот дым ладана, который смешивается с молитвами верующих и доходит до самого Бога:

- Господи, защити Россию от врага, защити нашу землю от нашествия, защити наши семьи и наши дома, защити наши храмы и наши святыни! Сохрани Церковь нашу от поругания, не дай врагу попрасть веру нашу и святыни наши, не дай ему осквернить то, что мы считаем святым, не дай ему разрушить то, что создавалось веками, и не дай ему убить веру в сердцах наших!

Прихожане крестились, и их лица, бледные и испуганные, с той глубокой, шемящей тревогой, которая бывает у людей перед лицом великой опасности, были освещены светом свечей, который делал их черты мягче и теплее, и в этом свете, в этих слезах, была вся их вера и вся их надежда. Слышен был плач - женщины плакали, и их слёзы падали на холодный каменный пол, оставляя тёмные пятна, и их голоса, тихие и жалобные, смешивались с голосами молящихся, создавая тот единый, скорбный хор, который поднимался к небу.

К отцу Александру подошёл молодой офицер, его лицо было бледным, как полотно, и руки его дрожали, когда он заговорил, и в его голосе слышалась та растерянность, которая бывает у людей, когда они не знают, что делать, когда они теряют надежду и не видят выхода:

- Батюшка, говорят, Наполеон уже собрал полмиллиона солдат, говорят, он идёт на нас со всей своей армией, со всей своей мощью, со всем тем оружием, которое он накопил за годы войн. Что нам делать? Как нам быть? Что мы можем сделать против такой силы, против такой армии, которая не знает поражений?

Отец Александр положил свою руку на плечо офицера, и его рука, сухая и тёплая, с той доброй, отеческой нежностью, которая бывает у старых священников, которые знают, как утешить страждущую душу, сжала его плечо, и его голос был тих, но в нём слышалась та глубокая, утешительная мудрость, которая бывает только у пастырей, у тех, кто видит в каждом человеке душу, а не тело:

- Молиться, сын мой, молиться и верить, верить всем сердцем, что Господь не оставит нас, что Он защитит нас от этого врага, как защищал от многих других, как защищал наших предков от всех врагов, которые приходили на нашу землю. Даже если враг силен, мы сильнее духом, и наша вера - наше оружие, наша защита, наш щит, который не может пробить никакая сила, никакая армия, никакой враг.

Он благословил офицера, и его рука, поднимаясь в крестном знамении, была тверда и уверена, с той силой, которая передаётся только через веру, которая не знает сомнений. Офицер перекрестился, и его лицо, мгновение назад испуганное и растерянное, осветилось той

тихой, спокойной надеждой, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний.

Лондон, резиденция премьер-министра, тот же год, стоял в той сырой, туманной осени, которая бывает только на берегах Темзы, когда воздух, наполненный влагой и дымом, окутывает город серой, непроницаемой пеленой, делая его похожим на призрак, на ту тень, которая блуждает между прошлым и будущим, между реальностью и сном. В кабинете, где пахло табаком и сыростью, стояла та особая, деловая атмосфера, которая бывает в местах, где решаются судьбы народов, где вершится история, где деньги и власть сплетаются в один тугой узел, где всё подчинено одной цели - выгоде и могуществу.

Премьер-министр Ливерпуль сидел за массивным дубовым столом, и его глаза, холодные и расчётливые, с тем прагматичным, деловым блеском, который был свойственен английским политикам, которые привыкли считать чужие жизни и видеть в людях только ресурсы и инструменты, были устремлены на карту Европы, развернутую перед ним, на ту карту, которая была исчерчена линиями границ и названиями городов, которые он мог перекроить одним росчерком пера. Его голос, когда он заговорил, был спокоен и деловит, как у человека, который привык считать чужие жизни, который привык видеть в людях только ресурсы и инструменты, которые можно использовать для достижения своих целей:

- Русские должны остановить Наполеона, они должны стать тем щитом, который защитит нас от его амбиций, от его ненасытной жажды власти, от его бесконечного стремления к завоеваниям. Мы дадим им золото, оружие, субсидии, всё, что им нужно, всё, что они попросят, всё, что потребуется, чтобы они могли воевать. Пусть воюют, пока мы торгуем, пусть проливают свою кровь за нашу выгоду, пусть умирают за наши интересы, пусть сдерживают этого корсиканца, пока мы укрепляем свои позиции и собираем плоды их жертв.

Он подписал документы о субсидиях России, и его перо, быстрое и уверенное, с той деловой, бюрократической точностью, которая была свойственна людям его профессии, оставляло чёткие следы на бумаге, как те следы, которые оставляет время на лице человека, несущего непосильный груз. Но в его душе не было той веры, которая двигала русскими солдатами, той веры, которая заставляла их идти на смерть с молитвой на устах, с крестом в руках и с верой в сердцах, - только холодный расчёт, только голый прагматизм, только та бездушная логика, которая не знает ни сострадания, ни любви, ни милосердия.

Для него Россия была пушечным мясом, которое должно сдержать Наполеона, пока Англия укрепляет свои позиции и собирает плоды чужой жертвы, пока она накапливает богатства и расширяет свою империю. Он не знал, что вера Берёзовых, их любовь к Родине была сильнее любого золота, и что эта вера не продавалась и не покупалась, и что никакие деньги не могли заменить ту силу, которая жила в их сердцах, ту силу, которая заставляла их идти на смерть с улыбкой на устах, зная, что они умирают за правое дело.

Петербург, дом при храме, стоял в той вечерней, уютной тишине, которая бывает только в семьях, где любят друг друга, когда за окнами уже сгущается тьма, а в комнатах горит мягкий, тёплый свет свечей, и все собираются вместе, чтобы разделить ужин и поговорить о том, что их волнует, чтобы поддержать друг друга и найти утешение в вере. Вечер опустился на город, и за окнами, в тёмном небе, зажглись первые звёзды, холодные и далёкие, как те огни, которые зажигаются в чужих домах, когда ты уходишь в неизвестность, когда ты не знаешь, вернёшься ли ты обратно.

Семья Берёзовых сидела за ужином, и их лица были освещены мягким, жёлтым светом свечей, которые горели на столе, создавая ту особую, уютную атмосферу, которая бывает только в домах, где живут вера и любовь, где каждый вечер превращается в маленький праздник, где каждый разговор становится молитвой. Отец Александр читал послание императора о грядущей войне, и его голос был тихим и печальным, и каждое слово его падало в души его

близких, как камень в воду, оставляя за собой круги боли и тревоги, круги той боли, которая не находит выхода и не даёт человеку покоя.

Надежда плакала, и её слёзы, тихие и горькие, падали на скатерть, оставляя тёмные пятна, которые были как свидетельство её боли, и её голос дрожал от той любви и той тревоги, которая живёт в сердце каждой матери, провожающей своего сына на войну. Катерина крестилась, и её рука, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, была тверда и уверена, с той решимостью, которая рождается из веры, из той веры, которая не знает сомнений. Егор уже ушёл на фронт, и дом опустел, и в этой пустоте чувствовалась та тревога, которая живёт в сердцах людей, провожающих своих близких на войну, та боль, которая не находит слов, которая не может быть выражена никакими звуками.

- Батюшка, - спросила Катерина, и её голос был тих, но в нём слышалась та искренняя, детская тревога, которая бывает у людей, когда они боятся за тех, кого любят, когда они не знают, что ждёт их впереди, когда они не могут защитить своих близких, - а Егор вернётся? Он вернётся живым, он вернётся домой, он вернётся к нам, к своей семье, к своей берёзе, к своей вере?

Отец Александр посмотрел на икону Богородицы, висевшую в углу, на её милосердный лик, который казался живым и светящимся в свете свечей, и его глаза, усталые и мудрые, с той глубокой, внутренней верой, которая была его опорой, наполнились той тихой, светлой верой, которая была его опорой, и его голос, когда он заговорил, был полон той уверенности, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний:

- Я верю, что вернётся, дочка, я верю всем сердцем, что Господь сохранит его и приведёт его обратно к нам, к нашему дому, к нашей семье, к нашей вере. Мы - Берёзовы, и мы всегда возвращаемся, как возвращались наши предки, как возвращался мой отец, как возвращался его отец, как возвращались все те, кто носил это имя. Но мы должны молиться за него каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, ибо вера - наша сила, наша опора, наш путь, наш свет в темноте.

Он взял молитвослов, старый и потёртый, с пожелтевшими страницами, который передавался в их роду от прадеда Емельяна, и семья встала на колени, и их голоса, тихие и сливающиеся, поднимались к небу, как одна общая молитва, как обещание, которое они давали друг другу и Богу, как тот свет, который должен был осветить их путь в темноте, как та надежда, которая не давала им упасть.

Той же ночью, когда город уже погрузился в сон, и только ветер гулял по пустым улицам, заывая в щелях и заставляя фонари раскачиваться, и только редкие прохожие спешили домой, укрываясь от холода, отец Александр пошёл в храм. Он был один, только лампы горели перед иконами, и их жёлтый, трепетный свет освещал потемневшие лики святых, делая их живыми и почти осязаемыми, как будто они смотрели на него с той же любовью и той же печалью, что и он на них. Он опустился на колени перед образом Казанской Божией Матери, и его голос, когда он молился, был полон той боли и надежды, которые не находят других слов, той боли, которая живёт в сердце каждого отца, провожающего своего сына на войну, той надежды, которая живёт в душе каждого верующего:

- Матерь Божия, заступница рода нашего, защитница земли русской, сохрани Россию, сохрани её от врага, от того безбожника, который идёт на нас с мечом, который хочет уничтожить нашу веру и наши святыни. Сохрани моего сына Егора, дай ему сил и веры, не дай ему погибнуть, не дай ему сломаться, не дай ему потерять надежду. Сохрани всех, кто идёт в бой за веру и Отечество, дай им мужества и терпения, дай им той стойкости, которая не сломится ни перед чем, дай им той веры, которая не угаснет даже в самый тёмный час.

Он молился долго, чувствуя, как его душа, уставшая и тревожная, наполняется тем тихим, спокойным покоем, который даётся только верой, той верой, которая не нуждается

в доказательствах, той верой, которая сильнее любого страха, сильнее любой боли, сильнее самой смерти. Затем он встал, перекрестился и вышел на паперть, где холодный ночной ветер коснулся его лица, принося с собой запах мороза и снега, запах той зимы, которая уже вступала в свои права.

Над Петербургом сияло звёздное небо, и на западе, там, где уже начиналась война, он видел те тревожные огни, которые, казалось, мерцали в ночи, как предзнаменование близкой беды, как те далёкие зарницы, которые предвещают грозу, как те тени, которые уже ложились на судьбы народов. Он прошептал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его надежда, вся его любовь, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его:

- Господи, Ты видишь всё, Ты знаешь всё, Ты знаешь, что в сердцах людей, и Ты знаешь, что мы не ищем зла, мы защищаем своё, мы защищаем то, что Ты дал нам, то, что мы любим и за что готовы умереть. Да будет воля Твоя, да будет Твоя защита над нами, да будет Твоя милость с нами в этот трудный час, да будет Твой свет с нами в этой тёмной ночи.

Он повернулся и пошёл домой, чувствуя, что вера, та глубокая, непоколебимая вера, которая была его опорой, даёт ему силы идти дальше, не смотря на все испытания, которые ждали его впереди, не смотря на все страхи и сомнения, которые могли бы овладеть его душой, не смотря на ту тьму, которая сгушалась над миром. Он шёл по пустынным, заснеженным улицам, и его шаги были твёрды и уверены, как у человека, который знает, что его путь освящён верой, и что он не один, что за ним стоит Бог, который никогда не оставляет своих, который всегда идёт рядом, даже когда кажется, что он далеко.

Глава 4. Барклай и Багратион

Петербург, тысяча восемьсот одиннадцатый год, стоял в той холодной, прозрачной зиме, когда мороз, схвативший Неву толстым, крепким льдом, который звенел под ногами и переливался на солнце, как драгоценный хрусталь, делал воздух таким звенящим и чистым, что каждый звук, каждый шорох, каждый скрип полозьев по мостовой слышен был за версту, и город, окутанный белым, пушистым снегом, который лежал на крышах и карнизах, на шпилях церквей и памятниках, казался сказочным, застывшим царством, где время, казалось, остановилось в ожидании тех великих событий, которые должны были изменить его судьбу, перевернуть его историю и навсегда оставить свой след в памяти народов. Зимний дворец, этот величественный и холодный символ имперской власти, стоял в морозной дымке, и его высокие окна, освещённые изнутри теплым, жёлтым светом сотен свечей, горевших в хрустальных люстрах и серебряных канделябрах, казались глазами, устремлёнными в ночь, глазами того самого огромного, живого существа, которое следило за судьбами миллионов людей, за их жизнями и смертями, за их надеждами и страхами, за их верой и отчаянием.

В зале военного совета, где решались судьбы армии и страны, где принимались те самые решения, от которых зависела судьба России, от которых зависело, будет ли она существовать как независимое государство или станет частью наполеоновской империи, было душно, как в натопленной бане, - свечи горели, и их жёлтый, трепетный свет отбрасывал причудливые тени на лица собравшихся, но их света едва хватало, чтобы разогнать те глубокие, густые тени, которые, казалось, залегли в каждом углу, в каждой складке тяжёлых, бархатных портьер, в каждой морщине на лицах генералов и министров, в каждом их взгляде, в каждом их движении. Император Александр I сидел во главе длинного, массивного стола, покрытого зелёным сукном, и его лицо, бледное и напряжённое, с той глубокой, внутренней тревогой, которая бывает у людей, несущих на своих плечах тяжесть государственных забот, носило следы бессонных ночей и мучительных размышлений, которые не давали ему покоя ни днём, ни ночью, которые грызли его изнутри, как червь грызёт дерево, не давая ему ни минуты покоя.

Рядом с ним стоял военный министр Михаил Богданович Барклай-де-Толли - худой, сухой, почти аскетичный человек с острыми, точно выточенными чертами лица, с высоким,

гладким лбом и глубоко посаженными, холодными глазами, в которых читалась та ледяная, стальная расчётливость, которая была его главным оружием, его главным инструментом в этой сложной игре, в которой ставкой была судьба России. Он был немцем по происхождению, и это, как тень, как невидимое пятно, как то клеймо, которое невозможно смыть, вызывало недоверие у многих, у тех, кто не мог понять, как иностранец может служить России верой и правдой, как человек, родившийся за пределами её границ, может любить её так же сильно, как те, кто родился на её земле, но он служил ей верой и правдой, и его ум, холодный и аналитический, был острее, чем у многих русских генералов, и его преданность была выше их подозрений, и его вера в Россию была глубже, чем они могли себе представить.

Барклай разложил на столе карты, те самые карты, на которых были нанесены все дороги, реки, города и укрепления западных границ, и его пальцы, тонкие и нервные, с длинными, ухоженными ногтями, скользили по линиям рек, городов и границ, отмечая те точки, где враг мог нанести удар, и его голос, когда он заговорил, был ровен и спокоен, как у человека, который привык к тому, что его слова решают судьбы, который знает, что от его слов зависят тысячи и тысячи жизней, который не имеет права на ошибку и не может позволить себе слабость:

- Ваше Величество, Наполеон соберёт огромную армию - не менее полумиллиона человек, если не больше, возможно, даже шестьсот тысяч, и это будет самая большая армия, которую когда-либо видела Европа, самая большая армия, которую когда-либо собирал один человек для одной войны. Мы не сможем сдержать его лобовой атакой на границе, ибо наши силы значительно уступают его силам, и мы не сможем противостоять его натиску, его мощи, его стремительности. Нам нужно отступать, заманивать врага вглубь страны, изматывать его, лишать снабжения, уничтожать его коммуникации, заставлять его страдать от голода и холода, от болезней и потерь. Зима, голод и пространство сделают своё дело, и мы сможем переломить ход войны, мы сможем нанести удар в тот момент, когда он будет наиболее уязвим, когда его армия будет истощена и деморализована, когда он сам будет готов к поражению.

Генералы, стоявшие вокруг стола, с их суровыми, обветренными лицами, на которых были запечатлены годы военных походов, переглядывались, и их лица выражали недовольство, ту глухую, сдерживаемую тревогу, которая бывает у военных, когда они слышат о необходимости отступления, когда они чувствуют, что их честь и их мужество ставятся под сомнение. Гул голосов, сначала тихий, как шёпот, затем всё более громкий, как нарастающий гул приближающейся бури, пронёсся по залу, нарушая ту тяжёлую, напряжённую тишину, которая царила до этого, нарушая тот хрупкий покой, который держался на волоске.

Багратион, горячий, порывистый грузинский князь, с тёмными, горящими глазами, в которых горел тот внутренний огонь, который был его главной движущей силой, который не знал ни страха, ни сомнений, с гордой, царственной осанкой, которая выдавала в нём потомка древних царей, вскочил с места, и его голос, звонкий и страстный, как боевой клич, как тот трубный глас, который возвещает о начале сражения, прогремел под высокими, сводчатыми потолками, заставляя стены дрожать, заставляя свечи вздрагивать и отбрасывать причудливые тени на лица собравшихся:

- Отступать? Отдавать врагу русскую землю без боя, без единого выстрела, без единой капли крови, без единого стога, без единой жертвы? Мы - русские, мы - воины, мы - защитники своей земли, мы не имеем права отступать, мы не имеем права отдавать то, что принадлежит нам, то, что завещали нам наши предки, то, что мы должны защищать до последней капли крови! Мы должны бить врага, а не бежать от него, мы должны стоять на границе и умирать, но не отступать, мы должны показать ему, что русская земля не сдаётся без боя! Как я скажу своим солдатам, что мы отдаём землю без боя, что мы сдаём её врагу, как трусы, как те, кто боится смерти? Это позор, это бесчестие, это то, что мы будем смывать веками, и никогда не сможем смыть до конца!

Барклай спокойно ответил, и его голос, хотя и был тих, звучал твёрдо, как сталь, закалённая в огне, как тот клинок, который не гнётся и не ломается, и в нём не было ни капли сомнения, ни капли колебания, ни тени неуверенности, только та ледяная, стальная решимость, которая была его главной силой:

- У нас нет выбора, князь, у нас нет другого пути, который мог бы спасти Россию, который мог бы сохранить её как независимое государство. Если мы дадим бой на границе и потеряем армию, мы потеряем и Россию, мы потеряем всё, что мы защищаем, всё, что мы любим, всё, что для нас свято. Без армии мы не сможем защитить ни Москву, ни веру нашу, ни наши святыни, ни наши семьи, ни наши дома, ни нашу землю. Нужно отступать, чтобы сохранить силы, чтобы нанести удар в тот момент, когда враг будет ослаблен, когда он будет измотан и истощён, когда он будет готов к поражению, когда его армия будет на грани краха.

Александр колебался, и его душа, уставшая и встревоженная, с той глубокой, внутренней борьбой, которая происходила в ней, была полна сомнений, и он не знал, кому верить, кому доверять, ибо он видел правду и в словах Барклая, и в страсти Багратиона, и в той горячий, искренней вере, которая двигала каждым из них. Но затем он кивнул, и его голос, хотя и был тих, звучал твёрдо, с той решимостью, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний, и его слова, простые и твёрдые, падали в тишину, как капли воды, оставляя за собой круги решимости:

- Мы будем отступать, сохраняя армию, сохраняя ту силу, которая может спасти Россию, сохраняя ту веру, которая является нашей опорой. Но молитесь, чтобы Господь дал нам силы, чтобы мы не потеряли веру в этой войне, чтобы мы выстояли, несмотря на все испытания, которые только могут выпасть на нашу долю, чтобы мы не сломались под тяжестью этих испытаний, чтобы мы сохранили свою честь и своё достоинство.

В зале повисла та глубокая, тяжёлая тишина, которая бывает после принятия важных решений, когда слова уже сказаны, и пути назад нет, когда судьба определена, и остаётся только идти вперёд, несмотря ни на что. Генералы перекрестились, и их руки, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, были едины в этом жесте, едины в той вере, которая была их общей опорой, едины в той надежде, которая была их общей силой.

Москва, Успенский собор, стоял в той особенной, вечерней тишине, которая бывает перед большими праздниками, когда город затихает и только ветер гуляет по пустым улицам, и голоса молящихся, тихие и смиренные, поднимаются к сводам, смешиваясь с запахом ладана и старого, тёплого дерева, создавая ту особую, торжественную атмосферу, которая бывает в храмах перед великими событиями. Багратион приехал в древнюю столицу, чтобы подготовить Вторую армию к предстоящей войне, и его душа, мятежная и горячая, с той внутренней бурей, которая бушевала в ней, искала покоя, искала того тихого, спокойного убежища, где он мог бы обрести силы, где он мог бы найти ту внутреннюю опору, которая была так нужна ему перед лицом тех великих испытаний, которые ждали его впереди.

Он вошёл в собор, и его шаги, гулкие и чёткие, гулко отдавались под высокими, величественными сводами, которые уходили ввысь, теряясь в полумраке, и этот полумрак, смешанный с мерцанием свечей и запахом ладана, успокаивал его, возвращал ту внутреннюю тишину, которая была так нужна ему перед лицом тех великих испытаний, которые ждали его впереди. Он подошёл к иконе Владимирской Божией Матери, одной из самых почитаемых святынь России, которая, как верили люди, не раз спасала страну от нашествий врагов, которая была символом их веры и их надежды, поставил свечу, и её пламя, жёлтое и трепетное, осветило его лицо, бледное и измождённое, с глубокими тенями под глазами, которые были вырезаны бессонными ночами и постоянными тревогами. Он опустился на колени, и его голос, когда он молился, был полон той боли и надежды, которые не находили других слов, той боли, которая живёт в сердце каждого патриота, видящего, что его родине угрожает опасность, той надежды, которая живёт в душе каждого верующего, когда он обращается к Богу:

- Господи, дай мне силы защитить Россию, дай мне мужества стоять до конца, не отступать, не сдаваться, не предавать, не терять веры, даже когда всё будет против меня. Я не хочу отступать, я не могу видеть, как враг попирает нашу землю, как он оскверняет наши святыни, как он смеётся над нашей верой, как он попирает всё, что для нас свято. Но если нужно будет - я умру за веру и Отечество, как умирали мои предки, как умирали те, кто защищал эту землю веками, как умирали те, кто не боялся смерти и шёл на неё с молитвой на устах. Только дай мне силы не сломаться, не потерять веру, не предать то, что мне доверено, не предать тех, кто верит в меня и надеется на меня.

Священник, старый и седой, с лицом, покрытым глубокими морщинами, как кора старого дуба, который видел многое и многое пережил, подошёл к нему, и его рука, сухая и тёплая, с той доброй, отеческой нежностью, которая бывает у старых священников, которые знают, как утешить страждущую душу, легла на его плечо, и он благословил его, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к этому воину, который пришёл искать утешения в храме, который искал защиты у Бога перед лицом великой опасности:

- Иди с Богом, генерал, иди с миром и с верой, иди с той верой, которая не знает сомнений и не боится испытаний. Ты - воин, ты - защитник, ты - тот, кто стоит на страже своей земли и своей веры, тот, кто не боится смерти, потому что знает, что смерть - это переход к вечной жизни. Господь с тобой, и твоя вера - твоя защита, твой щит и меч, твоя опора и твоя надежда, твой свет в темноте и твой путь в этой жизни.

Багратион перекрестился, поцеловал крест, и его губы коснулись холодного металла, и в этом прикосновении он почувствовал ту силу, которая даётся только верой, ту силу, которая не боится никаких испытаний, которая вела его предков через все войны и все страдания. Затем он вышел из собора, и его конь, тёмный и горячий, с огнём в глазах, уже ждал его у входа, перебирая ногами и раздувая ноздри, чувствуя настроение хозяина. Он вскочил в седло, и его сердце, полное веры и решимости, билось ровно и сильно, готовое к новым боям, к новым испытаниям, к тем великим событиям, которые уже стояли на пороге, готовое идти до конца, несмотря ни на что.

Петербург, храм Спаса на Крови, стоял в той вечерней, торжественной тишине, которая бывает перед великими праздниками, когда город затихает и только ветер гуляет по пустым улицам, и голоса молящихся, тихие и смиренные, поднимаются к сводам, смешиваясь с запахом ладана и старого, тёплого дерева, создавая ту особую, благоговейную атмосферу, которая бывает в храмах перед великими событиями. В храме было многолюдно, и его высокие, стройные своды, казалось, едва вмещали всех, кто пришёл помолиться, кто пришёл искать защиты у Бога перед лицом той великой опасности, которая уже стояла на пороге, которая уже стучалась в двери, которая уже звала их на поле брани.

Отец Александр Берёзов стоял у алтаря, и его голос, когда он возносил молитву, разносился под сводами, проникая в каждое сердце, в каждую душу, поднимаясь к небу, как тот дым ладана, который смешивается с молитвами верующих и доходит до самого Бога, проникая в те выси, где живёт Господь:

- Господи, защити воинов наших, защити тех, кто стоит на границе, кто готовится встретить врага, кто не боится смерти, потому что знает, что умирает за правое дело! Даруй им силу и мужество, даруй им ту стойкость, которая не сломится ни перед чем! Сохрани их от стрел вражеских и от коварства, сохрани их от пули и сабли! Сохрани нашу землю от поругания, сохрани веру нашу от попрания, сохрани наши святыни от осквернения, сохрани наши семьи от разрушения!

В церкви было полно народу - офицеры в парадных мундирах, с орденами на груди и саблями на боку, солдаты в походной форме, с винтовками на плечах, их семьи, их матери и жёны, с испуганными, заплаканными лицами, и дети, которые ещё не понимали, что происходит, но чувствовали ту тревогу, которая витала в воздухе, ту боль, которая сжимала сердца

взрослых. Все они молились о победе, о защите, о возвращении своих близких, о том, чтобы война обошла их стороной, чтобы они могли вернуться к своим семьям и своим домам.

Прихожане пали на колени, и их голоса, тихие и сливающиеся, поднялись в едином хоре, который, казалось, достигал самого неба, проникая в те выси, где живёт Господь, и этот хор, этот единый голос веры, был сильнее любого страха, сильнее любой опасности. Среди них стояла Надежда, мать Егора, и её лицо, бледное и испуганное, с той глубокой, материнской болью, которая бывает у женщин, провожающих своих сыновей на войну, когда они не знают, увидят ли их снова, было мокрым от слёз, но она крестилась, и её рука, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, была тверда и уверена, с той решимостью, которая рождается из веры, которая не знает сомнений. Катерина, её дочь, держала свечу, и её пламя, жёлтое и трепетное, отражалось в её глазах, полных той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти.

Когда служба окончилась, и прихожане начали расходиться, и их шаги, тихие и печальные, зазвучали на каменных плитах, Надежда подошла к отцу Александру, и её голос, когда она заговорила, дрожал от той тревоги, которая жила в её сердце, той тревоги, которая не давала ей покоя ни днём, ни ночью, которая грызла её изнутри, как червь грызёт дерево:

- Батюшка, я молюсь за Егора каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, но я боюсь, что моя молитва слаба, что она не доходит до Господа, что она теряется в этом огромном мире, полном боли и страданий, что она не может пробиться сквозь ту тьму, которая сгущается над нами.

Отец Александр взял её за руку, и его рука, сухая и тёплая, с той доброй, отеческой нежностью, которая бывает у старых священников, которые знают, как утешить страждущую душу, сжала её ладонь, и он сказал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к этой женщине, которая была его женой и матерью его сына, вся его надежда на то, что Господь услышит их молитвы:

- Нет, Надежда, не бойся, не сомневайся, не позволяй страху овладеть твоим сердцем. Твоя молитва сильна, потому что она идёт от сердца, потому что она рождена любовью, потому что она исходит из глубины твоей души, из того места, где живёт вера. Господь слышит каждое слово, даже если оно тихое, даже если оно сказано шёпотом, даже если оно не находит слов. Он видит твоё сердце, и Он знает, как сильно ты любишь своего сына, как сильно ты боишься за него, и Он не оставит тебя, Он не оставит его.

Армия стояла на границе, на той самой черте, где начиналась вражеская земля, где заканчивалась Россия и начиналось чужое, враждебное пространство, и в её рядах царила та напряжённая, тревожная тишина, которая бывает перед великой бурей, когда небо затягивается тучами, и ветер, холодный и пронизывающий, доносит отдалённые раскаты грома, предвещающая скорую, неизбежную катастрофу, которая должна была изменить всё. Егор Берёзов находился в казачьем полку, в том самом полку, который должен был стать первым щитом России, и его сердце билось ровно, хотя впереди была война, и смерть стояла на пороге, готовая войти в их ряды в любой момент, готовая забрать их жизни, как забирала жизни тысяч других.

Рядом с ним стояли Петро и другие казаки, и их лица, суровые и обветренные, с глубокими морщинами и шрамами, которые были оставлены годами военных походов, были обращены на запад, туда, где враг готовился к вторжению, туда, где уже зажигались огни его лагерей, туда, где уже собирались его полчища, готовые обрушиться на Россию. Они обсуждали слухи, которые доносились до них, и их голоса были тихими, но в них слышалась та тревога, которая жила в каждом, та тревога, которая не давала им покоя, которая шептала им о том, что грядёт что-то страшное, что мир, который они знали, вот-вот рухнет:

- Страшно, - сказал Петро, и его голос дрожал, и в нём слышалась та искренняя, человеческая боль, которая бывает у солдат перед боем, когда они знают, что могут не вернуться, когда они чувствуют холод смерти на своих плечах, - страшно, когда враг собирает такую армию, когда он идёт на нас с такой силой, с таким оружием, с такой ненавистью. Но мы - русские, мы

выстоим, как выстаивали всегда, как выстаивали наши отцы и деды, как выстаивали все, кто жил до нас, все, кто защищал эту землю от врагов.

Егор достал крест, старый и потёртый, с выщербленными краями, который передавался в его роду от прадеда Емельяна, который был свидетелем всех их побед и поражений, и его губы коснулись холодного металла, и он сказал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к Богу и к той земле, которую он защищал, вся его готовность идти до конца, несмотря ни на что:

- Господь с нами, и мы не одни, мы не одиноки в этой борьбе, мы не оставлены на милость судьбы. Наши предки смотрят на нас, они ведут нас, они дают нам силы, они молятся за нас, они ждут от нас подвига, как ждали от них их предки. Мы не должны бояться, ибо вера наша - наша сила, наша опора, наша защита, наш щит и наш меч, наша надежда и наше спасение.

Он смотрел на запад, где враг уже собирал свои полчища, и ветер доносил запах дыма и пороха, тот запах, который он знал с детства, запах войны и смерти, запах той боли, которую она приносит, но в душе Егора было то спокойствие, которое рождается только из веры, и он знал - его предки тоже шли в бой с верой, и они побеждали, и он тоже победит, чего бы это ни стоило, ибо он - Берёзов, и он не имеет права сдаваться.

Петербург, дом при храме, стоял в той вечерней, уютной тишине, которая бывает только в семьях, где любят друг друга, когда за окнами уже сгущается тьма, а в комнатах горит мягкий, тёплый свет свечей, и все собираются вместе, чтобы разделить ужин и поговорить о том, что их волнует, чтобы поддержать друг друга и найти утешение в вере. Вечер опустился на город, и за окнами зажглись первые звёзды, холодные и далёкие, как те огни, которые зажигаются в чужих домах, когда ты уходишь в неизвестность, когда ты не знаешь, вернёшься ли ты обратно.

Отец Александр сидел за столом, и его руки дрожали, когда он разворачивал конверт с письмом от Егора, который был на фронте, и каждое его движение было наполнено той тревогой, которая живёт в сердце каждого отца, когда он получает весточку от сына, находящегося на войне, когда он боится, что в этом письме может быть что-то страшное. Он прочитал его вслух, и его голос, тихий и дрожащий, звучал в тишине комнаты, проникая в души его близких, наполняя их той же тревогой и той же надеждой:

«Батюшка, я на границе, я жду той войны, которая уже началась, которая уже стучится в наши двери, которая уже зовёт нас на поле брани. Мы готовимся к встрече с врагом, и каждый день я молюсь, как вы учили меня, как молились наши предки, как молился наш прадед Емельян перед каждой битвой. Я помню о нашем роде, о кресте, который вы мне дали, о том, что Берёзовы никогда не сдавались, никогда не отступали, никогда не предавали, никогда не теряли веры, даже когда всё было против них. Я не боюсь смерти - я боюсь только одного: предать веру и Родину, предать тех, кто ждёт меня дома, предать вашу память и вашу веру. Молитесь за нас, за всех, кто стоит на этой границе, за всех, кто защищает нашу землю, за всех, кто не боится смерти, потому что знает, что умирает за правое дело. Ваш сын, Егор».

Отец Александр перечитал письмо дважды, трижды, и его глаза, усталые и влажные, с той тихой, горькой радостью, которая бывает у отцов, когда они видят в своих сыновьях продолжение своей веры, когда они понимают, что их жизнь была не напрасна, наполнились той тихой, горькой радостью, которая не требует слов. Он взял перо, и его рука, ещё дрожащая, но уже уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, начала писать ответ, вкладывая в каждое слово всю свою любовь и всю свою веру, всю свою надежду на то, что его сын выживет и вернётся домой:

«Сын мой, ты - воин Христов, и ты идёшь правильным путём, ты идёшь тем путём, которым шли наши предки, которым шёл твой прадед Емельян, брал Берлин, которым шли все те, кто защищал Россию на протяжении веков. Помни слова Спасителя: «Блаженны миротворцы», но те, кто защищает веру и Отечество, тоже угодны Богу, ибо они защищают то, что свято, они защищают то, что дано нам Богом, они защищают то, что мы должны передать нашим детям.

Держись креста и молись, и Господь не оставит тебя, Он будет с тобой в бою и в мире, в жизни и в смерти, Он будет твоей опорой и твоей защитой. Мы молимся за тебя каждый день, и наша вера - твоя защита, твой щит и твоя опора, твой свет в темноте и твой путь в этой жизни. Твой отец, священник Александр».

Он запечатал письмо и отдал его курьеру, чувствуя, что его слова, его вера, его любовь дойдут до сына, что они дадут ему силы в те трудные дни, которые ждали его впереди, что они напомнят ему о том, кто он и откуда он, о том, что он не один, что за ним стоит его род, его вера и его Бог.

Поздняя ночь опустилась на Петербург, на его тёмные, безмолвные улицы, на его спящие дома, и только ветер, холодный и пронизывающий, гулял по городу, завывая в трубах и заставляя фонари раскачиваться, создавая те причудливые тени, которые плясали на стенах домов, как призраки прошлого. В храме Спаса на Крови было тихо, так тихо, что слышно было, как ветер завывает в щелях старых дверей, и как лампы, мерцая, отбрасывают жёлтые, трепетные блики на потемневшие лики икон, делая их живыми и почти осязаемыми.

Только лампы горели перед иконами, разгоняя темноту, и их жёлтый, трепетный свет освещал лики святых, делая их живыми и почти осязаемыми, и в этом свете, смешанном с тишиной, было что-то торжественное и печальное одновременно. Отец Александр стоял у иконы Богородицы, у той самой иконы, перед которой он молился много лет, которая была его опорой и его надеждой, и его душа была полна той тихой, молитвенной сосредоточенности, которая бывает у людей, когда они обращаются к Богу, когда они ищут у Него защиты и утешения.

Он был один, но он чувствовал, что все его предки, все, кто носил имя Берёзовых, стояли рядом с ним - Емельян, Егор, Иван, все те, кто защищал Россию на протяжении веков, все те, кто шёл в бой с верой и возвращался с победой, все те, кто не боялся смерти, потому что знал, что умирает за правое дело. Они смотрели на него, и их голоса, тихие и незримые, сливались с его голосом в единой молитве, поднимаясь к небу, к тем звёздам, которые мерцали за окнами храма, к тому свету, который был их надеждой и их спасением.

- Господи, - прошептал он, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его надежда, вся его любовь, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его, - защити Россию, защити мою родину, защити мой народ, защити мою веру, защити наши святыни и наши семьи. Защити моего сына Егора, защити его в бою, сохрани его от пули и сабли, от смерти и отчаяния, от страха и сомнения. Защити всех, кто идёт в бой за веру и Отечество, всех, кто стоит на страже нашей земли, всех, кто не боится смерти, потому что знает, что умирает за правое дело. Не дай им пасть духом, не дай им сломаться, не дай им потерять веру, не дай им отчаяться, даже когда всё будет против них. Дай им сил идти до конца, как шли наши предки, как шёл твой прадед Емельян, как шли все, кто защищал Россию, как шли те, кто не боялся смерти и шёл на неё с молитвой на устах.

Он перекрестился и поклонился до земли, и его лоб коснулся холодного каменного пола, и в этом поклоне была вся его вера, вся его любовь, вся его преданность Богу и России, вся его готовность принять любые испытания, которые могут выпасть на его долю. За окнами храма ветер гудел в трубах, и в темноте слышался колокольный звон с соседней церкви, словно сама Россия звала своих защитников, словно она просила их о помощи, словно она верила, что они не подведут её, что они выстоят, что они сохранят свою веру и свою честь. Война была близка, она была уже на пороге, уже стучалась в двери, но вера держала его, и она была его щитом и опорой, его единственным спасением в этот трудный час, его путеводной звездой в этой кромешной тьме, его светом в темноте и его надеждой в отчаянии.

Глава 5. Письмо с Запада

Дрезден, весна тысяча восемьсот двенадцатого года, стоял в той особенной, тревожной красоте, которая бывает перед великими потрясениями, когда город, утопающий в зелени садов и цветущих парков, кажется безмятежным и мирным, но в его воздухе, напоённом запахом цветущей сирени и молодой листвы, уже чувствуется то напряжение, которое предвещает скорую, неизбежную бурю, которая должна была обрушиться на Европу и смести всё на своём пути. Город, который когда-то был тихим и уютным, был украшен флагами и гирляндами, словно к празднику, но это был праздник войны, праздник той самой войны, которая должна была изменить судьбы народов и стереть с лица земли целые государства, которая должна была решить, кто будет властвовать в Европе и кто будет подчиняться. Наполеон собрал здесь всех своих союзников, всех вассалов, которые должны были засвидетельствовать свою верность императору, подтвердить свою готовность идти за ним в тот поход, который должен был стать венцом его славы, который должен был сделать его повелителем всего мира.

Короли, князья, герцоги, маршалы съехались со всей Европы, чтобы склонить головы перед тем, кто называл себя повелителем мира, кто уже покориł пол-Европы и теперь стоял на пороге новых завоеваний, кто уже не знал преград и не признавал никаких законов, кроме своих собственных. Зал, где проходил приём, был залит светом сотен свечей, горевших в массивных серебряных канделябрах и хрустальных люстрах, и их отражения, словно живые искры, играли в хрустале люстр и золоте лепнины, в зеркалах и паркете, создавая ту ослепительную, почти сказочную роскошь, которая была визитной карточкой французского императора, той роскошью, которая должна была подчеркнуть его величие и его власть, которая должна была внушать трепет и восхищение всем, кто входил в эти залы. Наполеон сидел на троне, возвышаясь над толпой, и его лицо, бледное и спокойное, с той особенной, холодной красотой, которая была его главным оружием, была обращена к собравшимся, и он улыбался, и его улыбка была такой же холодной, как его глаза, - тот холод, который заставлял маршалов молчать, когда он говорил, и трепетать от страха, тот холод, который не знал ни жалости, ни сострадания, ни милосердия, тот холод, который был его истинной сущностью, его душой и его двигателем.

Он поднялся, и зал мгновенно затих, и тишина была такой глубокой, что слышно было, как ветер за окнами касается стен, как далёкие шаги часовых, как биение собственных сердец, и его голос, звонкий и уверенный, как звон колокола, как тот глас, который возвещает о великих событиях, разнёсся под сводами, проникая в каждое сердце, в каждую душу, заставляя их сжиматься от страха и трепета, заставляя их понимать, что перед ними тот, кто не знает пощады:

- Господа, я решил покончить с Россией раз и навсегда, я решил стереть эту варварскую страну с лица земли, я решил положить конец её существованию, я решил сделать её частью великой Французской империи. Они варвары, они верят в своего Бога, но их Бог - слаб, и их вера - лишь суеверие, лишь темнота, которая мешает им видеть свет, который я несу им. Они не знают просвещения, они не знают той свободы, которую мы несём, они не знают того величия, которое мы создали, они не знают той справедливости, которая царит в нашей империи. Мы принесём им цивилизацию и свет, и они узнают, что такое великая Франция, что такое власть и могущество, что такое истинная свобода, что такое подчинение тем, кто достоин править.

Союзники молчали, и никто не смел возразить, ибо знали, что любой, кто осмелится сказать слово против, будет раздавлен, будет уничтожен, будет стёрт с лица земли, и их лица, бледные и испуганные, с той застывшей улыбкой, которая должна была скрывать их страх, были обращены к нему, как к божеству, как к тому, кто держит их судьбы в своих руках. Наполеон поднял бокал, и его голос стал громче, как у человека, который уже видит свою победу, который уже предвкушает триумф, который уже чувствует вкус той славы, которая должна была стать его венцом, который уже считает себя повелителем мира:

- За победу! За Париж! За будущее Европы! За то, чтобы варвары узнали, что такое великая Франция, чтобы они поклонились нашему величию и нашей власти, чтобы они признали, что мы - те, кто должен править миром, и что они - те, кто должен подчиняться!

Все подняли бокалы, и их голоса, дрожащие и почтительные, с той притворной радостью, которая должна была скрывать их страх, слились в единый хор, но в глазах некоторых, особенно тех, кто знал Россию, был тот страх, который не могли скрыть улыбки, тот страх, который жил в глубине души и не давал им покоя, тот страх, который говорил им, что этот поход может стать началом конца, что Россия - большая страна, и зима там суровая, и что русские не сдаются, и что их вера сильнее любого оружия, сильнее любой армии, сильнее самого Наполеона. Но никто не осмелился произнести это вслух, ибо страх перед Наполеоном был сильнее любого другого страха, сильнее самой смерти, сильнее собственной совести.

Петербург, храм Спаса на Крови, стоял в той вечерней, торжественной тишине, которая бывает перед великими событиями, когда город затихает и только ветер гуляет по пустым улицам, и голоса молящихся, тихие и смиренные, поднимаются к сводам, смешиваясь с запахом ладана и старого, тёплого дерева, создавая ту особую, благоговейную атмосферу, которая бывает в храмах перед тем, как судьба народов будет решаться на полях сражений. Вечер был тихим и печальным, и в храме, где обычно было многолюдно, почти никого не было, ибо сердца людей были полны той тревоги, которая не находила слов, той тревоги, которая заставляла их прятаться по домам и молиться в одиночестве, той тревоги, которая сжимала их сердца и не давала им дышать.

Отец Александр Берёзов стоял у иконы Спасителя, и его душа была полна той тихой, тревожной сосредоточенности, которая бывает у людей, когда они чувствуют приближение беды, когда они знают, что впереди их ждут великие испытания, которые могут сломать их или сделать сильнее. Ему принесли письмо от тайного агента из Дрездена, человека, который рисковал своей жизнью, который каждый день жил под угрозой разоблачения и смерти, чтобы добыть важные сведения, которые могли спасти Россию, который знал, что его имя никогда не будет названо, но его дело будет жить вечно. Он разорвал конверт дрожащими руками, и его глаза, усталые и воспалённые, с той глубокой, внутренней тревогой, которая не давала ему покоя ни днём, ни ночью, пробежали по строкам, и каждое слово, каждая цифра, каждая деталь отдавалась в его душе, как удар колокола, как тот удар, который возвещает о начале великой бури.

Там была точная информация о планах Наполеона - численность армии, маршрут, сроки, всё, что нужно было знать, чтобы подготовиться, чтобы встретить врага во всеоружии, чтобы не дать ему застать себя врасплох, чтобы защитить свою землю и свою веру. Отец Александр перекрестился, и его рука, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, была тверда и уверена, с той решимостью, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний. Он вышел из храма, и его шаги были быстрыми и решительными, как у человека, который знает, что от его слов зависит судьба тысяч людей, который не имеет права медлить и колебаться.

Он поехал в Зимний дворец, где его приняли без промедления - император знал его как честного и верного человека, который всегда говорил правду, который никогда не боялся сказать то, что думал, даже если это было неприятно, даже если это могло стоить ему жизни. Александр I стоял у стола, и его лицо, обычно спокойное и уверенное, с той особенной, мечтательной красотой, которая была свойственна ему в молодости, было бледным, и в его глазах была та тревога, которая не находила слов, та тревога, которая сжимала сердце и не давала дышать, та тревога, которая говорила ему о том, что мир, который он знал, вот-вот рухнет.

- Ваше Величество, - сказал отец Александр, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к России и вся его тревога за её судьбу, вся его готовность сделать всё, что в его силах, чтобы защитить свою родину, - Наполеон готовится к вторжению, он уже собрал свою армию, и он готовится перейти границу, перейти ту черту, за которой начинается

наша земля. У него полмиллиона солдат, и он хочет раздавить нас, стереть с лица земли нашу веру и наши святыни, уничтожить всё, что нам дорого, всё, что мы любим и за что мы готовы умереть.

Александр прочитал письмо, и его лицо побледнело ещё больше, и его руки, когда он опустил бумагу, дрожали, как листья на ветру, и он опустился в кресло, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та глубокая, искренняя мольба, которая бывает у людей, когда они обращаются к Богу, когда они понимают, что их собственные силы недостаточны, когда они знают, что только вера может спасти их:

- Он не остановится, он не успокоится, пока не покорит всю Европу, пока не поставит весь мир на колени, пока не сломает всех, кто осмелится бросить ему вызов. Мы должны быть готовы, мы не можем предать нашу веру, мы не можем предать наших предков, мы не можем предать Россию, мы не можем предать тех, кто верит в нас и надеется на нас. Господи, дай нам сил, дай нам мужества, дай нам той стойкости, которая не сломится ни перед чем, дай нам той веры, которая не угаснет даже в самый тёмный час. Мы не можем проиграть эту войну, ибо за нами правда, за нами вера, за нами Россия, за нами наши семьи и наши дома.

Он перекрестился на икону Спасителя, висевшую в углу, на тот святой лик, который смотрел на него с вековой мудростью и печалью, который видел столько войн и столько страданий, и его рука, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, была тверда и уверена, с той решимостью, которая рождается из веры, из той веры, которая не знает сомнений и не боится никаких испытаний.

На границе, в казачьем лагере, стояла та особенная, тревожная тишина, которая бывает перед великой бурей, когда ветер, ещё не начавшийся, уже чувствуется в воздухе, и всё замирает в ожидании, и только редкие голоса нарушают эту тишину, как капли воды, падающие в спокойное озеро. Ночь была холодной и тёмной, и ветер доносил запах гари и сырости, смешанный с запахом пороха и лошадей, тот запах, который знает каждый солдат, стоящий на границе, тот запах, который напоминает о том, что война близко, что она уже здесь, что она уже стучится в их двери.

Егор стоял у костра, и его лицо, суровое и обветренное, с глубокими морщинами, которые были вырезаны годами военных походов, было освещено жёлтым, трепетным светом пламени, которое отбрасывало причудливые тени на его лицо, делая его похожим на тех древних воинов, которые когда-то стояли на страже этой земли, которые защищали её от врагов и не давали им переступить её границы. Он держал в руках письмо отца, которое только что пришло с курьером, и его сердце билось быстрее, когда он разрывал конверт, чувствуя, как его пальцы дрожат от волнения, как его душа наполняется той смесью надежды и тревоги, которая бывает у людей, когда они ждут вестей из дома.

Его глаза пробежали по строкам, по тем знакомым, родным буквам, которые выводила рука его отца, и каждое слово, каждая буква отдавалась в его душе, как голос из прошлого, как тот голос, который всегда был с ним, который успокаивал его и давал ему силы, когда он терял надежду:

«Сын мой, Наполеон готовится к нападению, его армия уже собирается на границе, и он готовится перейти Неман, ту самую реку, которую когда-то переходил наш прадед Емельян, когда он шёл на Берлин, когда он нёс свою веру и свою надежду через чужую землю. Он уже в Дрездене, и он собирает своих союзников, и он готовится к тому походу, который должен решить судьбу России, который должен стать либо её концом, либо её началом. Война начнётся в ближайшие дни, в ближайшие часы, и мы должны быть готовы, мы не должны упустить ни минуты, ни секунды, ни мгновения. Держись веры, как держались твои предки, как держался твой прадед Емельян, который брал Берлин и не сдался, который сохранил свою веру и свою честь и передал их нам. Ты - Берёзов, и мы всегда побеждали, потому что с нами Бог, потому что наша вера крепка, как корни той берёзы, которая ждёт тебя дома, которая стоит у нашего

храма и которая будет ждать тебя, пока ты не вернёшься. Молись и доверяй Господу, и Он не оставит тебя, Он будет с тобой в бою и в мире, в жизни и в смерти, в победе и в поражении».

Егор прижал письмо к своему сердцу, к тому месту, где билась его душа, где жила его вера, где была его любовь к семье и к Родине, и его глаза заблестели той светлой, тёплой влагой, которая бывает у людей, когда они чувствуют любовь своих близких, когда они понимают, что они не одиноки, что за ними стоит их семья и их вера, что они не брошены на произвол судьбы. Рядом с ним сел Петро, и его голос был тих, но в нём слышалось то любопытство и та тревога, которые жили в душе каждого солдата, когда он ждал вестей из дома, когда он хотел знать, что происходит там, за горизонтом:

- Что пишут из дома, Егор? Что там? Что говорят о войне, о том, что нас ждёт, о том, что будет с нами и с нашей землёй?

Егор поднял голову, и в его голосе была та уверенность, которая рождается только из веры, из той глубокой, непоколебимой веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний, и его слова, простые и искренние, падали в тишину, как капли воды, оставляя за собой круги надежды:

- Война скоро, Петро, она уже на пороге, она уже здесь, она уже стучится в наши двери, она уже зовёт нас на поле брани. Наполеон идёт на нас, но мы готовы, мы готовы встретить его, мы готовы защитить нашу землю, нашу веру и наши семьи. Держись, брат, и молись, молись за нас, за Россию, за тех, кто ждёт нас дома, за тех, кто верит в нас и надеется на нас.

Он достал крест, старый и потёртый, с выщербленными краями, который передавался в его роду от прадеда Емельяна, который был свидетелем всех их побед и поражений, и его губы коснулись холодного металла, и он почувствовал, как-то спокойствие, которое рождается из веры, разливается в его душе, как тёплая, живительная волна, как тот свет, который проникает в самую глубину души и разгоняет тьму. Он был готов, ибо знал - Берёзовы не сдаются, они не отступают, они идут до конца, как шли их предки, как велит им их вера и их долг.

Петербург, дом при храме, стоял в той вечерней, уютной тишине, которая бывает только в семьях, где любят друг друга, когда за окнами уже сгущается тьма, а в комнатах горит мягкий, тёплый свет свечей, и все собираются вместе, чтобы разделить ужин и поговорить о том, что их волнует, чтобы поддержать друг друга и найти утешение в вере. Ночь опустилась на город, и за окнами, в тёмном небе, мерцали звёзды, холодные и далёкие, как те огни, которые зажигаются в чужих домах, когда ты уходишь в неизвестность, когда ты не знаешь, вернёшься ли ты обратно.

Надежда Берёзова стояла на коленях перед иконой Богородицы, перед той самой иконой, перед которой молились её бабки и прабабки, которая была символом их рода и их веры, и её руки, дрожащие и тонкие, с той внутренней силой, которая бывает у молящихся, которая не знает страха, держали старые чётки, которые передавались в их роду от прабабок, и она перебирала их пальцами, чувствуя их гладкую, отполированную поверхность, которая хранила тепло стольких молитв и стольких слёз, и её губы шептали слова молитвы, которая поднималась к небу, и её голос был полон той боли и надежды, которые не находили других слов, той боли, которая живёт в сердце каждой матери, провожающей своего сына на войну, той надежды, которая живёт в душе каждого верующего:

- Господи, сохрани моего сына, сохрани его от пули и сабли, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды. Сохрани моего мужа, сохрани всех, кто идёт в бой за веру и Отечество, всех, кто защищает нашу землю, всех, кто не боится смерти, потому что знает, что умирает за правое дело. Не дай врагу попортить нашу веру, не дай ему разрушить то, что создавалось веками, не дай ему осквернить наши святыни, не дай ему уничтожить то, что мы любим и за что мы готовы умереть.

Катерина стояла рядом, и её рука держала свечу, и её пламя, жёлтое и трепетное, отражалось в её глазах, полных той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, и она тоже молилась, и её голос, тихий и чистый, как звук колокольчика, как тот звук, который

проникает в самую глубину души и успокаивает её, сливался с голосом матери, поднимаясь к небу:

- Мама, он вернётся, я знаю, я чувствую это, я верю в это всем сердцем, всей душой, всей своей жизнью. Господь защитит его, Он не оставит его, Он приведёт его обратно к нам, к нашему дому, к нашей семье, к нашей вере, к нашей берёзе.

Надежда подняла голову и посмотрела на дочь, и её глаза, влажные и светлые, с той тихой, спокойной уверенностью, которая рождается из веры, которая не нуждается в доказательствах, наполнились той тихой, спокойной уверенностью, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний:

- Верю, дочка, верю, я верю всем сердцем, всей душой, всей своей жизнью. Господь не оставит нас, Он будет с нами, и Он приведёт наших мужей и сыновей домой, Он дарует нам победу и мир, Он защитит нас от врага и от всех бед.

Они молились всю ночь, до самого рассвета, когда первые лучи солнца начали пробиваться из-за горизонта, окрашивая небо в нежные розовые и золотые тона, и их голоса, тихие и сливающиеся, поднимались к небу, к тем звёздам, которые мерцали в тёмном небе, пока свечи не догорели, оставляя лишь запах воска и ту тишину, которая бывает после долгой молитвы, когда душа находит покой, когда вера укрепляется и становится ещё крепче, когда надежда становится сильнее любого страха.

Ночь накануне вторжения была тихой и тревожной, и звёзды, мерцающая в тёмном небе, казались далёкими и холодными, как те огни, которые зажигаются в чужих домах, когда ты стоишь на пороге смерти, когда ты не знаешь, увидишь ли ты завтрашнее утро. Егор стоял в карауле, и его глаза, усталые и воспалённые, но всё ещё живые и внимательные, с той внутренней сосредоточенностью, которая бывает у солдат перед боем, были устремлены на запад, туда, где вдали горели огни - лагерь Наполеона, его армия, готовящаяся к переходу, готовая вступить на русскую землю, чтобы начать ту войну, которая должна была изменить всё, которая должна была решить судьбу России.

Ветер доносил запах дыма и пороха, и этот запах, чужой и тревожный, напоминал о том, что враг уже близко, что он уже здесь, что он ждёт только приказа, чтобы начать своё наступление, чтобы обрушиться на них всей своей мощью. Он перекрестился, и его рука, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, была тверда и уверена, с той решимостью, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к жизни и вся его готовность к смерти, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его:

- Господи, прими мою душу, если я погибну в этой войне, если я не вернусь домой, прости мне мои грехи, прости мои слабости и мои ошибки, прости все те мгновения, когда я сомневался, когда я терял веру, когда я боялся. Но дай мне силы защитить веру и Отечество, дай мне мужества не отступить, не сдаться, не предать, не потерять надежды, даже когда всё будет против меня. Не дай мне сломаться, не дай мне потерять веру, не дай мне упасть духом, не дай мне отчаяться, даже когда смерть будет смотреть мне в глаза.

Он думал о доме, о храме, о берёзах, которые росли в саду при храме, о тех берёзах, которые были символом его рода и его веры, которые видели его предков и которые будут видеть его потомков, и эти мысли, тихие и тёплые, согревали его, давали ему силы идти вперёд, не останавливаясь, не падать, не терять надежды. Он знал - там его ждут, там его ждут его отец, мать и сестра, и их вера и любовь дадут ему силы идти до конца, чего бы это ни стоило, ибо он - Берёзов, и он не имеет права сдаваться.

На рассвете двенадцатого июня тысяча восемьсот двенадцатого года, когда первые лучи солнца только начали пробиваться из-за горизонта, окрашивая небо в нежные розовые и золотые тона, и туман, молочный и густой, стелился над рекой, словно сама природа затаила дыхание перед великим событием, Наполеон отдал приказ о переходе Немана, и его армия, огром-

ная и хорошо вооружённая, как туча саранчи, как та саранча, которая пожирает всё на своём пути, вступила на русскую землю, и её движение, медленное и неуклонное, было как движение самой судьбы, как тот рок, который невозможно изменить, который должен свершиться.

Война началась, и её дыхание, холодное и смертоносное, уже чувствовалось в воздухе, и его холод проникал в души людей, заставляя их сжиматься от страха и трепета, заставляя их понимать, что мир, который они знали, изменился навсегда. Егор услышал топот копыт, крики, лязг оружия, и его сердце, хотя и билось быстрее, оставалось спокойным, с той тихой, спокойной уверенностью, которая рождается из веры, из той веры, которая не знает страха и не знает сомнений. Он сел на коня, и его рука сжала крест, который висел у него на груди, тот самый крест, который передавался в его роду от прадеда Емельяна, который был свидетелем всех их побед и поражений, и он прошептал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к России и вся его готовность к бою, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его:

- С нами Бог, с нами правда, с нами Россия, с нами наши предки, которые смотрят на нас с небес и ждут от нас подвига. Мы не отступим, мы не сдадимся, мы будем идти до конца, как шли наши предки, как велит нам наша вера, как велит нам наш долг перед Богом и перед Россией, перед нашими семьями и перед нашей историей.

Он вонзил шпоры в коня, и его конь, чувствуя его настроение, его решимость и его веру, рванул вперёд, в ту неизвестность, которая ждала его, в то пламя, которое уже разгоралось на горизонте, в ту войну, которая должна была стать либо их концом, либо их началом. Берёзовы идут в бой, и они не сдаются, они не отступают, они будут идти до конца, как шли их предки, как велит им вера, как велит им их долг перед Богом и перед Россией, ибо они знают, что за ними правда, за ними Бог, за ними Россия, и что они не имеют права проиграть эту войну, потому что от неё зависит всё - их жизнь, их вера, их честь и их будущее.

Глава 6. Семья Берёзовых

Петербург, храм Спаса на Крови, стоял в то воскресное утро в той особенной, почти осязаемой тишине, которая бывает только в часы ранней литургии, когда город ещё не полностью пробудился от ночного сна, и лишь первые, робкие лучи солнца, пробиваясь сквозь высокие, витражные окна, начинали заливать храм тем мягким, золотистым светом, который, отражаясь в золоте икон и белизне мраморных колонн, создавал ту особую, благодатную атмосферу, в которой душа человека невольно замирала, ощущая дыхание вечности, чувствуя ту незримую связь, которая соединяет земное и небесное, временное и вечное, ту связь, которая была сильнее любого страха, сильнее любой боли, сильнее самой смерти. Воздух в храме был густым и тёплым от дыхания сотен людей, заполнивших церковь до самых дверей, и смешивался с тем устойчивым, сладковатым запахом ладана и тёплого, старого воска, который, казалось, был неотъемлемой частью этого святого места, его душой, его памятью о всех тех молитвах, которые были вознесены здесь за многие годы, о всех тех слезах, которые были пролиты здесь, о всех тех надеждах, которые были возложены на Бога, о всех тех жизнях, которые были отданы, и о всех тех смертях, которые были побеждены верой.

Отец Александр Берёзов стоял у Царских врат в праздничном облачении, которое было расшито серебряными нитями и золотыми галунами, и в его руках, привычно и уверенно, лежал крест, тот самый, который был передан ему от его отца, а прежде - от деда, и в котором, как в фокусе, собиралась вся та вера и та история, которая была их общим достоянием, их общим богатством, их общим наследием, их общим светом, их общей надеждой, их общей любовью. Его лицо, бледное и сосредоточенное, с той глубокой, внутренней сосредоточенностью, которая бывает у людей, несущих своё служение перед лицом Бога и людей, было обращено к алтарю, и его голос, когда он возгласил молитву, разнёсся под высокими сводами, про-

никая в каждое сердце, в каждую душу, наполняя их той силой, которая была сильнее любого страха, сильнее любой боли, сильнее самой смерти:

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Братья и сёстры, сегодня мы молимся о мире, о том мире, который так хрупок и так необходим, о том мире, который мы должны защищать и сохранять, о том мире, который является даром Божиим, который мы не имеем права потерять, который мы должны передать нашим детям и внукам, чтобы они знали, что такое жизнь без войны, что такое радость без страха, что такое надежда без отчаяния. О том, чтобы Господь защитил нашу землю от врага, который уже стоит на пороге, который уже заносит меч над нашими головами, который уже готов обрушить на нас всю свою ненависть и жестокость, который уже готов уничтожить всё, что нам дорого, всё, что мы любим и защищаем, всё, что мы считаем святым. О том, чтобы Он сохранил наших воинов, наших мужей и сыновей, и даровал им мужество и силу, чтобы они не дрогнули в час испытания, чтобы они выстояли, как выстаивали наши предки перед лицом всех врагов, перед лицом самых страшных испытаний, которые только могли выпасть на их долю, перед лицом самой смерти, которая не страшна тем, кто верит, тем, кто надеется, тем, кто любит!

Прихожане, как один, перекрестились и пали на колени, и их движение было единым и стройным, как движение одного огромного, живого существа, как тот единый порыв веры, который объединяет всех в один миг, который стирает все различия и делает людей братьями, который превращает толпу в семью, а семью - в Церковь, которая есть тело Христово. Их голоса, полные веры и надежды, с той глубокой, искренней верой, которая жила в душе каждого, слились в единый, тихий шёпот, который поднимался к небу, как облако ладана, как та молитва, которая доходит до самого Бога, проникая в те выси, где живёт Господь, где Он слышит каждую молитву, каждое слово, каждое дыхание, каждое сердцебиение, каждую слезу, каждую надежду, каждую веру, каждую любовь. Среди них стояла Надежда, жена отца Александра, с дочерью Катериной, и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, материнской тревогой, которая бывает у женщин, когда они провожают своих близких на войну, когда они не знают, увидят ли их снова, когда они не знают, вернутся ли они живыми, когда они не знают, будут ли они ещё когда-нибудь держать их в своих объятиях, слышать их голос, видеть их улыбку, были обращены к иконе Богородицы, к тому святому лику, который был их опорой и их надеждой, их заступницей и их утешением, их светом в темноте и их якорем в бурю.

Они молились о Егоре, который уже был в армии, на границе, где каждый день мог стать последним, где каждое утро могло принести весть о смерти, где каждый вечер мог стать прощанием навсегда, где каждый шаг мог стать последним шагом по этой земле, и их молитвы, как свечи, горели в темноте, освещая тот путь, по которому шёл их сын и брат, освещая ту тьму, которая сгущалась над их жизнью, над их судьбой, над их верой, над их надеждой, над их любовью, над их жизнью, над их смертью, над их вечностью. Надежда сжимала в руках платок, который был вышит руками её матери, и её пальцы, худые и дрожащие, с той дрожью, которая бывает у людей, когда они молятся с особой силой, когда они вкладывают в молитву всю свою душу, всю свою боль, всю свою любовь, всю свою надежду, перебирали его край, и её губы, когда она шептала молитву, были сухи и бледны, и слёзы текли по её щекам, но она не чувствовала их, потому что вся она была в той молитве, которая была её единственным спасением, её единственной надеждой, её единственной верой, её единственной любовью.

Хотя Егора не было в храме, многие прихожане помнили его - помнили, как он пел на клиросе, и его голос, чистый и звонкий, как колокольчик, как тот звук, который напоминает о вечности, поднимался к сводам, наполняя сердца прихожан той радостью, которая бывает у людей, когда они слышат ангельское пение, когда они чувствуют, что небеса приближаются к земле, что Бог становится ближе, что Он слышит их молитвы и видит их сердца; помнили, как он помогал отцу у алтаря, и его движения, робкие и неуверенные вначале, со временем становились всё более уверенными и благоговейными, как у человека, который понимает, что

он служит не просто перед людьми, а перед самим Богом, что каждое его движение, каждое слово, каждый вздох должны быть освящены верой и любовью, что он - не просто помощник, а соучастник того великого таинства, которое совершается на алтаре. Теперь он был там, где защищал веру и Отечество, где его жизнь была подвергнута тому самому испытанию, которое было уготовано для всех, кто носит на себе печать этого рода, этой веры, этой любви, этой жизни, этой смерти, этой судьбы, этой истории, этой вечности, где его вера проверялась не в тепле храма, а в холоде окопов, не в тишине молитвы, а в грохоте пушек, не в свете свечей, а в пламени пожаров.

Когда служба закончилась, и последние звуки молитвы замерли под сводами, и голоса хора, тихие и смиренные, затихли, уступая место той глубокой, торжественной тишине, которая бывает после литургии, когда душа, уставшая от молитвы, находит покой в тишине, когда она, очищенная и просветлённая, готова вернуться в мир, чтобы нести в нём тот свет, который она получила, отец Александр вышел на паперть, на тот холодный, каменный порог, который отделял святое пространство храма от мира, полного тревог и забот, от того мира, который, казалось, был готов поглотить всё, что было свято и дорого, всё, что было создано верой и любовью, всё, что было сохранено ценой крови и слёз. Его сразу окружили прихожане, и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, внутренней тревогой, которая жила в душе каждого, кто знал, что грядёт, кто чувствовал ту тень, которая уже ложилась на их землю, кто слышал те отдалённые раскаты грома, которые предвещали бурю, были обращены к нему, ища утешения и надежды, тех слов, которые могли бы разогнать тьму и дать им силы идти дальше, тех слов, которые могли бы вернуть им веру и надежду, когда казалось, что надежды больше нет, тех слов, которые могли бы стать тем светом, который ведёт в темноте, и тем якорем, который держит в бурю.

Один из офицеров, высокий и седой, с глазами, полными тревоги, которые, казалось, видели уже не одну войну, видели смерть и страдания, видели победы и поражения, видели надежды и разочарования, видели жизни и смерти, видели судьбы и истории, видели вечности, подошёл и поклонился, и его голос, когда он заговорил, дрожал от волнения, от той боли, которая сжимала его сердце, от той любви, которая была его опорой, и от того страха, который не давал ему покоя, от того страха, который был сильнее любого разума, сильнее любой логики, сильнее любой храбрости:

- Батюшка, благословите меня, благословите моего сына, которого я сегодня провожаю в армию, которого я отправляю на ту войну, которая уже началась, которая уже стучится в наши двери, которая уже требует наших жизней и нашей крови. Мой сын тоже ушёл в армию, в тот же полк, что и ваш сын, что и Егор Берёзов. Он совсем молод, он ещё не знает жизни, он ещё не знает, что такое война и смерть, он ещё не знает, что такое страх и отчаяние, он ещё не знает, что такое потеря и боль, он ещё не знает, что такое тьма и холод, он ещё не знает, что такое пустота и тишина, и я боюсь за него, боюсь, что он не выдержит, что он сломается в этой войне, что он потеряет веру, что он отчаётся, что он не вернётся домой. Как мне молиться за него, чтобы Господь услышал меня, чтобы Он не оставил его в беде, чтобы Он дал ему сил идти до конца, не останавливаясь, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против него, даже когда смерть будет стоять за его плечом?

Отец Александр положил руку на его плечо, чувствуя, как оно дрожит под его ладонью, чувствуя ту боль, которая живёт в сердце каждого отца, провожающего своего сына на войну, ту боль, которая не имеет имени, которая не поддаётся словам, которая не проходит со временем, и сказал, и его голос был мягким и тёплым, как у отца, который утешает сына, как у того, кто сам знает, что такое страх за своих близких, кто сам провожает своего сына на войну, кто сам молится за него каждую ночь, каждую минуту, каждое мгновение:

- Молись словами, которые у тебя на сердце, сын мой, молись теми словами, которые идут от самого сердца, даже если они кажутся тебе неуклюжими и несовершенными, даже если они

не находят слов, даже если они срываются в плач, даже если они выражены только вздохами и слезами. Господь слышит каждое слово, даже если оно тихое, даже если оно сказано шёпотом, даже если оно не находит слов, даже если оно выражено только слезами, потому что Он видит сердце, Он знает, что в нём, Он слышит молитву, даже когда она не произнесена вслух, даже когда она только зарождается в душе. И помни слова Спасителя: «Блаженны миротворцы», но те, кто защищает слабых и свою землю, кто защищает веру и Отечество, кто не боится смерти и идёт на неё с молитвой на устах, тоже угодны Богу, ибо они защищают то, что Ему дорого, то, что Он создал, то, что Он любит, то, что Он искупил Своей кровью, то, что Он призвал к вечной жизни. Твоя молитва поможет твоему сыну, она даст ему силы, и Господь не оставит его, Он будет с ним в бою и в мире, в жизни и в смерти, в победе и в поражении, в радости и в горе, во всех тех испытаниях, которые могут выпасть на его долю.

Офицер заплакал, прижимая руки к груди, и поцеловал крест, чувствуя, как его душа, уставшая и встревоженная, наполняется той верой, которая была его опорой, той верой, которая не давала ему упасть духом даже в самый страшный час, даже когда смерть смотрела ему в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушился вокруг него. Он ушёл, и его шаги, когда он спускался по ступеням, были уже твёрже и увереннее, и в его походке чувствовалась та решимость, которая бывает у людей, нашедших опору, у людей, которые знают, что они не одни, что за ними стоит вера, что их не оставили, что их не забыли, что их любят, что их помнят, что их молитва услышана, что их надежда оправдана, что их любовь сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на их пути.

Вечер опустился на город, и в доме при храме, где пахло хлебом и теплом, той особенной, домашней атмосферой, которая бывает только в семьях, где живут вера и любовь, где каждый вечер собираются вместе, чтобы разделить ужин и поговорить о том, что их волнует, чтобы поддержать друг друга и найти утешение в вере и в близости друг друга, семья Берёзовых собралась за ужином. На столе, покрытом белой, льняной скатертью, которая была вышита руками Надежды, стояла горячая похлёбка, от которой поднимался пар, и свежий, ещё тёплый хлеб, который Надежда испекла сегодня утром, и квас, который был приготовлен по старинному рецепту, переданному от её матери, и их голоса, когда они говорили, были тихими и задумчивыми, с той особенной, сдержанной печалью, которая бывает в домах, когда кто-то из близких находится вдали, в опасности, когда каждый день может принести весть о смерти, когда каждое утро может стать последним, когда каждое мгновение может быть последним мгновением покоя и тишины.

Надежда разливала суп, Катерина помогала ей, и их руки, быстрые и умелые, двигались с той любовью, которая была их опорой, с той заботой, которая согревала душу, с той верой, которая не давала им упасть духом, с той надеждой, которая была их силой, с той жизнью, которая была их судьбой. Отец Александр сидел во главе стола, и его лицо, хотя и было спокойным, с той внешней, показной спокойностью, которая должна была скрывать его внутреннюю тревогу, было полно той внутренней сосредоточенности, которая бывает у людей, когда они молятся про себя, когда они обращаются к Богу, даже когда они сидят за столом, даже когда они едят, даже когда они разговаривают, когда они чувствуют, что в каждой минуте жизни есть место для молитвы, что каждое действие должно быть освящено верой, что каждый момент жизни должен быть наполнен благодарностью и любовью.

- Батюшка, - сказала Катерина, и её голос был тих, но в нём слышалась та тревога, которая бывает у детей, когда они слышат о войне, когда они не понимают, почему мир такой жестокий, почему люди убивают друг друга, почему Бог допускает это, почему Он не останавливает зло, почему Он не защищает невинных, почему Он позволяет страдать тем, кто верит в Него, - я слышала, что Наполеон уже на границе, что его армия уже стоит у Немана, что он уже готовится к переходу, что он уже собирается начать ту войну, которая должна изменить всё. Скоро начнётся война, та самая война, о которой все говорят, та самая война, которая уже

стучится в наши двери, которая уже требует наших жизней и нашей крови, которая уже готова обрушиться на нас всей своей силой?

Отец Александр поднял голову и посмотрел на дочь, и его глаза, когда он смотрел на неё, были полны той мудрости, которая рождается из веры, той мудрости, которая приходит не с годами, а через испытания, через те страдания, которые переплавляют душу и делают её сильнее, которая не даёт ей сломаться, даже когда кажется, что всё потеряно, даже когда смерть смотрит ему в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг него, и его голос, когда он ответил, был тих, но полон той уверенности, которая не нуждалась в доказательствах, той уверенности, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на их пути:

- Скоро, дочка, скоро, уже совсем скоро, может быть, уже завтра, может быть, уже сегодня ночью, может быть, уже в эту минуту, пока мы сидим за этим столом, пока мы едим этот хлеб, пока мы пьём этот квас. Но мы не должны бояться, мы не должны позволять страху овладеть нашими душами, мы не должны позволять отчаянию сломить нашу веру, мы не должны позволять сомнению затуманить наш разум. Бог с нами, и Он защитит нас, если мы будем верить и молиться, если мы будем хранить свою веру, даже когда всё вокруг рушится, даже когда смерть смотрит нам в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир погружается во тьму. Мы не можем изменить ход войны, мы не можем остановить врага, мы не можем предотвратить то, что должно случиться, но мы можем сохранить свою веру и надежду, и это будет сильнее любого оружия, сильнее любой армии, сильнее любого врага, сильнее самой смерти, сильнее всех тех испытаний, которые могут выпасть на нашу долю.

Надежда смахнула слезу с глаз, и её голос, когда она заговорила, дрожал от той любви, которая была её опорой, и от той боли, которая разрывала её сердце, от той тревоги, которая не давала ей покоя ни днём, ни ночью, от той любви, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на её пути:

- Мой Егор там, он там, на границе, где каждый день может стать последним, где каждое утро может принести весть о смерти, где каждый вечер может стать прощанием навсегда, где каждый шаг может стать последним шагом по этой земле, где каждый вдох может быть последним вдохом. Я так боюсь за него, я так боюсь, что он не вернётся, что я не увижу его больше, что я не обниму его, что я не скажу ему, как сильно я его люблю, что я не смогу сказать ему, что он - моя жизнь, моя надежда, моя радость, моя гордость, мой свет в темноте и моя опора в бурю.

Отец Александр взял её за руку, и его рука, тёплая и сухая, сжала её ладонь, и он сказал, и его голос был полон той любви и той веры, которые были его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на их пути:

- Молись, жена, молись и не переставай верить, молись и не теряй надежды, молись и не позволяй страху овладеть твоей душой, молись и не позволяй отчаянию сломить твой дух. Он - Берёзов, он - продолжатель нашего рода, и наш род всегда защищал Россию, всегда стоял на страже её веры и свободы, всегда шёл на врага с молитвой на устах и с верой в сердце, всегда не сдавался и не отступал, всегда сохранял свою веру и свою честь, и передавал их своим детям и внукам, чтобы они могли идти по их следам, чтобы они могли продолжать их дело, чтобы они могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла, чтобы она всегда была тем светом, который ведёт нас в темноте, тем якорем, который держит нас в бурю, той надеждой, которая не даёт нам упасть и сломаться, той любовью, которая сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на нашем пути. Господь не оставит его, Он будет с ним, как был с его предками, как был с моим отцом, как был с моим дедом, как был со всеми теми, кто носил имя Берёзовых и защищал эту землю, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам, чтобы мы могли идти по их следам, чтобы

мы могли продолжать их дело, чтобы мы могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла.

Поздний вечер опустился на Петербург, и в кабинете отца Александра, где было тесно от книг, икон и старых церковных записей, которые были аккуратно разложены на столе, стояла та особая, уютная тишина, которая бывает только в домах, где любят и ждут, где вера является не просто привычкой, а смыслом жизни, где каждый предмет, каждая книга, каждая икона напоминают о той незримой связи, которая соединяет прошлое и настоящее, которая связывает тех, кто ушёл, с теми, кто остался, которая является мостом между жизнью и смертью, между временем и вечностью, между земным и небесным. На столе горела свеча, и её свет, жёлтый и трепетный, отражался в старых окладах икон, создавая ту особую, уютную атмосферу, которая бывает в домах, где хранят веру, где каждый предмет, каждая книга, каждая икона напоминают о той незримой связи, которая соединяет прошлое и настоящее, которая связывает тех, кто ушёл, с теми, кто остался, которая является мостом между жизнью и смертью, между временем и вечностью.

Он взял перо, и его рука, **твердая** и уверенная, вывела первые буквы, и его голос, когда он диктовал себе, был тих, но полон той любви и той веры, которые были его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути:

«Сын мой, мой родной, моя кровиночка, моя надежда, моя радость, моя гордость, мы молимся за тебя каждый день и каждую ночь, каждую минуту и каждое мгновение, наши молитвы поднимаются к небу, как тот дым ладана, и мы верим, что Господь слышит нас, что Он не оставит нас, что Он защитит тебя, что Он даст тебе силы идти до конца, не останавливаясь, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против тебя, даже когда смерть будет стоять за твоим плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг тебя. Ты - воин Христов, ты - продолжатель нашего рода, и ты несёшь в себе веру, которую передали тебе твои предки, которую они пронесли через все испытания, через все войны и страдания, через все те времена, когда казалось, что надежды больше нет, которую они сохранили и передали нам, чтобы мы могли идти по их следам, чтобы мы могли продолжать их дело, чтобы мы могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла. Помни о том, что мы ждём тебя, помни, что мы верим в тебя, и что Господь не оставит тебя, даже в самый трудный час, даже когда ты будешь один, даже когда тебе будет страшно, даже когда смерть будет стоять за твоим плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг тебя. Возвращайся живым и победителем, возвращайся к нам, к нашей берёзе, к нашей вере, к нашей семье, к нашей земле, к нашей жизни, к нашей смерти, к нашей судьбе, к нашей истории, к нашей вечности. Твой отец, священник Александр».

Он перечитал письмо, и его глаза, усталые и влажные, с той тихой, горькой радостью, которая бывает у отцов, когда они пишут своим сыновьям, когда они вкладывают в каждое слово всю свою любовь и всю свою веру, когда они знают, что эти слова могут стать последними, что они могут быть теми последними словами, которые их сын услышит от них, наполнились той тихой, горькой радостью, которая не требовала слов, которая жила в сердце и не нуждалась в выражении, которая была сильнее любой печали, сильнее любой боли, сильнее самого страха. Он запечатал его сургучом, приложив свою личную печать, и отдал курьеру, который ждал у дверей, дрожа от холода и усталости, но готовый идти на край света, чтобы доставить эту весточку, эту надежду, эту любовь, этот свет в темноте и этот якорь в бурю.

Надежда стояла у маленького сада при храме, где росли берёзы - три дерева, посаженные в честь каждого поколения Берёзовых, начиная с Емельяна, который брал Берлин в 1760-м году, и каждое из этих деревьев было как живой свидетель, как память о тех, кто жил до них, кто защищал эту землю, кто верил и побеждал, кто не сдавался и не предавал, кто сохранил

свою веру и свою честь, и передал их своим детям и внукам, чтобы они могли идти по их следам, чтобы они могли продолжать их дело, чтобы они могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла. Ветер шелестел в их листьях, и она смотрела на них, как на живых свидетелей истории её рода, как на тех, кто хранил память о всех их радостях и печалях, о всех их победах и поражениях, о всех их надеждах и разочарованиях, о всех их жизнях и смертях, о всех их судьбах и историях, о всех их вечностях.

Она гладила кору старшей берёзы, чувствуя её шершавую, тёплую поверхность, которая хранила тепло солнца и память о всех тех, кто касался её до неё, и шептала, и её голос был тих, но полон той любви и той веры, которые были её опорой, той веры, которая не давала ей упасть духом, той веры, которая была её светом в темноте и её надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на её пути:

- Берёзы, храните моего сына, храните его, как вы хранили его предков, как вы хранили всех, кто носил имя Берёзовых, как вы хранили всех, кто шёл на войну с верой в сердце и не боялся смерти, как вы хранили всех, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их своим детям и внукам, чтобы они могли идти по их следам, чтобы они могли продолжать их дело, чтобы они могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла. Пусть ваши корни будут его защитой, пусть ваши ветви будут его опорой, а ваши листья - его надеждой, его связью с домом, с той землёй, которую он защищает, с той верой, которую он хранит, с той любовью, которую он носит в своём сердце, с той жизнью, которая была судьбой, и с той смертью, которая была вечностью.

Казалось, что ветер усилился, и листья зашелестели громче, словно отвечая ей, словно обещая ей, что они будут хранить его, как хранили всех Берёзовых на протяжении веков, как хранили всех тех, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их своим детям и внукам, чтобы они могли идти по их следам, чтобы они могли продолжать их дело, чтобы они могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла: «Мы будем хранить его. Мы всегда храним Берёзовых. Мы приведём его обратно, мы вернём его домой, к его семье, к его берёзе, к его вере, к его земле, к его жизни, к его смерти, к его судьбе, к его истории, к его вечности». И в этом шёпоте, в этом шелесте старых берёз, слышалось обещание, которое давали они всем, кто жил на этой земле, кто любил её и защищал, кто не сдавался и не предавал, кто сохранял свою веру и свою честь, и передавал её своим детям, чтобы она жила вечно.

Ночь опустилась на город, и в комнате Катерины, где горела только одна лампада перед иконой Богородицы, было тихо и сумрачно, и только её жёлтый, трепетный свет освещал лицо девушки, делая его мягче и теплее, придавая ему ту особенную, почти иконописную красоту, которая бывает у людей, когда они молятся, когда они обращаются к Богу с открытым сердцем и чистой душой, когда они чувствуют, что их молитва будет услышана, что их вера будет вознаграждена, что их надежда будет оправдана, что их любовь будет сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на их пути. Катерина стояла на коленях перед иконой Богородицы в своей комнате, и её лицо, бледное и сосредоточенное, с той глубокой, искренней верой, которая жила в её сердце, была обращено к святому лику, к той заступнице, которая была их опорой, их надеждой, их защитой, их спасением, их светом в темноте и их якорем в бурю.

Она держала свечу, и её огонёк, жёлтый и трепетный, трепетал, освещая её лицо, делая его мягче и теплее, и её голос, когда она молилась, был тих, но полон той веры и той надежды, которые были её опорой, той веры, которая не давала ей упасть духом, той веры, которая была её светом в темноте и её надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на её пути:

- Матерь Божия, Пресвятая Богородица, заступница наша перед Господом, защитница всех, кто верит в Тебя и надеется на Твою помощь, кто приходит к Тебе в молитве и ищет у Тебя утешения, защити моего брата, защити Егора, который пошёл на войну, чтобы защитить веру и нашу землю, чтобы мы могли жить в мире и покое, чтобы мы могли растить детей и не бояться завтрашнего дня, чтобы мы могли молиться и верить, чтобы мы могли любить и надеяться, чтобы мы могли жить и умирать, чтобы мы могли быть теми, кто мы есть - людьми, верующими, любящими, надеющимися, живущими, умирающими, вечными. Пусть он вернётся живым и невредимым, пусть он вернётся к нам, к нашей семье, к нашей вере, к нашей берёзе, к нашей земле, к нашей любви, к нашей жизни, к нашей смерти, к нашей судьбе, к нашей истории, к нашей вечности. Я молюсь о нём и о всей России, о том, чтобы Господь сохранил нашу землю и наш народ, чтобы Он защитил нас от врага, чтобы Он дал нам силы выстоять в этом страшном испытании и не сломаться под его тяжестью, чтобы Он дал нам веру, чтобы мы не отчаивались, даже когда всё будет против нас, даже когда смерть будет стоять за нашим плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг нас.

Она положила земной поклон, и её лоб коснулся холодного каменного пола, и она почувствовала, как вера наполняет её сердце, как та тихая, спокойная уверенность, которая бывает у людей, когда они знают, что их молитва будет услышана, когда они знают, что они не одни, что их не оставили, что их не забыли, что над ними есть Бог, который видит всё и знает всё, который не оставляет тех, кто верит в Него, который защищает тех, кто надеется на Него, который любит тех, кто любит Его. Она знала - её молитва будет услышана, её брат вернётся, и Россия выстоит, потому что вера её народа, вера Берёзовых, сильнее любого врага, сильнее любого оружия, сильнее самой смерти, сильнее всех тех испытаний, которые могут выпасть на их долю, ибо они - Берёзовы, и они не сдаются, они не отступают, они идут до конца, как шли их предки, как велит им их вера, как велит им их долг перед Богом и перед Россией, перед теми, кто ждёт их дома, перед теми, кто верит в них и надеется на них, перед теми, кто молится за них каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, каждую секунду, каждую долю секунды.

Глава 7. Последний мирный год

Тысяча восемьсот одиннадцатый год стоял в Петербурге с той обманчивой, призрачной красотой, которая бывает перед великими потрясениями, когда город живёт своей привычной, размеренной жизнью - дворцы, сверкающие золотом и мрамором, сияли огнями по вечерам, и их отражения, словно живые искры, играли в тёмных водах Невы, создавая ту волшебную, почти нереальную картину, которая запоминается навсегда. Кареты, с их позолоченными колёсами и гербами на дверцах, цокали по мостовым, и их цокот, сливаясь с голосами прохожих и музыкой, доносившейся из открытых окон, создавал ту особую, праздничную симфонию, которая была неотъемлемой частью столичной жизни и которая казалась вечной и неизменной. В театрах, с их бархатными креслами и хрустальными люстрами, давали спектакли, и залы были полны зрителей, одетых в шёлк и бархат, и их лица, беззаботные и счастливые, отражали свет свечей и улыбки актёров.

Но если присмотреться внимательнее, если посмотреть не на фасады дворцов, а в глаза прохожим, можно было заметить ту перемену, которая произошла в людях за последние месяцы. Ещё недавно беззаботные и весёлые петербургские обыватели теперь ходили с опущенными головами, говорили тише, и в их разговорах всё чаще звучали слова «война», «Наполеон», «граница», «армия», «нашествие». В кофейнях и салонах, где раньше обсуждали только моду и театральные новинки, теперь спорили о политике, о том, выдержит ли Россия натиск французов, о том, сколько войск собрал корсиканец и где он нанесёт удар - на Москву или на Петербург, о том, как долго продлится война и чем она закончится. Даже самые беспечные прожигатели жизни, те, кто ещё вчера думал только о балах и карточных долгах, теперь хму-

рили брови и задумчиво смотрели на запад, словно пытаясь разглядеть там ту тень, которая уже ложилась на их землю.

В храм Спаса на Крови, где стены помнили молитвы многих поколений, где каждый камень был пропитан верой и надеждой, каждый день приходили люди - молились, плакали, просили защиты у Господа. Но теперь среди прихожан появились новые лица - офицеры, уезжающие на фронт, их жёны и матери, крестьянки из окрестных деревень, которые приезжали в город продавать свой скромный товар, а заодно - поставить свечу за здоровье мужей и сыновей, ушедших в армию. В храме стало больше тихих, сдавленных рыданий, больше женщин в чёрных платках, больше детских испуганных глаз, которые не понимали, почему их отцы уходят и почему мамы плачут.

Отец Александр, который уже много лет служил в этом храме, знал каждую икону, каждую трещину на стенах, каждое движение света в этих стенах, замечал эту перемену и чувствовал её каждой клеткой своего тела. Он видел, как лица людей становятся жёстче, как в их глазах появляется та **твёрдая**, спокойная решимость, которая бывает у людей, знающих, что впереди их ждут большие испытания, что их жизнь изменится навсегда, что они могут больше никогда не увидеть своих близких. Он видел, как старухи, потерявшие сыновей в прошлых войнах, теперь приводили в храм внуков и учили их молиться, как матери провожали сыновей, и в их глазах была та смесь гордости и страха, которая бывает у женщин, отпускающих детей на смерть.

Однажды, когда вечерняя служба уже заканчивалась, и голоса хора затихали под сводами, и последние аккорды замирали в воздухе, и только запах ладана ещё висел в тишине, к нему подошёл молодой офицер. Он был бледен, его глаза были воспалены от бессонницы, и он сжимал в руках свою шапку так сильно, что костяшки пальцев побелели, а на лбу выступил холодный пот. Он только что вернулся с границы и видел всё своими глазами - бесконечные колонны французских войск, обозы с оружием и провиантом, лагеря, в которых день и ночь кипела подготовка к войне, тысячи костров, которые горели по ночам, как злые глаза, смотрящие на русскую землю.

- Батюшка, - сказал он, и голос его дрожал, как струна, готовая порваться, - я видел, я сам видел своими глазами. Их армия растянулась на много вёрст вдоль границы, она всё растёт и растёт, как та туча, которая закрывает небо и не даёт видеть солнца. У них тысячи пушек, тысячи солдат, тысячи лошадей, и они не остановятся, они не отступят, они не передумают, они не знают ни жалости, ни сострадания, ни милосердия. Нам не выстоять, батюшка, их слишком много, у них слишком много пушек, слишком много солдат, слишком много оружия, слишком много силы. Мы не сможем сдержать их натиск, мы не сможем остановить их, мы не сможем преградить им путь.

Отец Александр взял офицера за плечи, заставил его посмотреть себе в глаза, и его голос, тихий, но твёрдый, как сталь, закалённая в огне, как тот клинок, который никогда не подводит своего хозяина, проник в душу молодого человека, в ту растерянную, испуганную душу, которая искала опоры, которая искала надежды:

- Сын мой, не бойся. Ты видел армию, но я видел веру нашего народа, и она сильнее их пушек, сильнее их солдат, сильнее их завоеваний, сильнее их жестокости и их силы. Мы выстоим, как выстаивали всегда, как выстаивали наши предки перед лицом любых врагов, перед лицом самых страшных испытаний, которые только могли выпасть на их долю. Помни об этом и не позволяй страху овладеть твоей душой, не позволяй отчаянию сломить твою веру, не позволяй сомнению затуманить твой разум. Иди с Богом и знай, что Он не оставит тебя.

Офицер перекрестился, и его лицо, мгновение назад испуганное и растерянное, с той застывшей гримасой страха, которая была на нём, осветилось той тихой, спокойной надеждой, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах. Отец Александр благословил его, и его рука, поднимаясь в крестном знамении, была тверда и уверена, с

той силой, которая передаётся только через веру. Офицер вышел из храма, и его шаги, когда он шёл по каменным плитам, которые были отполированы ногами тысяч прихожан, были уже твёрже и увереннее, и в его походке чувствовалась та решимость, которая бывает у людей, нашедших опору.

Дом при храме стоял в той вечерней, уютной тишине, которая бывает только в семьях, где любят друг друга, когда за окнами уже сгущается тьма, а в комнатах горит мягкий, тёплый свет свечей, и все собираются вместе, чтобы разделить ужин и поговорить о том, что их волнует, чтобы поддержать друг друга и найти утешение в вере и в близости друг друга. Вечер опустился на город, и за окнами, в тёмном небе, зажглись первые звёзды, холодные и далёкие, как те огни, которые зажигаются в чужих домах, когда ты уходишь в неизвестность, когда ты оставляешь всё, что тебе дорого, и уходишь в ту тьму, которая ждёт тебя впереди.

Надежда Берёзова сидела у окна и шила. Её руки, быстрые и умелые, двигались с той сноровкой, которая достигается только годами труда, с той любовью, которая вкладывается в каждое движение, и перед ней лежала целая стопка уже готовых вещей - рубахи, портянки, тёплые шинели, которые она шила для солдат, для тех, кто ушёл на войну или должен был уйти, для тех, кто не знал, вернётся ли он домой. Она работала каждый вечер, не покладая рук, до глубокой ночи, пока свечи не догорали и глаза не начинали слипаться от усталости, и её пальцы, хотя и уставали, не останавливались, потому что она знала - каждый стежок, каждая строчка может согреть кого-то в ту долгую, холодную ночь, которая ждёт солдат впереди, может сохранить чью-то жизнь, может стать тем теплом, которое не даст замёрзнуть в окопах и траншеях.

Рядом с ней сидела Катерина, дочь, и помогала матери, подавая нитки и иголки, и её лицо, сосредоточенное и серьёзное, с той глубокой, внутренней серьёзностью, которая бывает у молодых людей, когда они осознают всю тяжесть того, что происходит вокруг, когда они понимают, что их мир может рухнуть в любой момент, было освещено светом свечи, и её глаза, светлые и внимательные, следили за каждым движением матери, за каждым стежком, за каждой строчкой, которая должна была стать защитой для тех, кто ушёл на войну. Она думала о брате, о том, как он там, на границе, стоит в карауле, смотрит в темноту и ждёт врага, который может появиться в любой момент, и её сердце сжималось от той любви и той тревоги, которые жили в нём.

- Мама, а Егор скоро напишет? - спросила Катерина, и в её голосе слышалась та тихая, искренняя тоска, которая бывает у сестёр, когда они скучают по братьям, когда они не знают, живы ли они, когда они боятся, что могут больше никогда не увидеть их. - Мне так хочется узнать, что он жив и здоров, что он цел и невредим, что он не ранен, что он не страдает, что он не один, что он помнит о нас и что мы помним о нём.

Надежда подняла голову, и в её глазах, влажных и светлых, с той глубокой, материнской болью, которая бывает у женщин, провожающих своих сыновей на войну, когда они не знают, увидят ли их снова, блеснули слёзы, которые она не могла сдержать, которые текли по её щекам, оставляя мокрые дорожки. Она вытерла их тыльной стороной ладони и сказала, и её голос дрожал от той любви, которая была в её сердце, от той надежды, которая жила в её душе, от той веры, которая была её опорой:

- Скоро, дочка, скоро. Я верю, что он напишет, что он найдёт возможность послать нам весточку, что он не забудет нас. Господь хранит его, и Он не оставит его в этот трудный час, Он будет с ним в бою и в мире, в жизни и в смерти. Мы должны молиться за него и ждать, и верить, что он вернётся, что он увидит нас снова, что он обнимет нас и скажет нам, как сильно он нас любит.

В этот момент в комнату вошёл отец Александр. Он только что вернулся из храма и был бледен, но в его глазах горел тот тихий огонь, который бывает у людей, когда они делают то, что должно, когда они несут свой крест с достоинством и верой. Он сел за стол, взял Евангелие

и раскрыл его на той странице, которую читал уже много раз, но каждый раз находил в ней что-то новое, что-то, что могло утешить и дать надежду:

- «Не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство», - прочитал он, и его голос, тихий и проникновенный, проник в души всех, кто был в комнате, согревая их той верой, которая была их опорой. - Эти слова, мои родные, должны быть нашей опорой, нашей верой, нашей надеждой в это трудное время, в это время, когда мир рушится и всё, что мы знали, исчезает. Мы не должны бояться, потому что Господь с нами, и Он не оставит нас в этот трудный час, Он будет с нами в бою и в мире, в жизни и в смерти, в победе и в поражении, в радости и в горе, во всех тех испытаниях, которые могут выпасть на нашу долю.

Надежда перекрестилась и снова взялась за шитьё, и её пальцы, хотя и дрожали от волнения, продолжали свою работу. Она знала, что каждый её стежок - это молитва, каждый кусок ткани - это защита для тех, кто ушёл на войну, и она не имела права останавливаться, не имела права сдаваться, не имела права позволить страху овладеть её душой.

В станице на Дону, где казаки всегда были готовы к защите своей земли, где вера и воинская доблесть были неразрывно связаны, где каждый казак с детства знал, что его долг - защищать свою родину и свою веру, тоже готовились к войне. Старый Иван, правнук того самого Емельяна Берёзова, который брал Берлин в тысяча семьсот шестидесятом году, стоял перед казаками на той самой площади, где когда-то его предки собирались перед походами, где они получали благословение и отправлялись в бой, где они прощались со своими семьями и шли на смерть, не зная, вернутся ли они домой. Ему было уже за шестьдесят, и годы оставили свои следы на его лице - глубокие морщины, как трещины в старой земле, седые волосы, как иней на траве, но он держался прямо, с той военной выправкой, которая была в его крови, которая передавалась из поколения в поколение, и его голос, хотя и был хриплым от возраста, от тех долгих лет, которые он прожил, звучал твёрдо и звонко, как у человека, который знает, что говорит правду, который знает, что его слова имеют вес, который знает, что его слова могут изменить судьбы.

- Братья! - сказал он, и его слова, простые и сильные, как сталь, закалённая в огне, как тот клинок, который никогда не подводит своего хозяина, отдавались в сердцах казаков, заставляя их сжимать кулаки и готовиться к бою. - Враг идёт на нашу землю, идёт с огнём и мечом, идёт с ненавистью к нашей вере и нашей свободе, идёт с той ненавистью, которая не знает ни жалости, ни сострадания, ни милосердия. Наполеон хочет попать нашу веру, разрушить наши храмы, уничтожить всё, что нам дорого, всё, что мы любим и защищаем, всё, что мы считаем святым. Мы должны защищать веру и Отечество, как защищали наши отцы и деды, как защищали все, кто жил до нас, как защищали наши предки, которые не боялись смерти и шли на неё с молитвой на устах. Мой прадед брал Берлин, и мы будем защищать Россию, как он - мы не дадим врагу ступить на нашу землю, мы не отдадим ни пяди своей земли, мы не отдадим того, что принадлежит нам по праву!

Казаки крестились, и их голоса, мощные и уверенные, как гром, как тот рёв, который сотрясает землю, слились в единый крик, который, казалось, поднимался к небу, достигая самого Бога, проникая в те выси, где живёт Господь:

- Не отдадим! С нами Бог! Мы будем стоять до конца, мы будем биться до последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего мгновения нашей жизни, мы не отдадим нашей земли, мы не отдадим нашей веры!

После сбора, когда казаки разошлись по домам готовить коней и оружие, старый Иван остался на площади один. Он смотрел на запад, туда, откуда должна была прийти беда, туда, где уже собирались тучи войны, и в его душе поднималась та тихая, спокойная решимость, которая бывает у людей, знающих, что они делают, которые не боятся ни врага, ни смерти, ни самого дьявола. Он снял с шеи нательный крест, который носил его прадед Емельян, который

прошёл через все войны и все испытания, и поцеловал его, и его губы коснулись холодного металла, который хранил тепло стольких молитв и стольких слёз:

- Мы выстоим, - прошептал он, и голос его был тих, но твёрд, как сталь, как тот клинок, который никогда не подводит своего хозяина. - Мы выстоим, как выстаивали всегда, как выстаивали наши предки, как выстаивал мой прадед, когда он шёл на Берлин и не сдался. С нами Бог, и мы не отдадим своей земли, мы не отдадим своей веры, мы не отдадим того, что принадлежит нам по праву.

Петербург, Зимний дворец. В кабинете императора, где решались судьбы страны, где принимались те решения, от которых зависела судьба миллионов, от которых зависело, будет ли существовать Россия или станет частью чужой империи, было сумрачно, и свечи горели ровным, жёлтым светом, отбрасывая причудливые тени на стены, делая их живыми и почти осязаемыми. Император Александр I принимал доклад военного министра Барклая-де-Толли. Его лицо было бледным, с той болезненной бледностью, которая бывает у людей, несущих на своих плечах тяжесть государственных забот, и в глазах его читалась та тревога, которая жила в душе каждого, кто знал, что грядёт, кто видел ту тень, которая уже ложилась на их землю, кто чувствовал то дыхание войны, которое уже касалось их лиц.

Барклай стоял перед ним с картами в руках, и его голос, когда он говорил, был твёрд, хотя в нём слышалась та глубокая, внутренняя усталость, которая бывает у людей, несущих непосильный груз, которые знают, что от их решений зависят жизни тысяч и тысяч людей:

- Ваше Величество, французы стягивают войска к границе, они готовятся к вторжению, и их армия уже насчитывает более четырёхсот тысяч человек. Разведка докладывает, что война начнётся в мае следующего года, не позже, может быть, даже раньше, если Наполеон решит ускорить свои планы. Мы должны быть готовы, мы не можем терять времени, мы не можем позволить себе ни одной ошибки, ни одного просчёта, ни одного колебания, потому что цена этой ошибки - наша свобода, наша вера, наша жизнь, наше будущее.

Александр поднялся из-за стола и подошёл к окну. Он долго смотрел на Неву, на её тёмные, холодные воды, которые текли медленно и величаво, как сама история, как та река времени, которая несёт всё, что было, и всё, что будет, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та решимость, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний:

- Мы готовы, Барклай. Мы будем защищать Россию, и мы не отдадим её врагу, мы не отдадим того, что создавалось веками, того, что мы любим и за что мы готовы умереть. Мы будем стоять до конца, как стояли наши предки, как стояли все, кто защищал эту землю, как стояли все, кто не боялся смерти и шёл на неё с молитвой на устах.

Он повернулся к иконе Спасителя, висевшей в углу, на тот святой лик, который смотрел на него с вековой мудростью и печалью, и опустился на колени. Его плечи вздрагивали от молитвы, от той внутренней борьбы, которая шла в его душе, от той боли, которую он нёс в себе, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его надежда, вся его любовь к России:

- Господи, дай мне сил, дай мне мудрости, дай мне той стойкости, которая не сломится ни перед чем, ни перед лицом врага, ни перед лицом смерти, ни перед лицом самых страшных испытаний. Не дай погибнуть России, сохрани наш народ, нашу веру, наши святыни, наши семьи и наши дома. Если война неизбежна, если Ты допустил её для нашего очищения, пусть Твоя воля будет, и дай нам победу, дай нам силы выстоять в этом страшном испытании и не сломаться под его тяжестью.

Он долго стоял на коленях, и когда он поднялся, в его глазах уже не было той неуверенности, которая была в них ещё несколько минут назад, той растерянности, которая мучила его последние недели. Он знал, что Россия выстоит, потому что вера её народа сильнее любого

врага, сильнее любого оружия, сильнее самой смерти, и что Бог не оставит тех, кто верит в Него.

В доме при храме, в один из тихих вечеров, когда за окнами уже сгущалась тьма, и только звёзды мерцали в тёмном небе, и ветер шелестел в листьях берёз, пришло долгожданное письмо от Егора. Надежда разорвала конверт дрожащими руками, и её глаза пробежали по строкам, по тем знакомым, родным буквам, которые выводила рука её сына. Она начала читать вслух, и её голос дрожал от волнения и радости, от той любви, которая переполняла её сердце, от той благодарности, которая не находила слов:

«Мама, папа, Катенька! Я жив, я здоров, Господь хранит меня, и я чувствую ваши молитвы каждый день, каждую минуту, каждое мгновение. Мы стоим на границе, и слышны разговоры о войне, и я чувствую, что она близка, что она уже на пороге, что она скоро начнётся. Я молюсь каждый день, как учил меня отец, как молились наши предки, и я знаю, что ваши молитвы защищают меня, что они дают мне силы идти вперёд. Помните меня в своих молитвах, и я верю, что вернусь к вам, что я увижу вас снова, что я обниму вас и скажу вам, как сильно я вас люблю. Целую вас всех, люблю вас больше жизни. Ваш Егор».

Все перекрестились, и кто-то заплакал от той радости, которая переполняла их сердца, от той благодарности, которая не находила слов, от той любви, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти. Отец Александр благословил письмо, и его голос был полон той тихой, спокойной благодарности, которая не требует слов, которая живёт в сердце и не нуждается в выражении:

- Слава Богу, он жив, он здоров, он с нами. Мы будем ждать его и молиться за него каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, и Господь не оставит его, Он приведёт его обратно к нам, к нашему дому, к нашей семье, к нашей вере.

Надежда спрятала письмо у сердца, туда, где билась её душа, и её лицо, хотя и было мокрым от слёз, светилось той тихой, спокойной радостью, которая бывает у людей, когда они получают весточку от тех, кого любят, когда они знают, что их близкие живы и здоровы.

Ночь перед Рождеством тысяча восемьсот одиннадцатого года, та святая, торжественная ночь, когда небо открывается и ангелы спускаются на землю, чтобы принести людям мир и радость, чтобы напомнить им о том, что свет всегда побеждает тьму. В храме Спаса на Крови служили всенощную. Свечи горели ровным светом, и их жёлтое, трепетное пламя отражалось в глазах молящихся, делая их живыми и тёплыми, и хор пел торжественно и красиво, и их голоса, чистые и звонкие, поднимались к небу, как молитва, как тот дым ладана, который смешивается с дыханием верующих.

Отец Александр стоял у алтаря, и его голос, когда он возглашал, разносился под сводами, наполняя всё пространство той радостью, которая была сильнее любого страха, сильнее любой боли, сильнее всех тех испытаний, которые могли выпасть на их долю:

- Христос рождается! Славите! Христос с небес! Срящите!

Прихожане крестились и кланялись, и их лица, озарённые светом свечей, были полны той веры, которая была их опорой, и в этой вере они находили утешение и надежду. Когда служба закончилась, и голоса хора затихли, и последние аккорды замерли в воздухе, отец Александр вышел на паперть. Снег падал крупными, пушистыми хлопьями, укрывая город белым, чистым покрывалом, делая его похожим на тот сказочный, застывший мир, который не знает ни войн, ни страданий, и над Петербургом сияло звёздное небо, чистое и бесконечное, как та вечность, которая ждёт всех нас.

На западе он видел те далёкие зарницы, которые, казалось, предвещали войну, но в этот момент, в эту святую ночь, он чувствовал только мир и покой, ту тишину, которая бывает только перед великими событиями. Он перекрестился широко, размашисто, чувствуя, как его пальцы касаются лба, груди и плеч, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась вся его вера и вся его надежда, вся его любовь к России и вся его тревога за её судьбу:

- Господи, сохрани Россию, сохрани её от врага, сохрани её от нашествия, сохрани её от всех тех бед, которые могут обрушиться на неё. Сохрани моего сына Егора, сохрани его в бою, сохрани его от пули и сабли. Пусть этот год будет последним мирным годом, и пусть Рождество принесёт нам мир и спасение, и пусть Твоя милость будет с нами во все дни нашей жизни.

Он повернулся и пошёл в дом, где его ждала семья за праздничным столом. Свечи горели, пахло пирогами, слышался тихий, уютный смех, и в его душе была та тихая, спокойная вера, что всё будет хорошо, что Господь не оставит их в этот трудный час. Он знал: мир уходит, наступает время испытаний, но их вера будет тем, что поможет им пройти через всё и выстоять, как выстаивали их предки, как выстаивали Берёзовы, которые всегда возвращались, даже когда всё было против них, даже когда смерть смотрела им в глаза, даже когда казалось, что надежды больше нет.

Глава 8. При дворе Александра

Зимний дворец, тысяча восемьсот одиннадцатый год, стоял в той холодной, торжественной тишине, которая бывает перед великими историческими решениями, когда стены, казалось, помнят голоса тех, кто когда-то вершил судьбы России, и каждый шорох, каждый скрип половиц, каждый звук шагов отдаётся в пустых, высоких залах, как эхо прошлого, как тот голос, который доносится из глубины веков и напоминает о том, что было и что будет. В императорском кабинете, где когда-то принимались решения, менявшие судьбы народов, где Екатерина Великая подписывала свои знаменитые указы, а Павел I отдавал свои противоречивые приказы, было сумрачно и тихо, и только свечи, горевшие в массивных серебряных канделябрах, разгоняли темноту, отбрасывая жёлтые, трепетные блики на портреты предков, на те суровые лица, которые смотрели с высокой, под золото, стен, с той особенной, царственной строгостью, которая заставляла каждого, кто входил в этот кабинет, чувствовать себя маленьким и ничтожным перед лицом истории.

Стены были увешаны портретами его предков - Петра Великого, с его пронизательными, живыми глазами, которые, казалось, видели насквозь любого, кто осмеливался встретиться с ними взглядом; Екатерины, с её царственной, величественной осанкой и той уверенной, почти насмешливой улыбкой, которая говорила о том, что она знает цену каждому слову и каждому обещанию; Павла, с его нервным, беспокойным взглядом, в котором читалась та постоянная, мучительная тревога, которая, казалось, преследовала его всю жизнь. И иконами, перед которыми горели лампы, и их жёлтый, трепетный свет едва разгонял темноту, создавая ту особую, полумрачную атмосферу, которая бывает в местах, где принимаются судьбоносные решения, где человек чувствует себя один на один с Богом и со своей совестью.

Император Александр I стоял у большой карты Европы, развёрнутой на массивном дубовом столе, и его лицо, бледное и напряжённое, с той глубокой, внутренней тревогой, которая бывает у людей, несущих на своих плечах тяжесть государственных забот, носило следы бессонных ночей и мучительных размышлений, которые не давали ему покоя ни днём, ни ночью. Он смотрел на карту, на те линии границ, которые были проведены рукой человека, на те названия городов и рек, которые были для него не просто словами, а судьбами тысяч и тысяч людей, и его пальцы, нервные и дрожащие, с той едва заметной дрожью, которая выдавала его внутреннее напряжение, скользили по поверхности бумаги, словно он пытался нащупать ту единственно верную точку, нажав на которую можно было бы остановить надвигающуюся беду.

Рядом с ним сидели министры и генералы, и их лица, суровые и встревоженные, с той глубокой, внутренней тревогой, которая жила в душе каждого, кто знал, что грядёт, были обращены к нему, ожидая его решения, того самого решения, которое должно было определить судьбу России, которое должно было решить, будет ли она существовать как независимое государство или станет частью наполеоновской империи. В их глазах читалась та смесь страха и

надежды, которая бывает у людей, когда они стоят перед лицом великой опасности, когда они не знают, что их ждёт впереди, но знают, что от их слов и их решений зависит слишком многое.

- Господа, - сказал он, и его голос, обычно звонкий и уверенный, с той особенной, повелительной ноткой, которая появлялась у него в минуты решимости, звучал глухо, как у человека, который уже устал от борьбы, от той бесконечной, изнурительной борьбы, которая длилась годами и которая, казалось, не имела конца, - Наполеон готовится к вторжению, он уже стянул свои войска к границе, и его армия, как туча саранчи, как та саранча, которая пожирает всё на своём пути, готова обрушиться на нас, готова уничтожить всё, что мы любим и защищаем. Я получил от него письмо, в котором он требует, чтобы мы прекратили торговлю с Англией, разорвали союз с нашими друзьями и признали его власть над Европой, признали его право перекраивать карту мира по своему усмотрению, признали его право диктовать нам свою волю. Он хочет, чтобы Россия стала его сателлитом, чтобы мы склонились перед ним, как склонились другие, чтобы мы предали свою веру и свою свободу ради его амбиций, ради его ненасытной жажды власти.

Министры переглянулись, и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, внутренней тревогой, которая жила в душе каждого, кто знал, что грядёт, выражали ту смесь страха и надежды, которая бывает перед великими решениями, когда человек понимает, что от его выбора зависят жизни миллионов. Их голоса, тихие и встревоженные, слились в тот тихий, гулкий шум, который бывает в залах перед принятием важных решений, когда судьба страны висит на волоске, когда каждое сказанное слово может изменить всё. Кто-то прошептал, и его слова, едва слышные, как шёпот ветра в листве, как тот звук, который доносится из далёкого прошлого, разнеслись по залу, проникая в каждое ухо, в каждую душу:

- Может быть, стоит согласиться? Наполеон силён, его армия считается непобедимой, и он уже подчинил себе половину Европы, и никто не может остановить его, никто не может противостоять его мощи. Может быть, это лучше, чем война, лучше, чем кровь и разрушения, лучше, чем те жертвы, которые мы неизбежно понесём, если вступим с ним в открытое столкновение? Может быть, мы можем сохранить то, что имеем, уступив ему то, что он хочет?

Александр резко повернулся, и в его глазах, только что усталых и тусклых, с той глубокой, ноющей усталостью, которая бывает у людей, несущих непосильный груз, вспыхнул тот огонь, который бывает у людей, когда они слышат то, что не могут вынести, когда они сталкиваются с трусостью и предательством, когда они видят, что их вера и их убеждения попираются. Его голос, когда он заговорил, зазвенел под высокими сводами, как удар колокола, как тот трубный глас, который возвещает о начале великого сражения, который не терпит возражений и не допускает сомнений:

- Согласиться? С тем, кто попирает церкви, грабит монастыри и убивает священников? С тем, кто считает себя Богом и ставит себя выше всего святого, кто смеётся над нашими святынями и нашими обычаями, кто презирает всё, что нам дорого? С тем, кто не знает ни жалости, ни сострадания, ни милосердия? Я не могу предать веру и Россию, я не могу предать память моих предков, я не могу предать тех, кто верит в меня, кто надеется на меня, кто ждёт от меня защиты. Мы будем воевать, и мы не отдадим нашу землю и нашу веру врагу, мы не склоним головы перед тем, кто хочет уничтожить нас, мы не станем рабами того, кто не признаёт никаких законов, кроме своих собственных.

Он перекрестился на икону Спасителя, висевшую в углу, на тот святой лик, который смотрел на него с вековой мудростью и печалью, который видел столько войн и столько страданий, и его рука, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, была тверда и уверена, с той решимостью, которая рождается из веры, из той веры, которая не знает сомнений и не боится никаких испытаний. Затем он вышел из зала, оставляя министров в той глубокой, тяжёлой тишине, которая бывает после того, как сказано последнее слово, после того, как решение принято и пути назад нет, после того, как судьба страны определена и история сделала свой выбор.

В храме Спаса на Крови, где всегда было многолюдно, и его высокие, стройные своды, казалось, едва вмещали всех, кто пришёл помолиться, кто пришёл искать защиты у Бога перед лицом той великой опасности, которая уже стояла на пороге, которая уже стучалась в двери, которая уже звала их на поле брани, отец Александр служил молебен о мире, о том, чтобы Господь отвратил чашу войны от России, чтобы Он не допустил того кровопролития, которое уже стояло на пороге. Его голос, чистый и звучный, как колокол, как тот голос, который поднимается к небу и достигает самого Бога, разносился под высокими сводами, проникая в каждое сердце, в каждую душу, наполняя их той верой, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех испытаний, которые могли выпасть на их долю.

В церкви было полно народу - офицеры в парадных мундирах, с орденами и лентами на груди, которые блестели в свете свечей, солдаты в походной форме, с винтовками на плечах, чиновники в строгих сюртуках, дворяне в бархате и шёлке, простые горожане в своих скромных одеждах - и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, внутренней тревогой, которая жила в душе каждого, были обращены к алтарю, к тем святым ликам, которые смотрели на них с вековой мудростью и печалью, которые видели столько войн и столько страданий. Свечи горели ровным светом, и их огоньки отражались в золоте икон и в глазах молящихся, создавая ту особую, торжественную атмосферу, которая бывает в моменты великой тревоги, когда сердца людей сжимаются от страха, а души ищут утешения в вере, когда они понимают, что только Бог может спасти их.

Отец Александр стоял у алтаря, и его голос, когда он возносил молитву, был полон той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех испытаний, которые могли выпасть на их долю, и его слова, простые и искренние, поднимались к небу, как тот дым ладана, который смешивается с дыханием верующих и доходит до самого Бога:

- Господи, сохрани Россию от нашествия врага, от тех, кто хочет попрасть нашу веру и наши святыни! Защити Церковь нашу и народ наш от поругания, от осквернения, от уничтожения! Сохрани воинов наших и дай им сил и мужества, дай им ту стойкость, которая не сломится ни перед чем, ни перед лицом врага, ни перед лицом смерти, ни перед лицом самых страшных испытаний!

Прихожане крестились, и их руки, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, были едины в этом жесте, едины в той вере, которая была их общей опорой, их общей защитой, их общей надеждой. Слышен был плач - старуха в чёрном платке у иконы плакала, прижимая руки к груди, и её голос, дрожащий и отчаянный, разрывал тишину, проникая в каждое сердце, заставляя его сжиматься от боли и сострадания:

- Батюшка, спасите нас, грешных! Мы не выдержим новой войны! Мы уже столько пережили, столько потеряли, столько слёз пролили, столько крови видели! Мы не можем больше, у нас нет сил, у нас нет надежды!

Отец Александр спустился с амвона, и его шаги были медленными и тяжёлыми, как у человека, который несёт на своих плечах непосильный груз, который чувствует тяжесть ответственности за тех, кто ищет у него утешения. Он подошёл к ней, взял её руки, чувствуя их холод и дрожь, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к этим людям, которые искали у него утешения, которые верили ему и надеялись на него:

- Не плачь, матушка, не отчаивайся, не позволяй горю сломить тебя, не дай печали завладеть твоим сердцем. Господь слышит тебя, Он знает твою боль, Он знает все твои страдания, Он знает все твои слёзы. Он не оставит нас, и мы выстоим, потому что вера наша крепка, как корни старого дуба, который выдерживает любые бури и остаётся стоять. Молись и верь, и Господь услышит тебя, и Он даст нам силы пережить все испытания, которые только могут выпасть на нашу долю.

Старуха перекрестилась, и в её глазах, влажных и испуганных, с той глубокой, искренней верой, которая живёт в сердце каждого русского человека, мелькнула та надежда, которая бывает у людей, когда они слышат слова утешения, когда они понимают, что они не одни, что их не оставили, что их не забыли.

Вечером того же дня, когда сумерки уже сгустились над городом, и на улицах зажглись первые фонари, бросая жёлтые, расплывчатые круги света на мокрые мостовые, и воздух наполнился тем особенным, вечерним холодом, который бывает в Петербурге поздней осенью, к храму Спаса на Крови подъехала императорская карета, с её гербом и золочёными украшениями, и лошади, покрытые пеной после быстрой езды, фыркали и перебирали ногами, чувствуя нетерпение хозяина. Александр I приехал помолиться в тишине, без свиты, инкогнито, как простой смертный, и его появление было незаметным, как тень, как тот невидимый гость, который приходит, когда никто его не ждёт, когда душа жаждет уединения и покоя.

Он вышел из кареты, закутанный в простой плащ, и остановился у входа, и его лицо, бледное и усталое, с той глубокой, внутренней тревогой, которая не давала ему покоя ни днём, ни ночью, была обращена к храму, к тому святому месту, которое давало ему силу, которое было его убежищем в этом мире, полном войн и политических интриг. Отец Александр встретил его и поклонился низко, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та глубокая, искренняя вера, которая была его опорой, которая не нуждалась в доказательствах, которая была его главным оружием в этой борьбе:

- Ваше Величество, Господь видит ваше сердце, Он знает ваши сомнения и ваши страхи, Он знает все те тяжкие размышления, которые не дают вам покоя. Он даст вам мудрость, если вы будете молиться и верить, если вы будете искать Его воли и следовать ей, если вы будете доверять Ему, даже когда не понимаете Его путей.

Александр вошёл в храм, и его шаги гулко отдавались под высокими сводами, как шаги человека, который идёт на суд, на тот последний суд, где решается его судьба, где он должен ответить за все свои решения и за все свои ошибки. Он опустился на колени перед иконой Казанской Божией Матери, перед той самой иконой, которая не раз спасала Россию от нашествий врагов, которая была символом их веры и их надежды, и его плечи вздрагивали от рыданий, от той боли, которую он не мог высказать словами, которая жила в его душе и не давала ему покоя, и он шептал слова, которые никто не мог слышать, слова молитвы, обращённой к Богу, к той высшей силе, которая была его единственной надеждой, его единственным спасением в этот трудный час.

Он молился долго, и его душа, уставшая и встревоженная, находила покой в этом тихом, святом месте, в этом убежище, где не было ни министров, ни генералов, ни войн, ни политики, где был только он и Бог, и его молитва поднималась к небу, как тот свет, который проникает в самую глубину души и разгоняет тьму. Когда он вышел, его глаза были красны от слёз, но его лицо было спокойно, с той тихой, внутренней уверенностью, которая рождается из веры, и в нём была та решимость, которая рождается из веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний. Он посмотрел на отца Александра и сказал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его надежда, вся его любовь к России, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его:

- Батюшка, я чувствую, что война неизбежна, что она уже стоит на пороге, что она уже стучится в наши двери, и я не могу её остановить, я не могу предотвратить то, что должно случиться. Я не хочу её, я никогда не хотел её, я всегда надеялся, что можно договориться, можно избежать кровопролития, можно сохранить мир, но я не могу предать веру и Россию, я не могу предать тех, кто верит в меня, кто надеется на меня, кто ждёт от меня защиты. Молитесь за меня, за Россию, за всех, кто идёт в бой, за всех, кто будет страдать в этой войне.

- Я молюсь каждый день, Ваше Величество, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, - ответил отец Александр, и его голос был полон той веры, которая двигает горы,

той веры, которая не знает сомнений, той веры, которая была его опорой в самые трудные моменты. – Господь не оставит вас, Он ведёт вас, и вы выстоите, как выстаивали ваши предки, как выстаивала Россия перед лицом всех врагов, перед лицом самых страшных испытаний, которые только могли выпасть на её долю.

Александр поцеловал крест, и его губы коснулись холодного металла, который хранил тепло стольких молитв и стольких слёз, и он уехал, оставляя за собой тишину и надежду, ту надежду, которая была их единственным спасением в этот трудный час, их единственным светом в этой кромешной тьме.

На границе, в казачьем лагере, стояла та особенная, тревожная тишина, которая бывает перед великой бурей, когда ветер, ещё не начавшийся, уже чувствуется в воздухе, и всё замирает в ожидании, и только редкие, отрывистые голоса нарушают эту тишину, как капли воды, падающие в спокойное озеро. Ночь была холодной и тёмной, и ветер доносил запах дыма и сырости, смешанный с запахом пороха и лошадей, тот запах, который знает каждый солдат, стоящий на границе, тот запах, который напоминает о том, что война близко, что она уже здесь, что она уже стучится в их двери.

Егор Берёзов стоял в карауле, и его глаза, усталые и воспалённые, но всё ещё живые и внимательные, с той внутренней сосредоточенностью, которая бывает у солдат перед боем, были устремлены на запад, туда, где вдали горели огни французского лагеря, те огни, которые были как злые глаза, смотрящие на них из темноты, как те глаза, которые ждут, когда они ослабеют, когда они падут, когда они сдадутся. Он слышал разговоры офицеров о том, что Наполеон уже готовится к переходу, что его армия уже стоит на берегу Немана, что война начнётся с минуты на минуту, и его сердце, хотя и билось быстрее, оставалось спокойным, с той тихой, спокойной уверенностью, которая рождается из веры, из той веры, которая не знает страха и не знает сомнений.

К нему подошёл Петро, и его голос был тих, но в нём слышалась та тревога, которая жила в душе каждого, когда он смотрел на эти огни, когда он понимал, что война уже на пороге, что она уже здесь, что она уже дышит им в спину:

- Егор, кажется, война начнётся со дня на день, может быть, даже завтра, может быть, даже сегодня ночью. Я слышал, как генералы говорили, что французы уже на той стороне Немана, что они ждут только приказа, чтобы перейти реку, чтобы вступить на нашу землю, чтобы начать то, что должно изменить всё.

Егор сжал крест на своей груди, тот самый крест, который передавался в его роду от прадеда Емельяна, который был свидетелем всех их побед и поражений, и его голос, когда он ответил, был твёрд и решителен, как сталь, закалённая в огне, как тот клинок, который никогда не подводит своего хозяина:

- Я готов, Петро, я готов ко всему, что бы ни случилось, к тем испытаниям, которые должны выпасть на нашу долю, к той войне, которая должна изменить нашу жизнь. Господь с нами, и мы не можем отступить, потому что за нами Россия, наша земля, наша вера, наши семьи, наши дома, всё то, что мы любим и за что мы готовы умереть.

Он посмотрел на запад, где вдалеке горели огни, и знал – война близка, и он готов встретить её, как встречали её его предки, с верой и оружием в руках, с молитвой на устах и с решимостью в сердцах, с той решимостью, которая не знает страха и не знает сомнений.

Петербург, дом при храме, стоял в той вечерней, уютной тишине, которая бывает только в семьях, где любят друг друга, когда за окнами уже сгущается тьма, а в комнатах горит мягкий, тёплый свет свечей, и все собираются вместе, чтобы разделить ужин и поговорить о том, что их волнует, чтобы поддержать друг друга и найти утешение в вере и в близости друг друга. Вечер опустился на город, и за окнами, в тёмном небе, зажглись первые звёзды, холодные и далёкие, как те огни, которые зажигаются в чужих домах, когда ты уходишь в неизвестность, когда ты оставляешь всё, что тебе дорого, и уходишь в ту тьму, которая ждёт тебя впереди.

Надежда и Катерина сидели за столом, и их руки, быстрые и умелые, с той сноровкой, которая достигается только годами труда, с той любовью, которая вкладывается в каждое движение, шили рубахи для солдат, тёплые и прочные, которые должны были защитить их в холода, которые должны были согреть их в те долгие, холодные ночи, что ждали их впереди. Они работали допоздна, до самой ночи, чтобы отправить посылки на фронт, к тем, кто ждал их, кто нуждался в их заботе, кто не знал, когда вернётся домой. Отец Александр помогал им - разрезал ткань, подавал иголки, и его лицо, усталое и сосредоточенное, с той глубокой, внутренней верой, которая была его опорой, было освещено светом свечи, и в этом свете он казался тем старым, мудрым человеком, который знает, что его дело важнее любых слов, что каждая вещь, сшитая его семьёй, может спасти чью-то жизнь.

- Батюшка, - сказала Катерина, и её голос был тих, но в нём слышалась та искренняя, детская тревога, которая бывает у людей, когда они боятся за тех, кого любят, когда они не знают, что ждёт их впереди, когда они не могут защитить своих близких от опасности, - а Егор не боится? Ему же страшно там, на границе, где враг стоит в двух шагах, где каждый день может стать последним, где смерть смотрит ему в глаза каждую ночь?

- Все боятся, дочка, все, кто идёт на войну, все, кто смотрит в лицо смерти, все, кто знает, что может не вернуться домой, - ответил отец Александр, и его голос был полон той тихой, спокойной уверенности, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний. - Но вера даёт силы, она помогает нам преодолеть страх, она делает нас сильнее, чем мы есть на самом деле, она даёт нам ту внутреннюю опору, которую не может дать ничто другое. Наш род всегда побеждал страх верой, и Егор выстоит, потому что он - Берёзов, потому что он несёт в себе ту же веру, что и его предки, ту же веру, которая помогла им пройти через все испытания и остаться живыми.

Надежда смахнула слезу с глаз, но продолжала работать, и её руки двигались быстро, словно она хотела успеть сделать всё возможное для своего сына, для тех, кто ушёл на войну, для тех, кто защищал их землю, для тех, кто не вернётся домой, для тех, кто останется там, на поле боя.

Поздняя ночь опустилась на Петербург, и город затих, лишь где-то вдалеке слышался колокольный звон, который, казалось, доносился из другого мира, из той вечности, где нет ни войны, ни смерти, ни страданий, только тишина и покой. Отец Александр стоял на паперти храма, и его лицо, бледное и усталое, с той глубокой, внутренней верой, которая была его опорой, было обращено к звёздному небу, к тем далёким светилам, которые мерцали в темноте, как те огни надежды, которые никогда не гаснут, которые всегда светят, даже когда кажется, что вокруг одна тьма.

Он видел, как на западе небо озарилось тревожным, багровым светом, словно предвещая ту грозу, которая уже стояла на пороге, ту бурю, которая должна была обрушиться на Россию и изменить всё, и его душа, уставшая и тревожная, наполнялась той тихой, молитвенной сосредоточенностью, которая бывает у людей, когда они обращаются к Богу, когда они ищут у Него защиты и утешения, когда они знают, что только Он может помочь им в этот трудный час. Он перекрестился широко, размашисто, чувствуя, как его пальцы касаются лба, груди и плеч, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась вся его вера и вся его надежда, вся его любовь к России и вся его тревога за её судьбу, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его:

- Господи, защити Россию, защити её от врага, от того безбожника, который идёт на нас с мечом, который хочет уничтожить нашу веру и наши святыни. Сохрани моего сына Егора, сохрани его в бою, сохрани его от пули и сабли, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды. Сохрани всех, кто идёт в бой за веру и Отечество, всех, кто защищает нашу землю, всех, кто не боится смерти, потому что знает, что умирает за правое дело. Не дай им пасть духом, не дай им сломаться, не дай им потерять веру, не дай им отчаяться, даже

когда всё будет против них. Дай им сил идти до конца, как шли наши предки, как шёл твой прадед Емельян, который брал Берлин и не сдался, который сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам.

Он постоял ещё немного, чувствуя, как ветер касается его лица, принося с собой запах снега и мороза, запах той зимы, которая уже стояла на пороге, и повернулся, чтобы идти в дом, где его ждала семья, где горел тёплый, уютный свет, где слышался тихий, родной голос Надежды и Катерины. Война уже стояла на пороге, и её дыхание, холодное и смертоносное, уже чувствовалось в воздухе, но вера держала его, и она была его щитом и опорой, его единственным спасением в этот трудный час, его путеводной звездой в этой крошечной тьме, его светом в темноте и его надеждой в отчаянии.

Глава 9. Наполеон готовится

Париж, весна тысяча восемьсот двенадцатого года, стоял в той обманчивой, почти сказочной красоте, которая бывает перед великими историческими событиями, когда город, утопающий в зелени садов и цветущих бульваров, кажется безмятежным и мирным, но в его воздухе, напоённом запахом цветущих каштанов и молодой листвы, уже чувствуется то напряжение, которое предвещает скорую, неизбежную бурю, ту бурю, которая должна была изменить судьбы народов и стереть с лица земли целые государства, которая должна была стать либо величайшим триумфом, либо величайшим поражением в истории. Улицы Парижа, обычно шумные и многолюдные, теперь были полны солдат - марширующих колонн, обозов с оружием и провизантом, кавалерийских эскадронов, которые двигались на восток, к границам Франции, а затем - к России. Жители города, привыкшие к победам Наполеона, смотрели на эти войска с той смесью гордости и тревоги, которая бывает у людей, когда они не знают, что ждёт их впереди. На лицах стариков, помнивших ещё революцию, была та глубокая, скрытая печаль, которая бывает у людей, видевших слишком много войн и слишком много смертей, чтобы верить в лёгкую победу.

В Тюильрийском дворце, этом величественном символе французской монархии, который теперь стал резиденцией императора, царила та особенная, напряжённая деловая атмосфера, которая бывает перед великими кампаниями, когда каждый час, каждая минута, каждая секунда на счету, когда каждое решение может стать решающим. Наполеон стоял у огромной карты России, разложенной на массивном дубовом столе, и его пальцы, тонкие и нервные, с той особенной, нервной энергией, которая была его главной движущей силой, водили по линиям рек и дорог, по названиям городов и крепостей. Карта была испещрена линиями, стрелами, названиями городов и рек - всё это было планом вторжения, планом, который должен был принести ему победу и славу, который должен был сделать его властелином мира, планом, который он вынашивал годами, продумывая каждую деталь, каждую мелочь, каждую возможную случайность, каждую трудность, которая могла возникнуть на его пути.

Рядом с ним стояли маршалы, генералы, адъютанты - лучшие военачальники Европы, которые прошли с ним через огонь и воду, через тысячи битв и сражений, от итальянских походов до египетских песков, от Аустерлица до Йены, от Испании до Германии. Их лица, обветренные и суровые, с глубокими шрамами, оставленными войной, выражали ту безоговорочную преданность, которая была их главной добродетелью, но в этот момент, глядя на карту России, на эту бескрайнюю, неизведанную страну, которая расстилалась перед ними на тысячи вёрст, в их глазах была та глубокая, внутренняя тревога, которую они пытались скрыть под масками военной уверенности, но которая всё равно пробивалась наружу, как вода сквозь трещины в плотине. Они знали, что Наполеон не сомневается в победе, но они знали и то, что он ошибается, что его самоуверенность может стоить им жизни, может стоить жизни тысячам и тысячам солдат, которые пойдут за ним в этот поход, которые доверились ему и его звезде.

Наполеон водил пальцем по линиям рек и дорог, по тем местам, где должны были пройти его войска, по тем городам, которые должны были быть взяты, по тем полям, которые должны были стать полями сражений. Он говорил, и его голос был звонок и уверен, с той особенной, повелительной ноткой, которая появлялась у него, когда он отдавал приказы, когда он решал судьбы народов, и в этом голосе было столько самоуверенности, столько непоколебимой веры в свою звезду, что, казалось, он не допускал даже мысли о неудаче, даже тени сомнения не могла проникнуть в его сознание:

- Господа, через три месяца я буду в Москве, в этом сердце России, в этом городе, который они считают своей святыней, в этом городе, который является символом их веры и их могущества. Я пройду через всю Россию, как прошёл через всю Европу, и никто не сможет остановить меня, никто не сможет противостоять моей армии, никто не сможет преградить мне путь. Русские - варвары, они не умеют воевать, они не знают стратегии, они не знают дисциплины, они не знают, что такое настоящая война, что такое современное оружие и современная тактика. Мы раздавим их, как раздавили Австрию и Пруссию, как раздавили все те народы, которые осмелились противостоять нам, которые встали на нашем пути. Россия падёт, как пали другие, и мир увидит, кто истинный властитель Европы, кто определяет судьбы народов, кто имеет право диктовать свои законы.

Маршалы молчали, и в их глазах был тот страх, который они пытались скрыть, но который жил в душе каждого, кто знал, что Россия - большая страна, и зима там суровая, как нигде, а пространства бескрайние, и неизвестно, что ждёт их там, в этих холодных, чужих землях, где каждый лес, каждая река, каждая деревня могут стать ловушкой, где каждый шаг может стать последним. Они знали, что Наполеон не сомневается в победе, но они знали и то, что он ошибается, что его самоуверенность может стоить им жизни, может стоить жизни тысячам и тысячам солдат, которые пойдут за ним в этот поход, которые доверились ему и его звезде, и которые могут не вернуться.

Наполеон поднял бокал, и его голос зазвенел под сводами, как удар колокола, как тот трубный глас, который возвещает о начале великого сражения, который заставляет тысячи сердец биться быстрее, а тысячи рук сжимать оружие:

- За победу! За Париж! За будущее Европы! За то, чтобы варвары узнали, что такое великая Франция, что такое наша цивилизация, что такое наша сила, что такое наше величие, что такое наша власть!

Все подняли бокалы, и их голоса, дрожащие и почтительные, с той притворной радостью, которая должна была скрывать их страх, слились в единый хор, но пили без радости, и в их глазах была та тревога, которую они не могли скрыть, та тревога, которая, как тень, следовала за ними повсюду, как предчувствие той катастрофы, которая уже стояла на пороге, которая уже дышала им в спину, которая уже готова была обрушиться на них.

Наполеон отдал приказ о мобилизации, и вся Европа зашевелилась, как огромный муравейник, как тот муравейник, который готовится к походу, к завоеванию новых территорий, к захвату новых земель и новых народов. Армия, огромная, как саранча, как та саранча, которая пожирает всё на своём пути, которая не оставляет после себя ничего, кроме пустоты и пепла, начала собираться и двигаться через всю Европу к русской границе, и её движение было как движение огромной, неумолимой лавины, которая катится с гор, сметая всё на своём пути, не разбирая, кто перед ней - друг или враг, союзник или жертва. Это была армия, в которой были французы, немцы, итальянцы, поляки, голландцы, испанцы, португальцы, швейцарцы, бельгийцы - вся Европа, объединённая под знамёнами Наполеона, шла на восток, чтобы сокрушить Россию, чтобы стереть её с лица земли, чтобы сделать её частью своей империи.

И в её рядах были солдаты, которые не понимали, за что они воюют, которые не знали, что их ждёт впереди, которые шли на смерть за чужие амбиции и чужую славу, за мечты одного человека, который считал себя повелителем мира. Они шли, потому что не могли ослушаться,

потому что страх перед Наполеоном был сильнее их собственных страхов, сильнее их собственной совести, сильнее их собственной воли. И в их душах, в глубине их сердец, жила та тихая, невысказанная тревога, которая шептала им, что этот поход не принесёт им победы, что он принесёт им только смерть и страдания, что они никогда не увидят своих домов и своих семей.

В церквях Европы люди молились о мире, и их голоса, тихие и тревожные, с той глубокой, искренней мольбой, которая бывает у людей перед лицом великой опасности, когда они не знают, что их ждёт впереди, когда они боятся за свои жизни и за жизни своих близких, поднимались к небу, проникая в те выси, где живёт Господь, но никто не мог остановить Наполеона, ибо его воля была сильнее страха и сомнений, сильнее всех молитв и всех надежд, сильнее всех тех голосов, которые предупреждали его об опасности.

В Петербурге, в храме Спаса на Крови, отец Александр служил молебен о спасении России, о том, чтобы Господь отвратил чашу войны от их земли, чтобы Он не допустил того кровопролития, которое уже стояло на пороге. Его голос, чистый и звучный, как колокол, как тот голос, который поднимается к небу и достигает самого Бога, разносился под сводами, проникая в каждое сердце, в каждую душу, наполняя их той верой, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти. В церкви было полно народу - офицеры в парадных мундирах, с орденами и лентами на груди, солдаты в походной форме, с винтовками на плечах, их семьи, их матери и жёны, с испуганными, заплаканными лицами, простые горожане в своих скромных одеждах - и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, внутренней тревогой, которая жила в душе каждого, были обращены к алтарю, к тем святым ликам, которые смотрели на них с вековой мудростью и печалью.

Все они молились, и их голоса, полные веры и надежды, поднимались к небу, как тот дым ладана, который смешивается с дыханием верующих и доходит до самого Бога. Отец Александр стоял у алтаря, и его голос был полон той веры, которая не знает страха, той веры, которая не нуждается в доказательствах, той веры, которая была его опорой в самые трудные моменты:

- Господи, защити нас от врага, от того безбожника, который идёт на нас с мечом, который хочет уничтожить нашу веру и наши святыни! Не дай поругать веру нашу и храмы наши, не дай осквернить то, что мы считаем святым! Сохрани наших воинов и дай им сил и мужества, дай им ту стойкость, которая не сломится ни перед чем, ни перед лицом врага, ни перед лицом смерти, ни перед лицом самых страшных испытаний!

Прихожане плакали, крестились, и их голоса, тихие и сливающиеся, слились в единый хор, который поднимался к небу, как мольба, как просьба, как надежда, как тот свет, который должен был осветить их путь в темноте, как та вера, которая была их единственной защитой в этот трудный час.

На границе, в казачьем разъезде, стояла та особенная, тревожная тишина, которая бывает перед великой бурей, когда ветер, ещё не начавшийся, уже чувствуется в воздухе, и всё замирает в ожидании, и только редкие, отрывистые голоса нарушают эту тишину, как капли воды, падающие в спокойное озеро. Егор Берёзов стоял на посту, и его глаза, усталые и воспалённые, но всё ещё живые и внимательные, с той внутренней сосредоточенностью, которая бывает у солдат перед боем, когда они знают, что от них зависит слишком многое, были устремлены на запад, туда, где за Неманом собиралась французская армия, туда, где уже горели огни вражеских лагерей, туда, где уже слышались звуки вражеских труб и команд.

Он видел, как на той стороне реки французские войска строились в боевые порядки, как их пушки блестели на солнце, как их знамёна, яркие и пёстрые, развевались на ветру, как тысячи солдат, тысячи лошадей, тысячи повозок ждали только приказа, чтобы перейти эту границу, чтобы начать ту войну, которая должна была стать величайшей из всех, которая должна была решить судьбу России и всей Европы. Он видел, как их лица, серьёзные и сосредоточенные, были обращены на восток, на ту землю, которую они собирались завоевать, на ту

землю, которую они собирались уничтожить, и в его душе поднималась та тихая, спокойная решимость, которая бывает у людей, знающих, что они защищают свою землю и свою веру.

Он сжал крест на своей груди, тот самый крест, который передавался в его роду от прадеда Емельяна, который был свидетелем всех их побед и поражений, всех их радостей и печалей, всех их надежд и разочарований, и прошептал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера и вся его решимость, вся его любовь к жизни и вся его готовность к смерти, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его:

- Господи, дай нам силы, дай нам ту силу, которая помогла нашим предкам выстоять, которая помогла им пройти через все испытания и остаться живыми, которая помогла им взять Берлин и не сдаться, которая помогла им сохранить свою веру и свою честь. Мы не боимся смерти, ибо знаем, что смерть - это переход к вечной жизни, что она не конец, а начало, что она не тьма, а свет. Мы боимся только одного - предать веру и Родину, предать тех, кто ждёт нас дома, предать память наших предков, предать тех, кто верит в нас и надеется на нас.

Рядом с ним стоял Петро, и его лицо было бледно, с той бледностью, которая бывает у людей перед боем, когда они знают, что могут не вернуться, когда они чувствуют холод смерти на своих плечах, но в глазах горела та решимость, которая бывает у людей, когда они знают, что отступать некуда, когда они понимают, что за ними - их земля, их семьи, их вера, их дома, всё то, что они любят и за что они готовы умереть. Его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та же тревога, что и у Егора, та же боль и та же надежда, та же вера и та же готовность идти до конца:

- Егор, кажется, это начинается, это то, о чём мы так долго говорили, то, чего мы так боялись, то, что мы знали, что должно было случиться. Я никогда не думал, что увижу такое, что мне придётся стоять здесь и ждать врага, ждать, когда он перейдёт реку и начнёт свою войну, ждать, когда он начнёт уничтожать всё, что нам дорого.

Егор кивнул, и его голос был твёрд, как сталь, закалённая в огне, как тот клинок, который он носил на поясе и который никогда не подводил его в бою:

- Это начинается, Петро, это начинается, и мы не можем остановить это, мы не можем предотвратить то, что должно случиться. Но мы выстоим, потому что с нами Бог, и мы не отступим, мы не сдадимся, мы не предадим, что бы ни случилось, какие бы испытания ни ждали нас впереди, какие бы бури ни проходили над нашей головой.

Наполеон сидел в своём кабинете в Дрездене, в том самом кабинете, где он принимал решения, менявшие судьбы народов, где он подписывал договоры и отдавал приказы, которые приводили в движение миллионы людей. Перед ним лежало письмо, которое он только что написал, письмо, которое должно было стать его последним ультиматумом России, последним предупреждением, последней попыткой заставить Александра подчиниться его воле. Оно было адресовано императору Александру I, и в нём он требовал уступить ему Польшу и прекратить союз с Англией, иначе - война, та война, которая должна была стереть Россию с лица земли, которая должна была стать концом её существования как независимого государства.

Он подписал письмо, и его рука, **твёрдая** и уверенная, с той особенной, размашистой энергией, которая была свойственна ему, оставила на бумаге чёткие, размашистые буквы, которые были похожи на его самого - решительные, напористые, не терпящие возражений. Он запечатал его сургучом, и его личная печать, с изображением орла, который держал в своих когтях молнию, оставила след на горячем воске, и он отдал письмо курьеру, и его голос, когда он говорил, был холоден и твёрд, как у человека, который не сомневается в своей правоте, который не допускает даже мысли о неудаче, который считает, что весь мир должен подчиняться его воле:

- Отправь это немедленно, без задержек, без промедлений, без каких-либо колебаний. Пусть русский император знает, что его ждёт, если он откажется, если он осмелится противостоять мне, если он посмеет сказать мне «нет». Пусть он знает, что его ждёт, если он выберет войну вместо мира.

В Петербурге Александр I получил это письмо, и его сердце сжалось от боли и гнева, когда он читал эти строки, когда он видел те требования, которые Наполеон осмелился предъявить ему. Он прочитал его, и его лицо побледнело, и его руки дрожали от гнева и боли, от той несправедливости, которую он чувствовал, от той обиды, которая жила в его душе. Он подошёл к иконе Спасителя, и его шаги были тяжелы, как у человека, который несёт на своих плечах непосильный груз, который чувствует тяжесть ответственности за тех, кто верит в него, и он опустился на колени, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась вся его вера и вся его решимость, вся его любовь к России и вся его готовность к борьбе, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его:

- Господи, дай мне мудрости, дай мне сил, дай мне той стойкости, которая не сломится ни перед чем, ни перед лицом врага, ни перед лицом смерти, ни перед лицом самых страшных испытаний. Я не могу предать веру и Россию, я не могу предать память моих предков, я не могу предать тех, кто верит в меня, кто надеется на меня, кто ждёт от меня защиты. Я отвечу отказом, и пусть Ты будешь моим судьёй, и пусть Ты рассудишь, кто прав, а кто виноват, и пусть Ты дашь победу тому, кто идёт по пути правды.

Он сел за стол, и его рука, хотя и дрожала, была тверда и уверена, когда он писал ответ, тот ответ, который должен был стать началом великой войны, тот ответ, который должен был решить судьбу России и всей Европы: «Ваше Величество, я не могу уступить земли, которые принадлежат России, земли, которые были защищены кровью наших предков, земли, за которые мы готовы умереть. Мы будем защищать наши границы и нашу веру, и мы не отступим, мы не сдадимся, мы не предадим, мы не потеряем надежды, даже когда всё будет против нас».

В Петербурге, в храме Спаса на Крови, отец Александр узнал об ответе императора, и его душа наполнилась той тихой, спокойной уверенностью, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний, которая ведёт человека через тьму и даёт ему силы идти вперёд, даже когда кажется, что всё потеряно. Он стоял у амвона, и его голос, когда он говорил прихожанам, был полон той веры, которая не знает страха и не знает сомнений, той веры, которая была сильнее любого оружия, сильнее любого врага, сильнее самой смерти:

- Братья и сёстры, мы ответили отказом, и война неизбежна, она уже на пороге, она уже стучится в наши двери, она уже зовёт нас на поле брани. Но не бойтесь, не отчаивайтесь, не позволяйте страху овладеть вашими душами, не позволяйте сомнению затуманить ваш разум! Господь с нами, и Он не оставит нас, Он будет с нами в бою и в мире, в жизни и в смерти, в победе и в поражении, в радости и в горе, во всех тех испытаниях, которые могут выпасть на нашу долю. Мы - русские, мы - православные, мы выстоим, как выстаивали всегда, как выстаивали наши предки перед лицом любых врагов, как выстаивали те, кто защищал нашу землю в самые трудные времена, как выстаивали те, кто не боялся смерти и шёл на неё с молитвой на устах.

Прихожане крестились, и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, внутренней верой, которая жила в душе каждого, были обращены к алтарю, к тем святым ликам, которые смотрели на них с вековой мудростью и печалью, как будто они знали, что грядёт, и как будто они обещали им свою защиту, свою любовь, свою помощь в этот трудный час, в это время, когда мир рушится и всё, что они знали, исчезает.

Ночь накануне вторжения была тихой и тревожной, и звёзды, мерца в тёмном небе, казались далёкими и холодными, как те огни, которые зажигаются в чужих домах, когда ты стоишь на пороге смерти, когда ты не знаешь, увидишь ли ты завтрашнее утро, когда ты оставляешь всё, что тебе дорого, и уходишь в ту тьму, которая ждёт тебя впереди. Егор стоял на посту, глядя на запад, где вдалеке горели огни - лагерь Наполеона, его армия, готовая к переходу, готовая начать ту войну, которая должна была изменить всё, которая должна была решить судьбу России и всей Европы.

Он вспоминал дом, отца, мать, сестру, те берёзы, которые росли в саду при храме, те берёзы, которые были символом его рода и его веры, которые видели его предков и которые будут видеть его потомков, и эти мысли, тихие и тёплые, согревали его в холодную ночь, давали ему силы идти вперёд, не останавливаясь, не падать, не терять надежды. Он достал крест, старый и потёртый, с выщербленными краями, который передавался в его роду от прадеда Емельяна, который был свидетелем всех их побед и поражений, и его губы коснулись холодного металла, и он прошептал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера и вся его решимость, вся его любовь к жизни и вся его готовность к смерти, вся его душа, которая была открыта перед Богом и не боялась Его:

- Господи, прими мою душу, если я погибну в этой войне, если я не вернусь домой, прости мне мои грехи и даруй мне покой вечный, дай мне ту радость, которую я искал всю свою жизнь. Но дай мне силы защитить веру и Отечество, дай мне мужества не отступить, не сдаться, не предать, не потерять веры, даже когда смерть будет смотреть мне в глаза. Дай мне ту веру, которая помогла моим предкам выстоять, которая помогла им пройти через все испытания и остаться живыми, которая помогла им взять Берлин и не сдаться, которая помогла им сохранить свою честь и свою душу.

Он посмотрел на запад, где вдалеке горели огни, и знал - война близка, и он готов встретить её, как встречали её его предки, с верой и оружием в руках, с молитвой на устах и с решимостью в сердцах, с той решимостью, которая не знает страха и не знает сомнений, с той решимостью, которая рождается из веры и любви к Родине. Берёзовы идут в бой, и они не сдаются, они не отступают, они будут идти до конца, как шли их предки, как велит им вера, как велит им их долг перед Богом и перед Россией, перед теми, кто ждёт их дома, перед теми, кто верит в них и надеется на них, перед теми, кто молится за них каждый день, каждую минуту, каждое мгновение.

Глава 10. В станице Берёзовых

Дон, станица Берёзовская, стояла в той особенной, благодатной красоте, которая бывает только на Дону весной, когда природа, словно пробуждаясь от долгого зимнего сна, начинает жить полной, щедрой жизнью, и воздух наполняется ароматами цветущих садов и молодой, изумрудной травы, и небо, чистое и голубое, простирается над бескрайней степью, как бесконечный купол, под которым течёт своя, веками установленная жизнь, не знающая ни войн, ни потрясений, ни тех бурь, которые сотрясают столицы и меняют судьбы народов. Весна тысяча восемьсот двенадцатого года выдалась тёплой и ранней - снег сошёл ещё в марте, и степь, словно пробудившись от долгого зимнего сна, покрылась молодой, изумрудной травой, которая, как мягкий бархат, стелилась под ногами, и ветер приносил запах цветущих садов, тот сладкий, пьянящий аромат, который бывает только весной на Дону, когда яблони и вишни одеваются в белые и розовые кружева, и пчёлы, жужжа, кружат над ними в своём вечном, неустанном танце, собирая нектар для будущего мёда, и этот запах, смешанный с запахом свежей земли и молодой травы, создавал ту особую, ни с чем не сравнимую атмосферу, которая была неотъемлемой частью жизни станицы.

Станица жила своей обычной, размеренной жизнью - женщины хлопотали по хозяйству, мужчины работали в полях, дети бегали по улицам, играя в свои бесконечные игры, и казалось, что ничто не может нарушить этот покой, этот мир, который был так дорог каждому, кто жил здесь. Но в воздухе, в этом тёплом, весеннем воздухе, уже чувствовалась та тревога, которая, как невидимая тень, ползла по всей России, та тревога, которая говорила о том, что мир, этот привычный, уютный мир, вот-вот рухнет, что война уже на пороге, что она уже стучится в их двери, что она уже зовёт их на поле брани, что она уже требует их крови и их жизней. Старый Иван Берёзов сидел у берёзы, той самой, что посадил ещё Емельян в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году, когда вернулся из Пруссии, когда война окончилась и наступил мир,

и его душа, уставшая и тревожная, находила утешение в этом старом, мудром дереве, которое было свидетелем всех их радостей и печалей, всех их побед и поражений, всех их встреч и прощаний, всех их надежд и разочарований.

Дерево уже выросло высоким и раскидистым, его ствол, белый и гладкий, как кость, его ветви, покрытые молодыми зелёными листьями, шелестели на ветру, словно перешёптываясь с прошлым, с теми, кто сидел под ними когда-то, кто делился своими радостями и печалью, кто ждал вестей с войны, кто провожал своих близких на смерть, кто молился о возвращении тех, кто ушёл в бой. В этом шелесте, в этом тихом, успокаивающем шёпоте, слышались голоса всех тех, кто был до него - его деда Егора, который воевал с турками и не знал поражений, его прадеда Емельяна, который брал Берлин и не сдался, его отца, который тоже сидел под этой берёзой и ждал вестей, всех тех, кто защищал эту землю на протяжении веков, и эти голоса, незримые и тихие, но живые, как само время, давали ему силы, напоминали ему о том, что он не один, что его род продолжается, что его вера жива, что его любовь к этой земле не угаснет, пока стоит эта берёза.

Иван был уже стар - ему было за семьдесят, и его лицо, покрытое глубокими морщинами, как кора старого дерева, хранило следы долгой, трудной жизни, но его глаза, ясные и живые, с той внутренней мудростью, которая приходит с годами, всё ещё горели тем же огнём, что и у его предков, и в них была та вера, которая была их общей опорой, их общей силой, их общей надеждой, та вера, которая не угасала даже в самые тёмные часы, даже когда казалось, что надежды больше нет, даже когда смерть смотрела ему в глаза. Он сидел у берёзы, когда к нему подошёл его правнук Егор, который приехал из армии в краткосрочный отпуск - его отправили на Дон за подкреплением, за новыми казаками, которые должны были пополнить полки, стоявшие на границе, и его лицо, хотя и было усталым после долгой дороги, выражало ту решимость, которая рождается из веры, из той глубокой, непоколебимой веры, которая была его опорой, которая не давала ему упасть духом даже перед лицом самых страшных испытаний, даже перед лицом самой смерти.

- Дед, - сказал Егор, и его голос был тих, но в нём слышалась та решимость, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, которая не боится никаких испытаний, которая ведёт человека через тьму и даёт ему силы идти вперёд, даже когда кажется, что всё потеряно, - я уезжаю на фронт, я уезжаю туда, где решается судьба России, где решается, будет ли она существовать как независимое государство или станет частью чужой империи, где решается, сохраним ли мы свою веру и свою свободу или потеряем их навсегда. Война близка, она уже на пороге, она уже стучится в наши двери, она уже зовёт нас на поле брани, она уже требует нашей крови и наших жизней. Наполеон уже стоит у Немана, и он ждёт только приказа, чтобы перейти реку и вступить на нашу землю, чтобы начать ту войну, которая должна стать самой страшной из всех, которая должна изменить всё, которая должна решить судьбу Европы. Я должен идти, я должен защищать нашу землю и нашу веру, я должен защищать наши семьи и наши дома, я должен защищать тех, кто ждёт меня дома, тех, кто верит в меня и надеется на меня, тех, кто молится за меня каждый день, каждую минуту, каждое мгновение.

Иван посмотрел на него, и его глаза, мудрые и проницательные, с той глубокой, внутренней верой, которая жила в душе каждого Берёзова, встретились с глазами правнука, и он перекрестился, и его рука, дрожащая, но уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, коснулась лба, груди и плеч, и он сказал, и его голос был твёрд, как сталь, закалённая в огне, как тот клинок, который он носил на поясе, когда был молод, когда он сам шёл в бой и не боялся ни врага, ни смерти, ни самого дьявола:

- Ты - Берёзов, внук, ты - продолжатель нашего рода, ты - наследник той веры, которую наши предки пронесли через все испытания, через все войны и все страдания, через все те времена, когда казалось, что надежды больше нет, когда смерть смотрела им в глаза, когда

они теряли товарищей и хоронили их в чужой земле. Ты должен защищать веру и Отечество, как твой прадед Емельян, который брал Берлин в тысяча семьсот шестидесятом, как твой дед Егор, который воевал с турками и не знал поражений, как все те, кто жил до тебя, как все те, кто защищал эту землю на протяжении веков, как все те, кто не боялся смерти и шёл на неё с молитвой на устах. Наш род всегда стоял за Россию, и ты не должен отступить, не должен предать, не должен сломаться, что бы ни случилось, какие бы испытания ни ждали тебя впереди, какие бы бури ни проходили над твоей головой, какие бы враги ни вставали на твоём пути.

Он снял с себя старый, потемневший крест - тот самый, что был у Емельяна, который передавался из поколения в поколение, который был свидетелем всех их побед и поражений, всех их радостей и печалей, всех их надежд и разочарований, который хранил тепло стольких молитв и стольких слёз, и протянул его Егору, и его руки дрожали от волнения, и он сказал, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к этому юноше, который был его продолжением, его надеждой, его будущим, его жизнью:

- Возьми, внук, возьми этот крест, он твой по праву, он твой по рождению, он твой по вере, он твой по крови. Он хранил наш род на протяжении веков, он хранил наших предков в боях и походах, он хранил их в самые тёмные часы, когда смерть смотрела им в глаза и когда они не знали, увидят ли они завтрашнее утро, и он будет хранить тебя, он будет оберегать тебя в бою и в мире, в жизни и в смерти, в победе и в поражении, в радости и в горе. Носи его всегда, и помни, что ты не один - за тобой стоят все те, кто был до тебя, все те, кто отдал свою жизнь за Россию, все те, кто верил в Бога и в победу, все те, кто не боялся смерти и шёл на неё с молитвой на устах, все те, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам.

Егор принял крест, и его пальцы коснулись холодного, потемневшего металла, который хранил тепло стольких молитв и стольких слёз, и он почувствовал его тяжесть и тепло, его силу и его святость, и он поцеловал его и надел на шею, рядом с отцовским, и теперь у него было два креста - один от отца, другой от деда, и оба напоминали ему о том, что он должен сделать, о том долге, который лежит на его плечах, о той ответственности, которая была его судьбой, о той вере, которая была его опорой, о той любви, которая была его жизнью.

В станице собрался казачий круг, и площадь перед церковью, та самая площадь, где когда-то его предки собирались перед походами, где они получали благословение и отправлялись в бой, где они прощались со своими семьями и шли на смерть, не зная, вернутся ли они домой, была заполнена сотнями казаков - старых и молодых, опытных и зелёных, но всех их объединяло одно: готовность защищать свою землю, свою веру, свои семьи, свою свободу, свою честь, свою жизнь, свою родину. Старый Иван стоял в центре, и его голос, хриплый, но звонкий, с той особенной, повелительной ноткой, которая появлялась у него, когда он говорил о самом важном, когда он обращался к своим братьям, когда он призывал их к оружию, когда он говорил о том, что было для них свято, гремел над площадью, проникая в каждое сердце, в каждую душу, заставляя их замирать и слушать, заставляя их понимать, что настал тот час, которого они ждали, тот час, когда они должны показать, что такое русская сила и русская вера, что такое русский дух и русская стойкость:

- Братья! Враг идёт на нашу землю, идёт с огнём и мечом, идёт с ненавистью к нашей вере и нашей свободе, идёт с той ненавистью, которая не знает ни жалости, ни сострадания, ни милосердия, которая готова уничтожить всё, что мы любим, всё, что мы защищаем, всё, что мы считаем святым. Наполеон, этот корсиканец, этот безбожник, этот выскочка, который считает себя Богом и повелителем мира, хочет попрасть нашу веру, разрушить наши храмы, уничтожить наши семьи, сжечь наши дома, стереть с лица земли всё, что нам дорого, всё, что мы создавали веками, всё, что мы передаём из поколения в поколение. Он думает, что мы слабы, что мы не сможем ему противостоять, что мы склонимся перед ним, как склонились другие, как склонились те, кто потерял свою веру и свою свободу, те, кто предал свою честь и свою совесть, те, кто забыл, кто они и откуда они. Но он ошибается! Мы, казаки, всегда

защищали Россию, и мы не отдадим ни пяди нашей земли, мы не позволим ему попать наши святыни, мы не позволим ему уничтожить то, что мы любим! Настал наш час, братья! Настал час показать врагу, что такое русская сила, что такое русская вера, что такое русский дух, что такое русская земля, что такое русский народ, который не сдаётся, который не отступает, который не предает!

Казаки закричали «Любо!», и этот крик, мощный и яростный, с той первобытной силой, которая живёт в людях, когда они защищают свою землю, разнёсся над степью, проникая в каждое сердце, в каждую душу, заставляя лошадей прятать ушами и птиц взлетать с крыш, заставляя стены церкви дрожать от эха. Они крестились, и их руки, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, были едины в этом жесте, едины в той вере, которая была их общей опорой, их общей силой, их общей надеждой, их общей защитой, их общей жизнью. Они готовили коней и оружие, и их лица, суровые и сосредоточенные, с той глубокой, внутренней решимостью, которая бывает у людей перед боем, были обращены на запад, туда, где уже слышались отзвуки войны, туда, где уже горели огни вражеских лагерей, туда, где уже ждал их враг, и зная, что война уже на пороге, они будут готовы встретить её, как встречали её их предки, с верой и оружием в руках, с молитвой на устах и с решимостью в сердцах, с той решимостью, которая не знает страха и не знает сомнений.

Егор стоял среди них, сжимая в руке крест деда, и чувствовал, как его сердце бьётся в унисон с сердцами других казаков, в унисон с той общей верой, которая была их опорой, в унисон с той общей целью, которая объединяла их всех, в унисон с той общей судьбой, которая ждала их впереди, и в душе его не было страха, только та тихая, спокойная уверенность, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, из той веры, которая не боится никаких испытаний, из той веры, которая вела его предков через все войны и все страдания, которая помогала им выстоять, когда всё было против них, которая давала им силы идти вперёд, когда смерть смотрела им в глаза.

Мать Егора, Аксинья, жена старшего Егора, который остался в Петербурге при храме, стояла у берёзы, той самой, что посадил Емельян, и её лицо было бледным и встревоженным, с той глубокой, материнской болью, которая бывает у женщин, провожающих своих сыновей на войну, когда они не знают, увидят ли их снова, когда они не знают, вернутся ли они живыми, когда они не знают, что их ждёт впереди, но в глазах горела та вера, которая была её опорой, её единственным спасением в этот трудный час, её единственной надеждой в этой кромешной тьме, её единственным светом в этой долгой ночи. Она молилась, и её голос был тих, но в нём слышалась вся её любовь к сыну и вся её тревога за него, вся та боль, которая живёт в сердце матери, провожающей своего ребёнка на войну, когда она знает, что он идёт на смерть, когда она не знает, увидит ли его снова, когда она может только молиться и ждать, когда она может только верить и надеяться:

- Егор, - сказала она, и её голос дрожал от слёз, которые она не могла сдержать, которые текли по её щекам, оставляя мокрые дорожки, которые падали на её руки, сжатые в молитве, - береги себя, сынок, береги свою жизнь, береги свою веру, береги свою душу, береги свою честь. Молись каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, и Господь услышит тебя, Он будет с тобой в бою и в мире, в жизни и в смерти, в победе и в поражении, в радости и в горе. Мы будем ждать тебя здесь, у нашей берёзы, и мы будем молиться за тебя каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, пока ты не вернёшься, пока мы не увидим тебя снова, пока мы не обнимем тебя и не скажем тебе, как сильно мы тебя любим.

Егор обнял мать, и его руки сжали её, и он чувствовал, как её тело дрожит от слёз, как её сердце бьётся в унисон с его сердцем, как её душа сливается с его душой в этом последнем объятии, в этом прощании, которое могло стать последним, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась вся его любовь, вся его нежность, вся его благодарность за ту

жизнь, которую она ему дала, за ту веру, которую она в него вложила, за ту любовь, которая была его опорой, за те молитвы, которые она возносила за него все эти годы:

- Я вернусь, мама, я обязательно вернусь, я обещаю тебе, я клянусь тебе этим крестом, я клянусь тебе своей верой и своей честью, я клянусь тебе памятью наших предков. Берёзовы всегда возвращаются, как возвращались наши предки, как возвращался наш прадед Емельян, как возвращались все, кто шёл на войну с верой в сердце, все, кто не боялся смерти и шёл на неё с молитвой на устах, все, кто сохранил свою веру и свою честь, все, кто не сдался и не предал, даже когда всё было против них.

Он сел на коня, и его взгляд на мгновение задержался на берёзе, на её белой, гладкой коре и зелёных листьях, которые шелестели на ветру, словно прощаясь с ним, словно обещая ему, что они будут ждать его возвращения, что они будут хранить его память и его веру, что они будут напоминать тем, кто придёт после него, о том, что он был здесь, что он защищал эту землю, что он не сдался, что он не предал, что он сохранил свою честь и свою веру. Он прищипорил коня и уехал, оставляя за собой мать, станицу и ту берёзу, которая была символом их рода, их веры и их надежды, их любви и их памяти, их жизни и их смерти.

Старый Иван провожал правнука до околицы, до того самого места, где заканчивалась станица и начиналась бескрайняя степь, которая простиралась до самого горизонта, где небо сливалось с землёй, и он держал в руке икону Николая Угодника, которую носил ещё его дед Емельян, которая прошла через все войны и все испытания, которая была свидетелем всех их побед и поражений, и его лицо было спокойным, с той внешней, показной спокойностью, которая должна была скрывать его тревогу, но в глазах читалась та глубокая, внутренняя тревога, которая живёт в сердцах стариков, провожающих молодых на войну, когда они знают, что могут больше никогда не увидеть их, когда они понимают, что их время уходит, а молодые вступают в свою борьбу, когда они знают, что они уже не могут идти в бой, но могут передать свою веру и свою любовь тем, кто пойдёт вместо них. Он говорил, и его голос был твёрд, как сталь, закалённая в огне, как тот клинок, который он носил на поясе, когда был молод, когда он сам шёл в бой и не боялся ни врага, ни смерти, ни самого дьявола:

- Егор, когда будешь в бою, когда увидишь врага лицом к лицу, когда почувствуешь, что силы оставляют тебя, что смерть уже смотрит тебе в глаза, что надежды больше нет, вспомни наш род, вспоминай тех, кто был до тебя, вспоминай их веру и их мужество, вспоминай их жертвы и их победы, вспоминай их слова и их молитвы. Мы - Берёзовы. Мы выстояли в Семилетнюю войну, мы выстояли в походах с Суворовым, мы выстояли в тысяча восемьсот тринадцатом, когда Наполеон уже стоял у стен Москвы и казалось, что всё потеряно, когда смерть смотрела нам в глаза, когда мы не знали, увидим ли мы завтрашнее утро. Мы выстоим и сейчас, потому что с нами Бог, потому что наша вера крепка, как корни этой берёзы, и Он не оставит нас, если мы будем верны Ему, если мы не предадим свою веру и свою честь, если мы не потеряем надежды, даже когда всё будет против нас, даже когда смерть будет смотреть нам в глаза.

Он благословил Егора, и его рука, дрожащая, но уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, коснулась лба, груди и плеч правнука, передавая ему ту веру, которая была их общей опорой, их общей силой, их общей защитой, их общей надеждой, их общей жизнью. Егор поклонился деду, чувствуя, как его сердце наполняется силой, как его душа наполняется той тихой, спокойной уверенностью, которая рождается из веры, и прищипорил коня, скача на запад, туда, где ждала его война, где ждала его судьба, где ждала его смерть или победа, где ждала его слава или забвение.

Донская станица готовилась к войне, и её жизнь, размеренная и мирная, которая текла веками, которая была неизменной, как течение Дона, как смена времён года, как восход и закат солнца, наполнилась той тревожной суетой, которая бывает перед великими событиями, когда каждый день, каждый час, каждая минута становятся на вес золота, когда люди понимают,

что их мир может рухнуть в любой момент, когда они знают, что их жизнь может измениться навсегда. Казаки собирали провизию, оружие, боеприпасы, и их руки, привыкшие к плугу и топору, к мирному труду на земле, к той жизни, которая была их судьбой, снова брались за сабли и винтовки, за те орудия смерти, которые были их единственной защитой, их единственной надеждой в этой борьбе, их единственным способом сохранить свою свободу и свою веру. Женщины пекли хлеб, шили одежду, готовили тёплые вещи для тех, кто должен был уйти на фронт, для тех, кто не знал, когда вернётся домой, для тех, кто мог не вернуться вообще, и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, внутренней тревогой, которая жила в душе каждой матери и жены, были обращены на запад, туда, где уже слышались отзвуки войны, туда, где уже горели огни вражеских лагерей, туда, где уже ждал их враг.

В церкви служили молебны, и их голоса, полные веры и надежды, поднимались к небу, как тот дым ладана, который смешивается с дыханием верующих и доходит до самого Бога, и в этих голосах была та сила, которая была сильнее любого страха, сильнее любой боли, сильнее самой смерти, сильнее всех тех испытаний, которые могли выпасть на их долю. Аксинья стояла на коленях перед иконой Богородицы, перед той самой иконой, перед которой молились её бабки и прабабки, которая была символом их рода и их веры, которая прошла через все войны и все испытания, и её голос, тихий и дрожащий, с той глубокой, искренней верой, которая была её опорой, был полон той веры, которая была её опорой, её единственным спасением в этот трудный час, её единственным утешением в этой борьбе, её единственным светом в этой кромешной тьме:

- Матерь Божия, Пресвятая Богородица, заступница рода нашего, защитница земли русской, сохрани моего сына, сохрани его в бою, сохрани его от пули и сабли, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды, от всех тех опасностей, которые подстерегают его на войне. Сохрани всю нашу землю, сохрани всех, кто идёт в бой за веру и Отечество, всех, кто защищает наши семьи и наши дома, всех, кто не боится смерти, потому что знает, что умирает за правое дело, всех, кто готов отдать свою жизнь за свою веру и свою свободу.

Рядом с ней другие женщины плакали, и их слёзы падали на холодный каменный пол, оставляя тёмные пятна, которые были как следы их боли, как следы их любви, как следы их надежды, но их руки, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, были едины в этом жесте, едины в той вере, которая была их общей опорой, их общей надеждой, их единственным утешением в этот трудный час, их единственным светом в этой кромешной тьме, их единственной защитой в этой борьбе.

Вечер опускался на станицу, и небо, окрашенное в багряные и золотые тона, казалось, прощалось с уходящим днём, провожая его в ту вечность, где нет ни войны, ни смерти, ни страданий, только тишина и покой, только тот мир, который они все так долго искали, только та жизнь, которую они защищали. Старый Иван сидел у берёзы и смотрел на запад, туда, где уехал его правнук, туда, где должна была начаться война, туда, где решалась судьба России, и его душа, уставшая и тревожная, была полна той тихой, спокойной печали, которая бывает у людей, когда они понимают, что их время уходит, а молодые вступают в свою борьбу, когда они знают, что они уже не могут идти в бой, но могут передать свою веру и свою любовь тем, кто пойдёт вместо них, тем, кто продолжит их дело, тем, кто будет стоять под этой берёзой, когда их уже не станет. Он вспоминал своего деда Емельяна, который тоже сидел под этой берёзой и ждал вестей с войны, ждал, когда вернутся его сыновья и внуки, когда закончится война и наступит мир, и в этих воспоминаниях он находил ту силу, которая помогала ему жить, ту веру, которая была его опорой, ту надежду, которая была его спасением, ту любовь, которая была его жизнью.

- Время идёт, - прошептал он, и его голос был тих, как шёпот ветра в листьях, как тот тихий, успокаивающий шёпот, который слышит только тот, кто умеет слушать, кто умеет слышать голос прошлого, кто умеет чувствовать связь с теми, кто был до него, кто умеет хранить

память и передавать её дальше, - а берёза всё стоит, она не сгибается, не ломается, не падает, она выдерживает все бури и все ветры, все морозы и все засухи, и остаётся стоять, как символ вечности и веры. И как наша вера, которая передаётся из поколения в поколение, как наша любовь к этой земле, как наша память о тех, кто был до нас, как наша надежда на тех, кто будет после нас. Она не сломается, как не сломалась наша семья, как не сломалась наша страна, как не сломались те, кто был до нас, как не ломаемся мы, как не сломаются те, кто придёт после нас, потому что вера наша крепка, как корни этой берёзы, и она будет жить вечно.

Он перекрестился, и его рука, дрожащая, но уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, коснулась лба, груди и плеч, и он встал, погладил кору дерева, чувствуя её тепло и силу, её жизнь и её мудрость, её вечность и её красоту, и ушёл в дом, и его шаги были медленными и тяжёлыми, как у человека, который знает, что его время уходит, но который передал свою веру и свою любовь тем, кто продолжит его дело, тем, кто будет стоять под этой берёзой, когда его уже не станет, тем, кто будет защищать эту землю, когда он уже не сможет. Завтра должны были прийти новые вести, но он знал - Берёзовы не сдаются, как не сдавалась Россия, и они выстоят, как выстаивали всегда, как выстаивали их предки, как выстаивали те, кто шёл на войну с верой в сердце и с молитвой на устах, как выстаивали те, кто не боялся смерти и шёл на неё с открытыми глазами, зная, что умирает за правое дело, за свою землю, за свою веру, за свою семью, за свою честь, за свою жизнь.

Глава 11. Война близка

Май тысяча восемьсот двенадцатого года стоял в Петербурге той особенной, тревожной порой, когда город, обычно шумный и весёлый, с его балами, театрами и бесконечными празднествами, казалось, затаил дыхание, чувствуя ту грозу, которая уже стояла на пороге, готовая обрушиться на него всей своей неумолимой силой, готовая изменить всё, готовая перевернуть их жизнь, готовая стереть с лица земли то, что они любили и чем дорожили. Это был тот май, когда даже самые беззаботные обыватели, те, кто ещё вчера думал только о балах и карточных долгах, теперь ходили с опущенными головами и говорили шёпотом, словно боялись, что их слова могут быть услышаны кем-то, кто принесёт беду. Петербург, величественный и многолюдный, с его дворцами, набережными и мостами, готовился к той войне, которая уже стояла на пороге, и его улицы, обычно шумные и весёлые, были наполнены той тревожной суетой, которая бывает перед великими испытаниями, когда каждый день, каждый час, каждая минута становятся на вес золота, когда люди понимают, что их мир может рухнуть в любой момент.

По улицам проходили войска, их колонны, бесконечные и мерные, двигались с той размеренной, неотвратимой силой, которая бывает у судьбы, и барабанный бой, сухой и чёткий, как стук сердца, как тот ритм, который отбивает время и неумолимо движется вперёд, разносился над городом, смешиваясь с топотом тысяч ног и звоном оружия, и этот звук, как пульс, как тот ритм, который отбивает время, отдавался в сердцах людей, заставляя их сжиматься от тревоги и надежды, от той смеси страха и решимости, которая жила в душе каждого, кто знал, что война уже близка, что она уже стучится в их двери, что она уже требует их крови и их жизней. Люди выходили из домов, смотрели на солдат, и в их глазах была та тревога, смешанная с той верой, которая была их общей опорой, их единственным спасением в этот трудный час, той верой, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех испытаний, которые могли выпасть на их долю.

В храме Спаса на Крови, этом величественном символе русской веры, с его золотыми куполами, которые сверкали на солнце, и мозаичными иконами, которые смотрели на мир с вековой мудростью и печалью, отец Александр служил молебен о воинстве, о тех, кто готовился идти на войну, кто должен был защищать свою землю и свою веру, кто должен был стать щитом между врагом и их семьями. Прихожане заполнили церковь до краёв - офицеры в парадных мундирах, с орденами и лентами на груди, которые блестели в свете свечей, солдаты в поход-

ной форме, с винтовками на плечах, их семьи, их матери, жёны и дети, простые горожане в своих скромных одеждах - и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, внутренней верой, которая жила в душе каждого, были обращены к алтарю, к тем святым ликам, которые смотрели на них с вековой мудростью и печалью, которые видели столько войн и столько страданий, которые знали, что такое боль и потеря.

Свечи горели ровным светом, и их огоньки отражались в золоте икон и в глазах молящихся, создавая ту особую, торжественную атмосферу, которая бывает в моменты великой тревоги, когда сердца людей сжимаются от страха, а души ищут утешения в вере, когда они понимают, что только Бог может спасти их, что только вера может дать им силы пережить то, что должно случиться. Отец Александр стоял у алтаря, и его голос, полный той веры, которая не знает страха и не знает сомнений, той веры, которая была его опорой в самые трудные моменты, разносился под сводами храма, проникая в каждое сердце, в каждую душу, наполняя их той силой, которая была сильнее любого оружия, сильнее любого врага, сильнее самой смерти:

- Господи, благослови воинов наших, благослови их на ратный подвиг, на ту священную борьбу, которая ждёт их, на ту войну, которая должна стать защитой нашей веры и нашей свободы! Защити их от стрел вражеских и от коварства, от пули и сабли, от голода и холода, от отчаяния и страха! Даруй им победу над врагом, который хочет попортить нашу веру и нашу землю, который хочет уничтожить всё, что нам дорого, всё, что мы любим и защищаем, всё, что мы считаем святым! Сохрани их в бою и дай им сил идти до конца, не отступать, не сдаваться, не предавать, не терять веры, даже когда смерть будет смотреть им в глаза!

Слышен был плач, и слёзы, горячие и солёные, падали на холодный каменный пол, смешиваясь с запахом ладана и воска, создавая ту особую, пронзительную атмосферу, которая бывает в моменты великой скорби, когда люди понимают, что их жизнь может измениться навсегда, что их близкие могут не вернуться домой, что они могут больше никогда не увидеть их. Но в глазах людей горел тот огонь, который бывает у людей, когда они знают, что война неизбежна, когда они готовы встретить её с достоинством и той верой в сердце, которая была их общей опорой, их единственной защитой в этот трудный час, их единственным светом в этой кромешной тьме.

В доме при храме, в той маленькой, уютной комнате, где всегда царил мир и покой, где стены помнили голоса многих поколений, где каждая вещь хранила память о тех, кто жил здесь до них, Надежда собирала вещи для сына - тёплые рубахи, которые шила сама, вкладывая в каждый стежок свою любовь и свою молитву, кисты с табаком, который он любил, иконку, которую он просил передать ему, ту самую икону, которая была в их семье несколько поколений, которая прошла через все войны и все испытания, которая была символом их веры и их надежды. Её руки дрожали, но она работала быстро, стараясь не думать о том, что скоро её сын уйдёт в бой, что она может не увидеть его больше, что он может остаться на том поле, которое уже ждало его, что он может умереть там, в чужой земле, и она никогда не сможет обнять его, никогда не скажет ему, как сильно она его любит.

Катерина помогала ей, и её глаза, большие и влажные, с той глубокой, детской тревогой, которая бывает у людей, когда они боятся за тех, кого любят, когда они не знают, что ждёт их впереди, когда они не могут защитить своих близких от опасности, были полны слёз, которые она старалась сдерживать, но которые всё равно текли по её щекам, оставляя мокрые дорожки, которые блестели в свете свечи. Её руки, хотя и дрожали, помогали матери укладывать вещи, и в каждом её движении была та любовь, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти.

- Мама, - сказала Катерина, и её голос дрожал от той тревоги, которая жила в её сердце, от той боли, которая сжимала её грудь и не давала дышать, - а Егор вернётся? Он ведь вернётся

к нам, правда, он не погибнет там, на этой страшной войне, которая уже началась, которая уже стучится в наши двери, которая уже зовёт его на поле брани?

Надежда смахнула слезу, которая покатилась по её щеке, и её голос, когда она ответила, был твёрд, как сталь, закалённая в огне, ибо она знала, что должна быть сильной ради своих детей, ради той веры, которая была их общей опорой, ради той любви, которая была их общей силой:

- Вернётся, дочка, обязательно вернётся, я верю в это всем сердцем, всей душой, всей своей жизнью. Мы будем молиться за него каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, и Господь услышит нас, Он защитит его и приведёт обратно к нам, к нашему дому, к нашей семье, к нашей вере, к нашей берёзе. Он - Берёзов, а Берёзовы всегда возвращаются, как возвращались наши предки, как возвращался наш прадед Емельян, как возвращались все, кто шёл на войну с верой в сердце, все, кто не боялся смерти и шёл на неё с молитвой на устах, все, кто сохранил свою веру и свою честь.

Она спрятала иконку в посылку, и её руки, дрожащие, но уверенные, с той силой, которая передаётся только через веру, перевязали её крест-накрест, и она поцеловала её, передавая частичку своей любви сыну, который был далеко, на границе, готовый к бою, готовый встретить смерть, и эта любовь, как свет, как тепло, как та молитва, которая поднимается к небу, должна была согревать его в те трудные дни, которые ждали его впереди, должна была давать ему силы идти вперёд, не останавливаться, не падать, не сдаваться.

На границе, в казачьем дозоре, стояла та особенная, пронизывающая тишина, которая бывает только перед великой бурей, когда ветер, ещё не начавшийся, уже чувствуется в воздухе, и всё замирает в ожидании, и только редкие, отрывистые голоса нарушают эту тишину, как капли воды, падающие в спокойное озеро. Ночь была холодной и тёмной, и ветер доносил запах дыма и конского пота - французская армия была уже на той стороне Немана, готовая к переходу, и её присутствие, как тень, как зловещее предзнаменование, ложилось на всю землю, на все души, на все сердца, на все судьбы. Егор и Петро стояли на посту, глядя на запад, и их глаза, привыкшие к темноте за долгие месяцы службы, видели, как тысячи солдат строились в боевые порядки, как их пушки, чёрные и тяжёлые, блестели на солнце, как их знамёна, яркие и пёстрые, развевались на ветру, и эта картина, внушительная и пугающая, была как предзнаменование того, что должно было случиться, как тот сон, который становится явью, как та реальность, которая уже стояла на пороге.

- Скоро, - сказал Петро, и его голос был тих, но в нём слышалась та тревога, которая жила в душе каждого солдата, стоящего на границе, когда он видит врага, готового к атаке, когда он понимает, что война уже началась, что она уже здесь, что она уже дышит им в спину. - Скоро они перейдут, и тогда начнётся война, та война, о которой мы так долго говорили, та война, которая должна решить судьбу России, та война, которая должна изменить всё, которая должна стереть с лица земли то, что мы любим и защищаем.

- Скоро, - ответил Егор, и его голос был твёрд, как сталь, закалённая в огне, ибо он знал, что отступать некуда, что за ним - его земля, его вера, его семья, его дом, всё то, что он любит и за что он готов умереть. - Господь с нами, Петро, и Он не оставит нас, Он будет с нами в бою и в мире, в жизни и в смерти, в победе и в поражении, в радости и в горе. Мы выстоим, как выстаивали наши предки, как выстаивали все, кто защищал эту землю, как выстаивали все, кто не боялся смерти и шёл на неё с молитвой на устах.

Он сжал крест на своей груди - теперь уже три креста: отцовский, старый и потёртый, с выщербленными краями, дедовский, с потемневшим металлом, и тот, что дал ему прадед Иван на Дону, - и почувствовал, как их тяжесть и тепло наполняют его силой, той силой, которая передаётся через поколения, той силой, которая была его опорой в самые трудные моменты. Три поколения Берёзовых было на его груди, три поколения, которые смотрели на него и вели его в бой, и их вера, как свет, как тот внутренний огонь, который никогда не гаснет, освещала

ему путь в этой кромешной тьме, давала ему силы идти вперёд, не останавливаться, не падать, не сдаваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.